

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 11-004

ТАЙНЫЕ ИНФОРМАТОРЫ КРЕМЛЯ

В.С. Антонов
В.Н. Карпов

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

Annotation

...Долгие годы архивы Службы внешней разведки России хранили тайну разведчиков-нелегалов "Вестов", арестованных в Аргентине в результате предательства, более пятнадцати месяцев вместе с детьми находившихся в плену у аргентинской контрразведки и ЦРУ и сумевших совершить побег и возвратиться на Родину.

...Как пришли в советскую внешнюю разведку Артур Артузов, Федор Карин, Дмитрий Быстролетов и как сложилась их дальнейшая судьба? Почему Федор Карин, проработавший долгие годы в ИНО ОГПУ, получил звание комкора?

.. .Свои донесения в Центр Африка де Лас Эрас подписывала оперативным псевдонимом "Натрия", что в переводе с испанского означает "Родина". Более 45 лет эта мужественная испанка отдала советской разведке.

Об этих и других выдающихся разведчиках, самоотверженно трудившихся на благо нашего Отечества, читатель узнает из этой книги.

- [Антонов В., Карпов В](#)
 - [Секретный сотрудник ВЧК](#)
 - [У истоков внешней разведки](#)
 - [Они были первыми](#)
 - [Тайна гибели С. Могилевского](#)
 - [Руководитель разведки](#)
 - [По рекомендации Трилиссера](#)
 - [Разведчик 1920-х годов](#)
 - [Боец «Невидимого фронта»](#)
 - [Сын Его Превосходительства](#)
 - [Погибший на посту](#)
 - [Разведчик Мильграм](#)
 - [Специалист по добыванию шифров](#)
 - [Нелегал Ахмеров](#)
 - [От Дальнего Востока до Адриатики](#)
 - [Куратор «Кембриджской пятерки»](#)
 - [Команданте Грегорео](#)
 - [Из разведки в... кино](#)
 - [Резидент в Великобритании](#)

- [Командир ОМСБОН](#)
 - [Преемственность поколений](#)
-

Антонов В., Карпов В
Тайные информаторы Кремля

Секретный сотрудник ВЧК

Октябрьская революция 1917 года в России принесла финскому народу национальную независимость. В декабре 1917 года Совет Народных Комиссаров признал Финляндию, входившую в состав Российской империи, в качестве самостоятельного государства, а 4 января 1918 года это постановление СНК было утверждено ВЦИК РСФСР.

Однако внутривластное положение в Финляндии оставалось крайне сложным и неустойчивым. Социал-демократы и финские красногвардейцы, отстаивавшие независимость страны, стояли на позициях строгого нейтралитета, укрепления дружественных отношений с молодой республикой Советов. Им противостояли буржуазные партии, ориентированные в своих политических расчетах на Германию и Швецию. В противовес финским красногвардейцам они создали белую гвардию (шюцкор), кадры которой обучались военному делу в Германии и Швеции.

К концу января 1918 года классовая борьба в Финляндии обострилась до предела, и в ночь на 28 января в стране началась рабочая революция. По призыву руководства рабочих организаций красногвардейцы захватили правительственные учреждения, банки. Сопrotивление шюцкоровцев в южной части Финляндии и в столице было сломлено. Север страны и частично центральная ее часть оставались в руках белой гвардии. В Гельсингфорсе (как тогда на шведский манер называли Хельсинки) было сформировано революционное правительство — Совет народных уполномоченных, которое возглавил социал-демократ К. Маннер. Однако буржуазия не примирилась с поражением. Была сделана ставка на помощь германского империализма и шведской военщины. В Финляндии началась Гражданская война.

В этой обстановке Советскому правительству были необходимы достоверные сведения о наиболее важных политических и военных событиях, происходящих в Финляндии, о возможной военной коалиции финской буржуазии с Германией и Швецией, направленной против страны Советов, и о возможном использовании германской военщиной финской территории для удара по Петрограду. Иными словами, встал вопрос о получении разведывательных данных о внутривластном положении в Финляндии и ее роли в германских военных планах.

Значение такой информации определялось не только тем, что

Финляндия была ближайшим северным соседом России, и нельзя было допустить, чтобы она стала плацдармом для наступления германских войск на Петроград. Не менее серьезным фактором, напрямую затрагивавшим безопасность советского государства, являлось и то, что в портах Финляндии продолжали базироваться корабли Балтийского флота. В его главной базе в Гельсингфорсе находился и возникший в мае 1917 года высший выборный орган флота — Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота). Судовые комитеты на кораблях подчинялись Центробалту и выполняли его распоряжения. Вместе с тем должного единения ни среди командиров кораблей, ни в офицерском корпусе флота, ни среди матросов не было. Команды кораблей постоянно лихорадило. А советскому правительству, естественно, не было безразлично, как поведут себя командиры кораблей и их экипажи в случае немецкого наступления.

Не менее остро стояла проблема и с гарнизоном сухопутных российских войск в Финляндии, численность которого к тому времени составляла примерно 20 тысяч человек. Имелись сведения о том, что солдатам надоела война, им хотелось поскорее возвратиться в родные места. Гарнизонная служба велась плохо, отсутствовала должная дисциплина, полностью нарушилось взаимодействие с флотом.

Молодое советское государство поставило перед собой трудную задачу, которая заключалась в том, чтобы с наступлением весны 1918 года вывести из Финляндии, по возможности, без потерь, российскую армию и флот. А для этого все перечисленные выше проблемы нуждались в быстром и глубоком изучении и освещении. Сделать это мог только человек, который до революции часто посещал Финляндию, хорошо её знал, имел там довольно широкие знакомства в правительственных кругах и среди представителей оппозиционных партий.

Таким человеком оказался Алексей Фролович Филиппов, являвшийся секретным сотрудником при Президиуме ВЧК. Именно ему лично Дзержинским было поручено выяснить истинное положение дел в переживавшей важные события соседней северной стране.

Алексей Филиппов родился в 1870 году в Могилеве в семье технического служащего женской гимназии и кухарки. Окончил юридический факультет Московского университета. После окончания университета сначала намеревался остаться на кафедре и заниматься наукой, так как во время учебы трижды получал за свои труды золотые медали. Однако в конце концов избрал для себя литературно-издательское поприще, к чему давно имел серьезное влечение. Работал в издательстве Сытина. Позже занялся самостоятельной литературно-издательской

деятельностью: являлся основателем в Саранске газеты «Русское слово», затем владельцем московского журнала «Русское обозрение». В 1906 году издавал газеты «Ревельские известия» и «Кубань». За статьи в последней подвергался преследованию со стороны царской охранки, был осужден на один год тюремного заключения. Затем в Новороссийске издавал газету «Черноморское побережье», за статьи в которой имел 82 судебных процесса.

В 1912 году А. Ф. Филиппов переехал в Санкт-Петербург. Некоторое время работал по найму в одном из банков, сотрудничал в биржевой прессе. В 1913 году стал издавать газету «Деньги» и обосновал собственный банкирский дом в виде «товарищества на вере», которое вскоре после Октябрьской революции распалось. Издательская деятельность и работа на поприще банковского дела позволили ему приобрести обширные связи среди издателей, а также в кругах крупных промышленников и финансистов.

По своим политическим взглядам Филиппов был человеком прогрессивных убеждений. Будучи беспартийным, он поддержал Октябрьскую революцию и сразу же встал на сторону большевиков, подчеркивая государственнический и народный характер большевизма. В одном из своих писем, сохранившихся до наших дней, он отмечал:

«Независимо от значения большевизма и его приемов действия для осуществления общих идеалов социализма, он представляет собой применительно к данному времени явление народное, а поэтому и глубокое, несущее в себе целительную силу всего национального организма... Ошибочно считают некоторые большевизм временным явлением. Напротив, при данном положении России только большевизм есть идейная, объединяющая народные массы сила, потому и притягательная для всех».

И далее, говоря о политическом направлении газеты, которую он собирался издавать, Филиппов пишет о том, что она должна обращать внимание на изучение и разъяснение положительных сторон русской жизни, на самодеятельность масс и на ту плодотворную работу партийных представителей Советской власти, которые «проявляют высшую степень хозяйственного прозрения на десятки лет вперед».

А. Ф. Филиппов был знаком с А. В. Луначарским, часто встречался с ним и в беседах излагал свои соображения относительно организации

учебного процесса в университетах и других российских вузах. Однажды в конце декабря 1917 года он пришел крайне взволнованный к Луначарскому и сообщил о том, что в Петрограде среди представителей партий, находящихся в оппозиции к Советской власти, ходят упорные слухи о готовящемся перевороте эсеров и о возможном покушении на В. И. Ленина. Луначарский посоветовал Филиппову без промедления передать эти сведения Дзержинскому. Буквально на следующий день в доме номер 2 на петроградской Гороховой улице, где в то время размещалась Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, состоялась его встреча с Дзержинским. Переданные Филипповым в ВЧК сведения оказались весьма полезными и своевременными. Через несколько дней, 1 января 1918 года, началось эсеровское выступление, которое было подавлено.

Именно со знакомства с Дзержинским началось сотрудничество Алексея Фроловича с ВЧК. Вот как он сам писал об этом позже в своих воспоминаниях:

«После нескольких встреч с Дзержинским, он пригласил меня помогать ему. Дело было при самом основании ВЧК, на Гороховой, 2, когда там было всего четыре работника. Я согласился, и причем безвозмездно, не получая платы, давать ему все те сведения, которые приходилось слышать в кругах промышленных, банковских и отчасти консервативных (ибо тогда боялись выступлений контрреволюции со стороны черносотенцев)».

А. Ф. Филиппову было выдано удостоверение, в котором указывалось, что он является секретным сотрудником ВЧК. Дзержинский и Филиппов стали регулярно встречаться, их служебный контакт постепенно перерос в большую личную дружбу.

В то время руководством страны рассматривался проект декрета о национализации банков, и перед Филипповым была поставлена задача подготовить обстоятельную докладную записку о состоянии финансового и банковского дела в послереволюционной России. Алексей Фролович успешно справился с этой работой. За короткий срок он представил Дзержинскому три подробных и обстоятельных доклада по поставленным ему вопросам. Кроме того, он помог чекистам вскрыть махинации чиновников банков, уличить их в проведении умышленного саботажа.

Но вернемся к событиям в Финляндии, о которых шла речь в начале

очерка.

Учитывая, что Филиппов до революции много раз бывал в этой стране, имел там довольно широкий круг знакомых и, наконец, зная о его осведомленности о происходящих там событиях, Дзержинский предложил Алексею Фроловичу выехать в Финляндию под прикрытием корреспондента одной из российских газет. На этот раз перед Филипповым были поставлены задачи чисто разведывательного характера: сбор информации о внутривнутриполитическом положении в Финляндии, о мерах правительства К. Маннера по упрочению своих позиций, о его перспективах и возможности продержаться у власти. Одновременно он должен был собрать сведения о планах финской буржуазии и белой гвардии (шюцкора). В частности, Филиппову предстояло выяснить насколько вероятен их военный союз с Германией. На разведчика возлагалась также задача по «изучению настроений матросских и солдатских масс, вооруженной борьбы в Финляндии и судеб русского флота».

В литературе по истории советской внешней разведки отмечается, что это был первый вывод сотрудника ВЧК за кордон с разведывательными целями, положивший начало данному способу чекистской работы за границей. Это подтверждают и архивные материалы Службы внешней разведки России.

В январе-марте 1918 года А. Ф. Филиппов несколько раз выезжал в Финляндию. Сохранившиеся в архивах разведки его письменные донесения и отчеты говорят о том, что он проявил немало находчивости, энергии и настойчивости для выполнения разведывательного задания Ф. Э. Дзержинского. В Гельсингфорсе он встречался с председателем Совета народных уполномоченных К. Маннером и о результатах этих переговоров докладывал лично Дзержинскому. Как правило, Филиппов составлял подробные и обстоятельные донесения, отличавшиеся присущей опытному журналисту наблюдательностью, политической остротой и глубоким анализом. Так, в одном из своих сообщений он, в частности, указывал:

«Ф.Э.Дзержинскому (лично и конфиденциально).

После беседы с Председателем народных уполномоченных Маннером у меня сложилось твердое убеждение, что правительство Финляндии желает сохранить строгий нейтралитет и не будет предпринимать каких-либо действий, могущих вызвать вмешательство в их дела любой иностранной державы.

Вместе с тем правительству трудно будет удержаться у власти, поскольку север страны и частично центральная часть ее

продолжают оставаться под контролем финской буржуазии, которая имеет силу в Сенате и плетет интриги с Германией и Швецией, что несовместимо с нейтралитетом Финляндии».

В начале 1918 года Советское правительство вело усиленную подготовку к переговорам о заключении мира с Германией. Поэтому любая информация о военных планах немцев и передвижении их войск представляла для Центра большой интерес с точки зрения определения позиции российской делегации на переговорах. В частности, очень важно было иметь представление о том, каким образом поведет себя Германия в отношении Финляндии, будет ли она использовать эту страну в войне против Советской Республики.

Значительная часть информации Филиппова относилась именно к этому кругу вопросов. В конце января 1918 года он сообщал о возможном захвате немцами Аландских островов. Вскоре его информация подтвердилась. Одновременно в столице Финляндии стали циркулировать слухи о возможном наступлении немцев на Петроград. Касаясь этого вопроса, Филиппов писал:

«... Подготавливая умы к наступлению опасности с одной стороны, немцы идут в другом направлении. Германские войска планируют приступить к захвату Балтийского флота, базирующегося в финских портах. Без этого даже взятие Петрограда не даст им желанной победы. Поэтому необходимо убедить каждого из команд кораблей, находящихся в этой стране, в важности общего выступления, так как немцы боятся только флота».

Выполняя поставленную перед ним задачу, Филиппов подробно изучал обстановку на флоте и в армейских гарнизонах, лично докладывая о своих наблюдениях Дзержинскому. В одном из своих донесений он, в частности, отмечал:

«Положение здесь отчаянное. Команды ждут весны, чтобы уйти домой. Матросы требуют доплат, началось брожение, появляются анархисты, которые продают на месте имущество казны.

... Балтийский флот почти не ремонтировался из-за нехватки необходимых для этого материалов (красителей, стали, свинца,

железа, смазочных материалов). В то же время эта продукция практически открыто направляется путем преступных сделок из Петрограда в Финляндию с последующей переотправкой через финские порты в Германию».

Еще более тревожное положение было в армейских частях. В сообщении от 23 февраля 1918 года Филиппов проинформировал ВЧК о готовящемся нападении группы финских белогвардейцев в Гельсингфорсе и в районе Выборга на российские динамитные и пороховые погреба, так как караульная служба там практически не велась. Он также предлагал «до ухода флота в Кронштадт развернуть вербовку на суда надежных матросов, в том числе из эстонцев и финнов». Одновременно Филиппов указывал на необходимость «срочно командировать в Финляндию надежные отряды красногвардейцев с тем, чтобы навести порядок и усилить местные гарнизоны, а местами просто заменить их». Разведчик настаивал на немедленной организации должного взаимодействия армии и флота, которое к тому времени фактически отсутствовало. По этому вопросу он не раз беседовал с председателем Центробалта П. Е. Дыбенко, находившимся в Финляндии. Филиппову также удалось убедить командующего Балтийским флотом адмирала А. В. Развозова поддержать большевиков. О всех своих действиях Филиппов аккуратно информировал устно или письменно Дзержинского и других руководителей ВЧК.

Сохранившиеся материалы позволяют сделать вывод о том, что результатами своей разведывательной работы Филиппов полностью оправдал надежды Дзержинского. Несмотря на то, что обстановка в Финляндии менялась с калейдоскопической быстротой, Филиппову удавалось выделить самое главное, самое актуальное и своевременно информировать о происходящих там событиях Центр. Его донесения отличались четкостью и лаконичностью. В них всегда содержались конкретные предложения о мерах, которые, по мнению Филиппова, необходимо было предпринять, чтобы повлиять на обстановку в Финляндии и направить ее развитие в нужное для советского государства русло.

Некоторые сообщения А. Ф. Филиппова докладывались непосредственно В. И. Ленину. Так, например, его донесение от 15 февраля 1918 года начиналось следующими словами:

«Товарищ Дзержинский! Завтра возвращаюсь назад с полным, весьма важным докладом. Сейчас сообщая самую

настоятельную просьбу поговорить с Ильичем о непринятии решительных мер до нашего с Вами и с ним свидания».

Далее Филиппов информировал об усилении финской белой гвардии и активизации немецкого военного флота в районе Аландских островов. Он также вносил конкретные предложения об отводе отряда российских кораблей в Кронштадт буксирами. В донесении высказывались соображения о целесообразности оказания Финляндии помощи продовольствием, горючим и смазочными материалами. Одновременно Филиппов предупреждал о необходимости принятия решительных мер, чтобы российские поставки «не попали в руки финских белогвардейцев или, еще хуже, в руки немецкой армии».

А. Ф. Филиппов пользовался большим доверием у Ф. Э. Дзержинского. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Председатель ВЧК поручил ему изучить в Финляндии и Ревеле (Таллине) работу существовавших там до революции отделений контрразведки царской армии и высказать свои соображения по поводу возможного их использования в интересах ВЧК. Алексей Фролович на месте изучил работу этих учреждений и пришел к твердому убеждению, что они «носят в себе все недостатки старого режима и, за небольшим исключением, состоят из чиновников, интересующихся только жалованием, но отнюдь не результатами работы». Поэтому он предлагал без промедлений издать за подписью В. И. Ленина декрет об упразднении этих учреждений и создании вместо них «органов военного контроля, которые бы ежедневно давали советскому правительству сведения о передвижении войск противника». Свое сообщение на имя Дзержинского он завершил следующими словами: «Декрет насчет контрразведки проведите непременно!».

Безусловно, деятельность А. Ф. Филиппова, как одного из первых разведчиков после Октябрьской революции, имела много отличительных черт от работы будущих профессионалов, так как строилась она главным образом на энтузиазме, жизненном опыте и творческой импровизации исполнителя. Никакой специальной подготовки Филиппов не имел, да и приобрести ее практически в то время было негде. Сама обстановка острейшего политического, экономического и социального кризиса в России, тяжкие последствия Первой мировой войны, назревавшая Гражданская война — все эти обстоятельства придавали его работе в ВЧК, в том числе и по линии внешней разведки, неординарный характер. Его деятельности был присущ особый динамизм, непосредственное участие в

срочной реализации конкретных решений руководства Чрезвычайной Комиссии и собственных предложений.

В целом разведывательная работа Алексея Фроловича в Финляндии в определенной степени помогла советскому правительству при проведении важных мероприятий по Балтийскому флоту, прежде всего по перебазированию кораблей из Гельсингфорса и Ревеля в Кронштадт в феврале-мае 1918 года, получившему название «Ледовый переход». Его информация способствовала наведению относительного порядка в гарнизонах российских войск в этой стране, а также использовалась при последующем их перебазировании в Россию.

В марте 1918 года Филиппов возвратился в Петроград, а затем переехал в Москву и был зачислен официальным сотрудником в штаты ВЧК. Сначала он работал в отделе по борьбе со спекуляцией и преступлениями по должности, а позднее был прикомандирован к Президиуму ВЧК для выполнения личных поручений Дзержинского. В это время Филиппов провел расследование ряда дел, связанных с хищениями и саботажем, в том числе, крупного дела по Русско-Балтийскому заводу. Для расследования этого дела он был наделен широкими полномочиями по проверке всей документации предприятия. Об этом, в частности, свидетельствуют имеющиеся в Кабинете истории внешней разведки выданные Филиппову письмо общей канцелярии ВЧК и соответствующее удостоверение, которые подписал Дзержинский.

Расследование по Русско-Балтийскому заводу велось продолжительное время и сопровождалось частыми командировками Филиппова в Таганрог, Петроград и другие города. В результате проведенной чекистами работы удалось выявить злоупотребления со стороны отдельных ответственных чиновников, работавших на этом и смежных с ним предприятиях, установить истинное экономическое положение предприятия, что в конечном счете способствовало становлению промышленности Советской Республики.

Свои обязанности сотрудника при Президиуме ВЧК Филиппов выполнял добросовестно, с присущей ему энергией. Однако вскоре после левоэсеровского мятежа в июле 1918 года он был арестован Петроградской ЧК по подозрению в причастности к монархической организации. Председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий распорядился арестовать Алексея Фроловича и под конвоем доставить его в знаменитую петроградскую тюрьму Кресты.

Сразу же после ареста А. Ф. Филиппов обратился к Ф. Э. Дзержинскому с письменной просьбой «объективно вникнуть в его

положение и вскрыть причину недоразумения, которое с ним произошло».

30 июля 1918 года Дзержинский направил в Петроградскую ЧК письмо следующего содержания:

«Тов. Урицкому.

Дорогой товарищ! Ко мне обратился А.Ф.Филиппов с просьбой вникнуть в его положение, что сидит совершенно зря. Не буду распространяться, пишу Вам потому, что считаю сделать это своей обязанностью по отношению к нему как к сотруднику Комиссии. Просил бы Вас только уведомить меня, в чем именно он обвиняется. С приветом Ф.Дзержинский».

В ходе следствия выяснилось, что Филиппов никакого отношения к монархическим организациям не имел. Дело против него было возбуждено по доносу одного из сотрудников Петроградской ЧК, левого эсера, политическую платформу которых Филиппов не разделял и открыто осуждал.

3 сентября 1918 года А. Ф. Филиппов был освобожден из-под стражи. В его следственном деле появилась запись: «К предъявляемым А. Ф. Филиппову обвинениям он никакого отношения не имеет. На основании изложенного настоящее дело считаем законченным и подлежащим хранению в архиве Комиссии».

После освобождения Алексей Фролович продолжил работать в ВЧК. Он являлся сотрудником секретного отдела. Одновременно был председателем Исполнительного комитета по делам духовенства России.

Скончался А. Ф. Филиппов в Ленинграде в середине 1950-х годов.

У истоков внешней разведки

Победа Октябрьской революции в России и возможный ее выход из Первой мировой войны встретили враждебное отношение в лагере Антанты. С первых дней триумфального шествия советской власти по стране ведущие державы этого блока — Англия, Франция, Италия, Япония и США — организовали заговор против Советской России, предусмотрев, в частности, арест советского правительства и убийство В. И. Ленина. «Заговор послов» был успешно ликвидирован чекистами, благодаря энергичным мерам, предпринятым Ф. Э. Дзержинским. Страны Антанты организовали вооруженную интервенцию против своей бывшей союзницы. Началась Гражданская война. Советская Россия сумела разгромить интервентов и изгнать их из страны.

Однако никто не мог гарантировать, что внешние заговоры против страны Советов на этом прекратятся, поэтому созданная 20 декабря 1917 года Всероссийская чрезвычайная комиссия с первых дней своего существования уделяла внимание получению разведывательной информации из-за рубежа. В начале 1918 года Ф. Э. Дзержинский направляет со специальным разведывательным заданием в Финляндию привлеченного им лично к сотрудничеству с ВЧК бывшего издателя газеты «Деньги» А. Ф. Филиппова. Позже по поручению Ф. Э. Дзержинского в Турцию с разведывательным заданием выезжает агент ВЧК Р. Султанов. По заданию Особых отделов, созданных в декабре 1918 года, сотрудники и агенты ВЧК направляются в тылы германских войск на Украине, в Прибалтике и в Белоруссии для ведения разведки и организации партизанских отрядов.

В то же время в Москве понимали, что решить вопросы, связанные с ведением закордонной разведки в стане противника только путем засылки агентуры за линию фронта, было нельзя. Поэтому осенью 1920 года, проанализировав причины поражения Красной Армии в войне с панской Польшей, Политбюро ЦК РКП(б) пришло к выводу о необходимости для страны иметь надежную разведку. Было принято решение о создании самостоятельной разведывательной службы внутри органов ВЧК. Исходя из этого решения партии, 20 декабря 1920 года Ф. Э. Дзержинский подписал приказ N 169 «О создании Иностранного отдела (ИНО) ВЧК». Исполняющим обязанности начальника ИНО стал Яков Христофорович Давыдов (настоящая фамилия — Давтян).

Родился Яков Давтян 10 октября 1888 года в селе Верхние Акулисы Нахичеванского края в семье крестьянина, занимавшегося мелкой торговлей и садоводством. Отец мальчика умер, когда ему исполнилось всего два года. Мать с двумя детьми на руках осталась без средств к существованию. Вскоре брат матери, служивший в Тифлисе, взял Якова в свой дом на воспитание. Здесь Яков поступил в лучшую в городе 1-ю Тифлисскую гимназию. Интересно отметить, что одновременно с Яковым Давтяном в ней с 1900 по 1903 год учился будущий замечательный русский поэт Николай Гумилев.

1-ю Тифлисскую гимназию в разные годы также окончили будущие начальники советской внешней разведки Рубен Катанян и Владимир Деканозов.

В 1905 году, когда Якову исполнилось 17 лет, он вступил в партию большевиков. Вел работу в ученических и рабочих кружках, находился под негласным надзором полиции.

В 1907 году Я. Давтян окончил гимназию и приехал в Петербург, чтобы поступить в Петербургский университет. Одновременно принимал активное участие в деятельности Петербургской организации РСДРП(б): являлся членом бюро райкома, а затем — членом горкома партии. Работал в ее военной организации, в редакции газеты «Голос казармы», вел агитацию среди солдат.

В конце 1907 года Яков Давтян был арестован полицией «за революционную деятельность». В мае 1908 года был выпущен из тюрьмы под залог и эмигрировал из России в Бельгию, где продолжил учебу в Политехническом университете и получил инженерное образование. Являлся членом Бельгийской социалистической партии и сотрудничал с ее печатными изданиями. Вместе с видным революционером М. М. Литвиновым участвовал в работе русских эмигрантских организаций. В Бельгии он подружился с известной революционеркой Инессой Арманд, проживавшей там в эмиграции.

1 августа 1914 года началась Первая мировая война. Германская армия вероломно вторглась на территорию нейтральной Бельгии и вскоре оккупировала ее. В 1915 году Яков Давтян был арестован германскими оккупационными властями «за ведение антигерманской агитации» и заключен в тюрьму города Аахена. Провел восемь месяцев в одиночной камере. Затем молодой революционер был переведен в лагерь для интернированных, находившийся на территории Германии. За неоднократные попытки побега был переведен в штрафной лагерь.

В августе 1918 года, после подписания Россией Брестского мира с

Германией, Яков Давтян по ходатайству первого советского полпреда в Берлине А. А. Иоффе был освобожден немцами из лагеря для военнопленных и вернулся в Россию. В сентябре того же года он становится заместителем председателя Московского губсовнархоза, который возглавляла Инесса Федоровна Арманд, и фактически руководит его работой. К этому периоду относится и его сотрудничество с газетой «Правда», в которой Яков Христофорович публиковал статьи на экономические и политические темы.

В феврале 1919 года партия направляет Я. Давтяна в составе миссии Российского Красного Креста во Францию для решения вопроса о возвращении на родину солдат и офицеров 40-тысячного Русского экспедиционного корпуса. В миссию, которую возглавлял видный революционер Д. З. Мануильский, входила также и И. Ф. Арманд, долгие годы проживавшая в этой стране. Поначалу французы враждебно встретили посланцев революционной России, однако затем были вынуждены согласиться отпустить на родину русских солдат, оказавшихся волей судеб на чужбине.

В мае 1919 года Яков Давтян и Инесса Арманд сошли с борта французского парохода на берег в Новороссийском порту. Усевшись в пролетку, они собрались было отправиться в путь, однако вдруг с трапа парохода сбежал бородатый солдат и, схватив рысака под узцы, громко крикнул:

— Товарищи! Не уезжайте! Одну минуточку!

Седоки повернулись в сторону парохода. С палубы корабля, как раскаты грома, донеслось троекратное «ура». Это русские солдаты, возвратившиеся на родину, благодарили Давтяна и Арманд за свое вызволение.

Возвратившись в Москву, Я. Давтян обратился в ЦК партии с просьбой устроить его на работу с учетом приобретенного зарубежного опыта. В июне 1919 года он был направлен на Украину в качестве особоуполномоченного Совета обороны с целью инспекции политотделов военных учреждений. В связи с отступлением Красной Армии из Киева в августе 1919 года ему был выдан мандат следующего содержания:

«Тов. Давтяну поручается восстановление порядка в районе Киевского железнодорожного узла, прекращение бесчинств войсковых эшелонов, задержание дезертиров, выселение из вагонов всех лиц, коим по штатам ими пользоваться не положено. Тов. Давтян имеет право ареста с последующим

преданием суду состоящего при нем Ревтрибунала всех не подчиняющихся его распоряжениям, право пользования прямыми проводами, телефонным, телеграфным, право проезда в любом поезде и пользования отдельным паровозом».

Я. Х. Давтян успешно справился с поручением.

В сентябре 1919 года Яков Христофорович направляется на Южный фронт. Он был назначен начальником политотдела 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. В начале 1920 года Давтяна вновь отзывают в Москву, теперь уже для работы в Наркомате иностранных дел. Через несколько дней он назначается на должность первого секретаря советского полпредства в Ревеле (Таллине) и направляется туда в командировку. Затем из Ревеля его переводят в Лондон секретарем делегации Л. Б. Каменева.

После возвращения из Лондона в октябре 1920 года Яков Христофорович работает в центральном аппарате НКВД заведующим отделом Прибалтийских стран и Польши и одновременно является членом коллегии наркомата. По рекомендации И. Ф. Арманд на молодого дипломата обратил внимание Ф. Э. Дзержинский. По его ходатайству Оргбюро ЦК РКП(б) на заседании от 12 ноября 1920 года принимает решение «откомандировать Давтяна Я. Х. в распоряжение ВЧК», где, как предполагалось, он должен был возглавить создаваемый Иностранный отдел (внешнюю разведку).

Дело это было новое и связанное с многочисленными трудностями. Не хватало грамотных кадров, владевших секретами чекистского мастерства и навыками ведения разведработы за рубежом и свободно говоривших на иностранных языках. Скучным был и бюджет внешней разведки, а задачи перед ней стояли большие. Сам Я. Давтян, правда, имел некоторый опыт работы за рубежом, в основном по линии НКВД, однако разведка, которой он должен был руководить, была для него «terra incognita». К тому же, первому организатору ИНО ВЧК в ту пору было всего 32 года.

Поскольку Яков Христофорович числился сразу за двумя ведомствами, было решено, что в целях конспирации в ИНО ВЧК он будет работать под фамилией Давыдов. В очерке мы продолжим называть его настоящей фамилией.

В приказе Ф. Э. Дзержинского N 169 о создании Иностранного отдела ВЧК, в частности, указывается:

«1. Иностранный отдел Особого отдела ВЧК реорганизовать и организовать Иностранный отдел ВЧК.

...

4. Врид. начальника Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение штаты Иностранного отдела.»

Я. Х. Давтян активно включился в процесс разработки Положения об Иностранном отделе ВЧК, определения его структуры и штатного состава. В то же время если в Наркоминделе, где Давтян одновременно продолжал работать, он был официально утвержденным начальником отдела и членом коллегии, то его статус в ИНО в качестве исполняющего обязанности начальника был менее определенным.

Ф. Э. Держинский, которому Я. Х. Давтяна рекомендовала И. Ф. Арманд, разумеется, знал об их дружеских отношениях. Знал он и о теплых отношениях революционерки с В. И. Лениным. Однако с официальным назначением Я. Х. Давтяна на столь ответственный пост Ф. Э. Держинский не торопился, желая, очевидно, более детально изучить его личные и деловые качества.

Данное положение, видимо, не устраивало Давтяна. Через месяц официальной работы в качестве исполняющего обязанности руководителя внешней разведки органов госбезопасности он пишет служебную записку в Управление делами ВЧК. В ней, в частности, говорится:

«Ввиду того, что исполняя обязанности начальника Иностранного отдела с 30 ноября 1920 года, я числюсь в резерве назначения Административного отдела, прошу провести меня приказом по занимаемой должности».

Однако его просьба не была удовлетворена. Сегодня трудно сказать, чем это было вызвано. Возможно, Ф. Э. Держинский присматривался к исполняющему обязанности начальника внешней разведки, но не исключено, что причиной был его неровный характер и «кавказский темперамент», о чем речь пойдет дальше. Тогда Я. Х. Давтян подает рапорт с просьбой перевести его на дипломатическую работу за рубежом.

Руководство ВЧК освобождает Я. Х. Давтяна 20 января 1921 года от занимаемой должности в ИНО. Он возвращается в НКВД, который в ту пору возглавлял Г. В. Чичерин, и назначается советником полпреда РСФСР при Венгерской Советской Республике. Одновременно с Я. Х. Давтяном было оговорено, что за рубежом он будет выполнять и поручения Держинского. Преемником Я. Х. Давтяна на посту начальника ИНО ВЧК

стал Р. П. Катанян.

Наша справка:

Рубен Павлович Катанян родился в 1881 году в Тифлисе в семье служащего. Отец был учителем гимназии, мать — домохозяйкой. После окончания 1-й Тифлисской гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета. В 1903 году вступил в московскую студенческую группу РСДРП. Активный участник революции 1905 года в Москве. В 1906 году окончил Московский университет и стал заниматься адвокатской практикой. Сотрудничал в газетах социал-демократического направления. В 1907 году был направлен для ведения партийной работы в Закавказье. С 1912 года находился под негласным надзором полиции.

В 1917 году состоял в организации объединенных социал-демократов — интернационалистов. Был членом редакции газеты «Известия». После победы Октябрьской революции Р.П.Катанян редактировал газету «Красный воин» 11-й армии в Астрахани. Участвовал в создании Московской ЧК. С июля 1919 года по июнь 1920 года — заместитель начальника политуправления Реввоенсовета Республики. Затем являлся заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б). 20 января 1921 года назначен начальником Иностранного отдела ВЧК.

На посту начальника внешней разведки Рубен Павлович Катанян проработал недолго, всего до 10 апреля, когда по собственному желанию перешел на прокурорскую работу. В дальнейшем он трудился в Прокуратуре РСФСР, Верховном суде СССР и Прокуратуре СССР. Курировал деятельность органов госбезопасности. Был награжден орденом Ленина и нагрудным знаком «Почетный чекист». Имел звание профессора Московского университета.

В 1938 году Р.П.Катанян был репрессирован. С 1938 по 1948 год и с 1950 по 1955 год находился в заключении, а с 1948 по 1950 год — в ссылке. Полностью реабилитирован в 1955 году.

Скончался в Москве 6 июня 1966 года.

С 10 апреля 1921 года Иностранный отдел ВЧК вновь возглавил, но теперь уже в должности официального начальника, Яков Христофорович Давтян. Объяснялось это просто: пока кадровый аппарат Наркоминдела оформлял Давтяна на работу в Венгерскую Советскую Республику, революция в ней была подавлена, и вопрос о его дипломатической службе

за кордоном отпал.

Но и Давтян недолго руководил Иностранным отделом. Уже в августе 1921 года Яков Христофорович вновь переводится на дипломатическую работу и назначается полпредом РСФСР в Литве. Пробыв в Ковно до сентября того же года, он возвращается в Москву и назначается временным поверенным в делах РСФСР в Китае в ранге советника. При этом Я. Х. Давтян, как было оговорено ранее, одновременно утверждается главным резидентом ИНО ВЧК в Китае, где в ту пору работало до десятка разведывательных коллективов.

Через некоторое время после прибытия в Пекин в служебном письме на имя своего преемника на посту начальника Иностранного отдела Михаила Трилиссера Яков Давтян пишет:

«Нашу работу здесь я считаю чрезвычайно важной и полагаю, что тут можно многое сделать».

Яков Христофорович энергично взялся за дело. Через полгода он докладывает в Центр:

«Работа здесь весьма интересная, захватывающая, но очень трудная, чрезвычайно ответственная. Отдаленность от Москвы, плохая связь, взаимное непонимание еще больше осложняют нашу работу... Я никогда (даже в ИНО) так много не работал, как здесь, и никогда это не стоило мне таких нервов».

Объяснялось это тем, что у Якова Христофоровича не сложились нормальные отношения с руководителем резидентуры ИНО в Пекине Аристархом Рыльским, который считал, что Давтян, по существу, дублирует его работу. Следует также иметь в виду, что в те далекие 1920-е годы органы государственной безопасности еще находились в стадии становления: явно хромала дисциплина, многие чекисты голосовали за платформу оппозиции, возглавляемой Троцким, нуждались в укреплении принципы единоначалия и субординации в разведке. Требовалось наведение элементарного порядка в работе, и Я. Давтян принимает энергичные меры. Это, несомненно, дало свои плоды, и 9 декабря 1922 года в служебном письме на имя М. Трилиссера он так характеризует А. Рыльского:

«О Рыльском ничего плохого сказать не могу, но и особенно хвалить также не стану. Он сильно подтянулся с моим приездом, и есть надежда, что будет полезен. Посмотрим...»

Но уже в следующую почту в Центр ушло новое письмо главного резидента:

«Я буду просить вас заменить Рыльского. Он абсолютно не справляется со своими заданиями, так как ленив и вял...»

А еще через месяц, 9 января 1923 года, в адрес начальника разведки летит новое послание:

«Вопреки моему прежнему мнению, Рыльский оказался более симпатичным, чем я ожидал. У него есть некоторая вялость в работе, но в общем и целом он работает недурно и ведет себя очень хорошо. Я им почти доволен и прошу его не заменять, сработался он со мной хорошо».

Однако у Центра было иное мнение в отношении А. Рыльского. Понимая, что главной причиной неровного отношения к нему Я. Давтяна является характер последнего, Центр принял решение отозвать Рыльского в Москву, ибо его непростые взаимоотношения с главным резидентом могли поставить под удар всю работу советской разведки в Китае.

Следует подчеркнуть, что этот отзыв не отразился на положении А. Рыльского в разведке: вскоре он был направлен резидентом ОГПУ в Данию. Затем получил назначение в Париж. В дальнейшем работал руководителем других резидентурах как по линии «легальной», так и нелегальной разведки. Яков Христофорович еще не раз встречался с ним, работая за рубежом, но уже в качестве «чистого» дипломата.

Кремль придавал большое значение укреплению всесторонних связей с Китаем, который являлся самой крупной соседней страной, граничащей с СССР. К тому же, после Октябрьской революции в Маньчжурии укрылись многочисленные белогвардейские вооруженные организации. Здесь же была значительная — до нескольких десятков тысяч человек — русская колония, работавшая, в основном, на принадлежавшей СССР Китайско-Восточной железной дороге. Из этого следует, что Центру было важно знать истинное положение дел в соседней стране, особенно планы белогвардейской вооруженной эмиграции.

Через год после приезда в Пекин Я. Х. Давтян докладывал начальнику внешней разведки:

«Несколько слов о нашей специальной работе. Она идет хорошо. Если Вы следите за присылаемыми материалами, то, очевидно, видите, что я успел охватить весь Китай, ничего существенного не ускользает от меня. Наши связи расширяются. В общем, смело могу сказать, что ни один шаг белых на всем Дальнем Востоке не остается для меня неизвестным. Все узнаю быстро и заблаговременно».

На чем основывались такие оценки главного резидента ОГПУ в Китае? Давтяну, действительно, удалось активизировать работу разведки в этой стране, особенно по белой эмиграции. В частности, Мукденская резидентура через свою агентуру в японских спецслужбах добыла уникальный архив белогвардейской контрразведки, касающийся всего Дальнего Востока. Полученные документы Давтян направил в Центр специальным курьером. В сопроводительном письме на имя начальника разведки М. А. Трилиссера он не без гордости писал:

«Дорогой Михаил Абрамович! С сегодняшним курьером посылаю Вам весь архив белогвардейской контрразведки, полученный в Мукдене. Прошу принять меры, чтобы архив этот не «замариновался» и был использован».

В середине 1923 года в направленном в Центр отчете о проделанной работе Давтян сообщал:

«Работу я сильно развернул... Уже теперь есть приличная агентура в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Мукдене. Ставлю серьезный аппарат в Харбине. Есть надежда проникнуть в японскую разведку.

Мы установили очень крупную агентуру в Чанчуне. Два лица, которые будут работать на нас, связаны с японцами и белогвардейщиной. Ожидаю очень много интересного».

Несмотря на эмоциональную окрашенность служебных писем, Давтян в целом не преувеличивал достижений своих сотрудников.

Уже к концу 1920-х годов харбинская резидентура станет ведущей в работе против Японии и белогвардейской эмиграции. Именно в Харбине сотрудник резидентуры Василий Пудин получит план японской военщины в отношении СССР, который затем войдет в историю под названием

«Меморандум Танаки». Им же будет добыто свыше двадцати японских шифров.

В годы Великой Отечественной войны из Китая будет поступать весьма важная политическая информация по Японии.

А основы этой блестящей работы советской внешней разведки в данном регионе были заложены в ту пору, когда главным резидентом Иностранного отдела ГПУ-ОГПУ в Китае был Яков Христианович Давтян.

Совмещать сразу две должности — временного поверенного в делах РСФСР в Китае и главного резидента ИНО ГПУ-ОГПУ — для Я. Х. Давтяна было непросто. И он ставит перед Центром вопрос о том, чтобы его освободили от одной из них. Однако в силу своего «кавказского темперамента» делает это излишне эмоционально. В ответ на указания Центра относительно путей дальнейшего совершенствования работы советской разведки в Китае Давтян 6 сентября 1923 года пишет Трилиссеру:

«Я полагаю, что в Пекине лучше видно положение дел, чем из Москвы. Если Вы с этим не согласны, то тогда прошу освободить меня от работы совершенно.»

Конечно же, Я. Х. Давтян был абсолютно неправ. Ведь в Центр стекались разведывательные сведения по Китаю не только из руководимых им резидентур в этой стране, но и из многих других резидентур, в том числе действовавших в Европе, Азии и Америке. Поэтому именно Центр обладал большей информацией относительно внутреннего положения дел в Китае, нежели Давтян.

В другом письме на имя начальника разведки Я. Х. Давтян, в ответ на некоторые дружеские замечания М. А. Трилиссера, делится с ним следующими мыслями:

«Я думаю, что мне было бы целесообразно отказаться от работы в ИНО, т. к. я совершенно не могу согласиться с Вашими методами действий...».

Не все гладко складывалось у него и с НКВД. Китай, как уже отмечалось, занимал видное место во внешнеполитических планах советского руководства, а это требовало от Давтяна напряженной работы по линии наркомата. Москва высказывала пожелания улучшить работу полпредства, что также вызывало у него болезненную реакцию. В личных

письмах на Лубянку он жаловался на НКВД и замечал, что «Пекин, по-видимому, будет моей последней работой в этом милом учреждении».

Однако в Москве решили по-иному. В апреле 1924 года Яков Давтян заменяется на посту главного резидента в Китае и отзывается из Пекина. В Москве он окончательно переводится в НКВД СССР, где по-прежнему ощущается острая нехватка квалифицированных кадров. Летом 1924 года Яков Христофорович назначается полпредом СССР в Тувинской Республике. Одновременно становится председателем полномочной комиссии ЦИК СССР по урегулированию двусторонних отношений и инспекции советских учреждений. Решив задачи, поставленные перед ним в Кызыле, осенью того же года Давтян возвращается в Москву.

Вскоре Я. Х. Давтян получает новое назначение: он становится полпредом СССР в Венгрии. Однако режим адмирала Хорти не ратифицировал уже подписанный советско-венгерский договор об урегулировании спорных вопросов, и дипломатические отношения между двумя странами так и не были установлены.

В 1924–1925 годах Я. Х. Давтян находится на партийно-хозяйственной работе в Москве. В течение двух месяцев он трудился заместителем председателя треста Чаеуправления, затем занимался партийной работой на фабрике «Большевичка», к партийной ячейке которой он был прикреплен.

В начале 1925 года Я. Х. Давтян возвращается в НКВД и в мае назначается советником полпредства СССР во Франции, которое в то время возглавлял известный революционер и активный сторонник Л. Д. Троцкого Христиан Георгиевич Раковский. В Париже Давтян принимает участие в работе различного рода международных конференций, неоднократно замещает полпреда, которому в Москве не очень доверяли с учетом его близости к Троцкому, и по-прежнему оказывает помощь резидентуре ИНО ОГПУ.

Осенью 1927 года Я. Х. Давтян назначается полномочным представителем СССР в Персии (Иране) и работает на этой должности до декабря 1929 года.

По возвращении в СССР Яков Христофорович был переведен на административную работу. С 3 февраля по 30 июня 1930 года он являлся директором Ленинградского политехнического института и провел его реорганизацию. Под его руководством ЛПИ был разделен на ряд профильных институтов. 1 июля того же года Давтян назначается директором Ленинградского машиностроительного института Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). 23 января 1931 года переводится на работу в ВСНХ СССР — начальником сектора проверки исполнения.

В 1932 году Я. Х. Давтян вновь возвращается в НКВД и назначается полпредом СССР в Греции, а в апреле 1934 года — полпредом СССР в Польше. На 7-м съезде Советов СССР в 1935 году он избирается членом ЦИК СССР.

Однако близкое знакомство в период работы во Франции с одним из видных троцкистов Христианом Раковским не прошло для Давтяна даром. 21 ноября 1937 года Яков Христофорович был арестован в Москве по обвинению в принадлежности к «антисоветской террористической организации». Вскоре он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и 28 июля 1938 года расстрелян.

25 апреля 1957 года Яков Христофорович Давтян был полностью реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР в связи с отсутствием состава преступления.

Имя Я. Х. Давтяна (Давыдова), как одного из непосредственных организаторов внешней разведки нашей страны, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Они были первыми

После Октября 1917 года часть офицеров и генералов старой армии перешла на сторону советской власти. Они помогли ей заново сформировать армию и флот, придать их действиям эффективный характер и одержать первые победы. Были такие патриоты и среди царских профессиональных разведчиков. Поставив на службу новой власти свои специфические знания, они способствовали разоблачению заговоров, раскрытию замыслов тех, кто вынашивал планы интервенции и оккупации российских земель.

Проходят годы, открываются архивы секретных служб, общественность узнает различные факты из истории внешней разведки, появляется возможность рассказать о людях, внесших выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей Отчизны. И среди этих людей достойное место занимают представители когорты первого поколения советских разведчиков — штабс-капитан Луцкий и Его Императорского Величества Генерального штаба генерал-майор Дьяконов.

Штабс-капитан Луцкий

На памятнике-мемориале, установленном на постаменте в городе Уссурийске Приморского края паровозе, сделана надпись: «В топке этого паровоза в мае 1920 года белогвардейцами и японскими интервентами были сожжены пламенные революционеры — борцы за власть Советов на Дальнем Востоке: Сергей Лазо, Всеволод Сибирцев и Алексей Луцкий». Имена первых двух патриотов — членов Военного совета Приморья, руководивших борьбой против японских милитаристов, думаем, хорошо известны читателям. Об Алексее Луцком в наших средствах массовой информации рассказывалось крайне мало, на что были свои причины: люди его профессии зачастую долгое время остаются в неизвестности.

Алексей Николаевич Луцкий родился 22 февраля 1883 года в городе Козлове Тамбовской губернии в семье городского нотариуса. Его прадед, А. Н. Луцкий, был сослан в Сибирь за участие в восстании декабристов. Отец умер, когда Алексею не было еще и года. Получив по настоянию тетки-монахини церковное образование в духовном училище и семинарии, Луцкий отказался от перспективы священнослужителя и в 19 лет поступил в

Тифлисское военное училище, которое окончил в звании подпоручика. В дальнейшем вся его жизнь была связана с армией.

В начале военной карьеры подпоручик Луцкий служил в 4-м Несвижском гренадерском генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли полку в Москве. Затем в должности командира роты участвовал в войне с Японией, в частности, в Мукденском сражении. После поражения России и окончания войны проходил службу на офицерских должностях в Московском и Харбинском гарнизонах.

В 1908 году Луцкий переводится в дислоцировавшийся в районе города Читы пехотный стрелковый 13-й Восточно-Сибирский полк, а затем в штаб дивизии, где занимается изучением опыта минувшей войны с Японией. Особенно его интересовали вопросы разведки, в которой японская армия, по его мнению, во многом превосходила русскую. Это, видимо, было замечено командованием, и Луцкий был направлен на курсы иностранных языков при Владивостокском институте Востока, где изучал японский и другие иностранные языки. После окончания курсов командировался на два года в Японию для совершенствования языковых знаний и, как можно предположить, для получения практических навыков по разведке. Затем, в конце 1914 года был направлен для прохождения дальнейшей службы как специалист-разведчик в штаб Иркутского военного округа.

После февральской революции 1917 года штабс-капитан Луцкий оказался в числе тех, кто приветствовал свержение царизма. Солдаты и офицеры избрали его членом, а затем председателем Совета военных депутатов Иркутского военного округа. В это время он работал заведующим оперотделом штаба округа, одновременно являясь помощником начальника контрразведки округа. В мае-июле 1917 года находился на курсах военной разведки в Петрограде.

В августе 1917 года Луцкий был командирован в Харбин, где возглавил разведывательное отделение. Тогда же он познакомился с харбинскими большевиками. Жена одного из членов харбинской партийной организации вспоминала, как в беседе Луцкий однажды заявил: «Разделяя ваши взгляды, я думаю, что в Иркутск вернусь как член харбинской организации большевиков. Можете на меня положиться, в борьбе с врагами я с вами нераздельно».

Весь длительный и сложный период борьбы за становление советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке Луцкий занимался активной разведывательной работой. Он вскрыл в Харбине заговор начальника КВЖД генерала Л. Д. Хорвата и проинформировал об этом советское

правительство в Петрограде. Добыл через агентуру и сообщил в Центр ценные сведения о продвижении к Харбину японских войск.

Когда белогвардейцы и японцы разгромили в Харбине Совет, Луцкий перешел на нелегальное положение, изменил при помощи грима внешность, использовал фиктивные документы. Рискуя жизнью, он продолжал вести разведку в районе Харбина и передавал информацию в Петроград.

В январе 1918 года, преодолев многие опасности, Луцкий пробрался в Иркутск. Он был назначен заместителем командующего войсками округа М. Н. Рютина (будущего известного оппозиционера) и начальником штаба округа. Одновременно возглавлял разведывательную работу против японцев и банд Семенова. Через внедренную в их среду агентуру добывал важные разведывательные сведения. С апреля 1918 года — заместитель командующего Сибирским военным округом.

В связи с мятежом белочехов в июле 1918 года все советские организации были эвакуированы из Иркутска в Забайкалье. В декабре того же года прокурор иркутского суда разослал во все колчаковские части списки активных большевиков, подлежащих аресту. В них значился и Луцкий, о котором было сказано: «Старший помощник начальника Иркутской контрразведки, начальник русской разведки в Харбине».

Луцкий вновь перешел на нелегальное положение. Работал кассиром на железной дороге и собирал разведывательные сведения относительно передвижения войск противника. Тем не менее в конце 1918 года он был арестован и доставлен в Благовещенск, а затем по требованию Хорвата — в Харбин. Однако мощные выступления трудящихся в поддержку заключенных харбинской тюрьмы вынудили белогвардейское командование освободить Луцкого из-под стражи в числе других заключенных. По приказу военного министра эсера Краковецкого он был отправлен во Владивосток, где находился в тюрьме до падения белогвардейского режима в январе 1920 года.

В дальнейшем судьба Луцкого была связана с Дальним Востоком. В феврале 1920 года он назначается членом Военного совета Приморья и начальником разведывательной и контрразведывательной служб штаба партизанской армии. Здесь он работает в тесном контакте с Сергеем Лазо, являвшимся одним из руководителей Военного совета, занимается реорганизацией партизанских отрядов в регулярные части революционной армии.

В ночь с 4 на 5 апреля 1920 года японские солдаты внезапно окружили все правительственные учреждения Владивостока и, ворвавшись в

Военный совет, арестовали находившихся в здании членов совета Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева и Алексея Луцкого.

Больше месяца их допрашивали и пытали в застенках японской военной контрразведки. Не сломив волю мужественных патриотов, японские интервенты и белоказаки атамана Бочкарева вывезли их в конце мая из Владивостока и сожгли в паровозной топке на станции Муравьев-Амурская.

Алексей Николаевич Луцкий был казнен врагами прежде всего за свою разведывательную деятельность. Вся его недолгая жизнь — это подвиг одного из первых русских советских разведчиков.

Генерального штаба генерал-майор

Мартовским вечером 1924 года в вестибюль советского посольства на улице Гренель в Париже вошел среднего роста худощавый господин, одетый в плащ и дорогую темную тройку. Обратившись к дежурному дипломату, он попросил о немедленной встрече с советским послом:

— Речь идет о военном заговоре против республики Совдепов. Я — один из непосредственных участников этого заговора. Меня зовут Павел Павлович Дьяконов.

Слово «заговор» подействовало, и гостя сразу же провели в отдельный кабинет...

«Генерал очень вовремя напомнил о себе», — отметил руководитель внешней разведки М. А. Трилиссер, читая сообщение Дьяконова, доставленное через некоторой время дипкурьером в Москву. В нем содержалась исключительно важная информация о программе тотального террора за пределами СССР против советских граждан и учреждений, которую намеревались осуществить боевики «Русского общевойскового союза» (РОВС).

Террор и диверсии стали к тому времени главным оружием этой организации, ставившей своей целью свержение большевистского режима. В сообщении Дьяконова также указывалось, что руководство РОВС одновременно приняло решение готовить в западноевропейских городах, где имелись филиалы организации, «тройки» и «пятерки» террористов для заброски непосредственно на советскую территорию с целью проведения там терактов и организации вооруженных выступлений населения.

Имя генерал-майора Дьяконова — бывшего российского военного атташе в Великобритании — было хорошо известно руководству внешней

разведки. Известно было и то, что ни он, ни члены его семьи никогда не высказывали враждебных намерений против новой власти в России. Поэтому к информации генерала отнеслись исключительно внимательно.

Павел Павлович Дьяконов родился 4 февраля 1878 года в городе Москве в семье военнослужащего.

С 17 лет он связал свою жизнь с армией. После завершения в 1895 году учебы в Московской практической академии коммерческих наук он поступил вольноопределяющимся в 5-й гренадерский Киевский полк, став кадровым военным. С отличием окончил Казанское пехотное юнкерское училище, а в 1905 году — Николаевскую Академию Генерального штаба. Принимал участие в Русско-японской войне.

До конца 1913 года Дьяконов работал на различных должностях в Главном управлении Генерального штаба. В июле 1914 года был назначен помощником военного атташе в Лондоне. При этом было учтено безупречное знание им английского, немецкого и французского языков. В начале Первой мировой войны Дьяконов подал рапорт с просьбой о переводе в действующую армию и в сентябре 1914 года был направлен на фронт.

В январе 1916 года полковник Дьяконов был назначен командиром 2-го Особого полка русского экспедиционного корпуса, отправленного во Францию. Принимал активное участие в сражениях против немцев. Его боевые заслуги были отмечены семью высшими русскими и пятью иностранными орденами, в том числе — французским офицерским крестом Почетного легиона, что давало ему право на получение французского гражданства.

В начале 1917 года Дьяконов был переведен на работу в Генеральный штаб. По представлению начальника Генерального штаба за боевые отличия был произведен Николаем II в генерал-майоры. В сентябре того же года откомандирован в Лондон для исполнения обязанностей военного атташе, где оставался до 1 мая 1920 года. После закрытия аппарата российского военного атташе в Великобритании в мае 1920 года переехал на жительство во Францию.

С советской внешней разведкой П. П. Дьяконов начал активно сотрудничать в марте 1924 года на патриотической основе, разочаровавшись в деятельности белой эмиграции и ее вождей. В письме на имя руководства разведки, написанном в начале 1924 года, он отмечал:

«Настоящим я заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской власти, в

настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней.

Желая доказать свою преданность советскому правительству, я добровольно и сознательно беру на себя обязательство своевременно его информировать о деятельности правых (антисоветских) партий и контрреволюционных групп.

Обязуюсь охранять, защищать и служить интересам Союза Советских Социалистических Республик и его правительства.

П.Дьяконов, Париж, март 1924 г.»

Советский разведчик Дьяконов успешно выполнял задания Центра по разложению «Русского общевойскового союза», осуществлявшего подготовку и заброску на территорию СССР террористических групп. От него также поступала важная информация о деятельности кирилловских белогвардейских организаций и французской военной разведки. Дьяконов принимал непосредственное участие в проведении операции по захвату руководителя РОВС генерала Кутепова и в осуществлении ряда оперативных комбинаций. В частности, в результате одной из таких комбинаций французскими властями был арестован адъютант Великого князя Кирилла и руководитель белогвардейской организации младороссов Казем-бек.

По поручению Центра он довел до сведения Второго бюро Генерального штаба французской армии (военная разведка) сведения о профашистски настроенных части белогвардейских офицерах и генералах. Незадолго до начала Второй мировой войны французские власти, которым генерал Дьяконов предоставил соответствующие документы, выслали из Франции большую группу прогерманского крыла русской эмиграции во главе с генералом Туркулом. Высылка этих лиц ослабила «пятую колонну» фашистов во Франции. Руководство французской военной разведки в этой связи письменно сообщило генералу Дьяконову: «Ваша информация о русских, которые известны своими немецкими симпатиями, чрезвычайно ценна для Франции. Мы высоко оцениваем наше сотрудничество».

В период Гражданской войны в Испании Дьяконов неоднократно выезжал туда с исключительно важными специальными разведывательными заданиями Москвы.

После оккупации Франции фашистскими войсками Дьяконов был арестован и подвергнут допросам. Немцев в первую очередь интересовали его поездки в Испанию. На допросах он вел себя мужественно и стойко. Сорок три дня провел он в фашистском застенке.

Поскольку накануне вторжения гитлеровцев во Францию Павлу Павловичу и его дочери, которая также была арестована, было предоставлено советское гражданство и они получили советские паспорта, Народный комиссариат иностранных дел СССР потребовал от германских властей незамедлительно освободить арестованных во Франции советских граждан. Германское военное командование в Париже было вынуждено выполнить это требование. В конце мая 1941 года П. П. Дьяконов и его дочь Мария Павловна вернулись на родину.

После нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз генерал и его дочь как лица, недавно вернувшиеся из-за границы, были арестованы «по подозрению в поддержании связи с иностранными разведками и шпионаже против СССР». После первых допросов Дьяконов написал наркому внутренних дел:

«За 17 лет заграничной работы мне пришлось выполнить много ответственных заданий. За эту работу я получал только благодарности. В голове моей не укладывается, как могли меня всерьез подозревать в преступной деятельности против родины. Излишне говорить, какую нравственную боль мне причинило такое подозрение».

Неожиданно письмо нашло адресата. Им оказался начальник внешней разведки НКВД П. М. Фитин. В рапорте, направленном в следственные органы, говорилось: «Дьяконов и его дочь известны 1-му управлению НКВД. Управление считает необходимым их освободить». В октябре 1941 года Дьяконовы вышли на свободу.

Некоторое время они жили в эвакуации в Ташкенте, а затем переехали в киргизский город Кара-су. Павел Павлович работал там в Райпотребсоюзе.

В ноябре 1942 года Павел Павлович Дьяконов выехал с эшелоном в Москву, сопровождая грузы для Красной Армии. В дороге тяжело заболел и на станции Челкар (Казахстан) был помещен в больницу, где 28 января 1943 года скончался.

Тайна гибели С. Могилевского

22 марта 1925 года в 12 часов 10 минут вблизи Дидубийского ипподрома в Абхазии в результате аварии аэроплана «Юнкерс—13» трагически погиб председатель Закавказской ЧК Соломон Григорьевич Могилевский. Вместе с ним в самолете находились заместитель председателя Совнаркома Закавказской Федерации, член Президиума ЦИК СССР Александр Федорович Мясников (Мясникян), заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции в Закавказье Георгий Александрович Атарбеков и два летчика — Шпиль и Сагарадзе. Все они летели из Тифлиса (Тбилиси) в Сухуми, где должен был состояться съезд Советов Абхазии. Перед полетом столь ответственных официальных лиц летательный аппарат был тщательно проверен и всесторонне подготовлен к выполнению задания. Самолет вылетел из Тифлиса в 11. 45 утра, а через двадцать минут поступило сообщение о его падении. Много лет спустя выяснится, что авиакатастрофа не была случайной, а связана с чекистской деятельностью С. Г. Могилевского.

Будущий выдающийся чекист и один из первых руководителей внешней разведки Соломон Григорьевич Могилевский родился в 1885 году в городе Павлограде Екатеринославской губернии в семье богатого еврейского коммерсанта. Учился в городской гимназии, где начиная с 1902 года занимался революционной деятельностью. Участвовал в гимназических и рабочих кружках, а уже с 1903 года приступил к самостоятельной пропагандистской работе — вел политический кружок, организовывал рабочие массовки и сам участвовал в них, выпускал и распространял листовки. В том же году вступил в Павлоградскую организацию РСДРП. В 1904 году был арестован царской охранкой и после двухмесячного тюремного заключения выпущен под крупный залог в размере 10 тысяч рублей, внесенный отцом, после чего эмигрировал в Швейцарию.

В Швейцарии 20-летний Соломон поступает на учебу в Женевский университет на юридический факультет. В Женеве он сблизается с местной группой большевиков, возглавляемой В. И. Лениным. По его заданию в 1906 году С. Могилевский нелегально возвращается в Россию и работает партийным пропагандистом в Екатеринославле на Брянском заводе, а также ведет революционную пропаганду среди рабочих Железнодорожного района города. Несколько раз выезжал в Финляндию

для связи с финскими большевиками, участвовал в издании партийной литературы.

В 1907 году Могилевский поступил на юридический факультет Петербургского университета, а затем переехал в Москву, где продолжил учебу в Московском университете. В 1908 году, после поражения Первой русской революции и натупления реакции, Соломон Могилевский отошел от активной партийной работы и сосредоточился на учебе.

После окончания юридического факультета Московского университета С. Могилевский служил в Музее содействия труду в Москве. В 1914 году был принят в члены РСДРП(б). В 1916 году он был призван в армию и служил под Минском в нестроевых частях. После февральской революции 1917 года С. Могилевский был избран членом Минского комитета РСДРП(б). Одновременно являлся членом исполкома Минского Совета и солдатского комитета Западного фронта. От минской партийной организации в 1917 году принимал участие в работе VII (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).

В результате летнего наступления, предпринятого временным правительством А. Керенского в июне 1917 года под давлением Антанты, Восточный фронт рухнул. Русская армия, не подготовленная к наступлению и брошенная своими «союзниками» на произвол судьбы, фактически развалилась под мощными ударами кайзеровских войск и оказалась не в состоянии вести какие-либо боевые действия. В тылу России начался стихийный захват помещичьих земель. Временное правительство приступило к массовой демобилизации из армии, надеясь тем самым избавиться от революционно настроенных солдат. Участились случаи дезертирства. Солдаты-дезертиры целыми эшелонами направлялись в тыл, чтобы успеть к разделу земель.

Соломон Могилевский как «ненадежный элемент» был демобилизован из Русской армии в августе 1917 года. Большевистская партия направила его агитатором на Северный фронт, где генерал Иванов незадолго до этого сдал немцам Ригу, чтобы «задушить гидру революции». Вскоре С. Могилевский получает новое задание партии — он направляется большевистским агитатором в Иваново-Вознесенск, родину первых Советов, где ведет революционную работу среди текстильщиков.

Октябрьские события 1917 года застали Соломона Могилевского в Минске, где он работал в Военно-революционном комитете по подготовке вооруженного восстания. После победы Октябрьской революции он вновь возвратился в Иваново-Вознесенск, где был назначен комиссаром промышленности. Занимался восстановлением текстильного края,

обеспечением ткацких фабрик хлопком из Средней Азии. Вскоре в связи с саботажем крупного капитала становится комиссаром юстиции в этой губернии, а затем и председателем Революционного трибунала.

Весной 1918 года С. Могилевского, успешного положительно зарекомендовать себя на практической работе, переводят в Москву на должность заместителя заведующего отделом Народного комиссариата юстиции. Одновременно он является по совместительству членом коллегии обвинителей Верховного трибунала Республики.

В мае 1918 года в России вспыхнул мятеж белочехов, активно поддержанный Антантой. Захватив 25 мая Транссибирскую магистраль от Казани до Владивостока, бывшие чешские военнопленные, которым советское правительство разрешило возвратиться на Родину через Дальний Восток, выступили с оружием в руках против своих вчерашних союзников. В Поволжье и на Урале они свергли советское правительство, арестовали и расстреляли коммунистов из местных органов власти. В Омске адмирал Колчак сверг власть Советов, объявил себя Верховным правителем России и назначил временное Сибирское правительство.

8 июня 1918 года в Самару, захваченную чехословацким мятежным корпусом, на броневике мятежников и под их охраной въехали пять членов бывшего Учредительного собрания, разогнанного большевиками, — В. Вольский, П. Климушкин, И. Брушвит, Б. Фортунатов и И. Нестеров, которые при поддержке интервентов возглавили эсеро-меньшевистское правительство. Они провозгласили себя «Комитетом Учредительного собрания» («Комуч») и начали властвовать. В тот же день они издали прокламацию, в которой объявили о свержении власти Советов и лицемерно заверили граждан, что «каждый человек будет дорог и неоценим для демократического режима». Но на самом деле на улицах Самары уже чинилась оргия арестов и расправ над коммунистами, комиссарами и сочувствующими им рабочими. Только с 8 по 18 июня 1918 года «демократы» бросили за решетку 1827 инакомыслящих. На 7 октября 1918 года, когда Самара была взята Красной Армией, в тюрьмах правительства «Комуча» содержалось 2500 заключенных, а несколько тысяч человек было расстреляно.

Небезынтересна дальнейшая судьба «Комуча». Бежав под ударами Красной Армии дальше на Восток, его самозванное «правительство» нашло убежище под крылышком у «Верховного правителя» в Омске. Некоторое время оно пыталось претендовать на власть в стране, даже осуждало «эксцессы» Колчака. В конечном итоге, адмиралу надоела игра в демократию и он приказал расстрелять остатки Учредительного собрания

России. Так что по сравнению с действиями «омского правителя» разгон «учредиловки» большевиками выглядит просто гуманным актом.

Однако вернемся к событиям лета 1918 года. Вслед за мятежом белых чехов французы заявили, что чехословацкий корпус является частью французской армии и потребовали от советского правительства эвакуировать его через Архангельск и Мурманск. В июне 1918 года они вместе с англичанами высадились в этих русских портах и оккупировали Север России. На Дальнем Востоке и в Приморье высадились японские и американские интервенты. В результате Россия оказалась окруженной фронтами Гражданской войны.

В связи с созданием Восточного фронта в Поволжье, летом 1918 года С. Могилевский назначается членом комиссии ВЦИК по восстановлению советской власти в Саратове. Одновременно он работает в Саратовской ЧК по ликвидации белогвардейского мятежа. К тому времени Гражданская война охватила всю территорию России. В августе 1918 года Красная Армия перешла в контрнаступление на Восточном фронте и к концу ноября изгнала интервентов из Поволжья. С. Могилевский отзывается из Саратова и направляется на Украину, где работает в органах наркомата юстиции Республики. Одновременно он является заместителем председателя революционного трибунала 12-й армии.

В 1919 году решением Оргбюро ЦК РКП(б) Соломон Могилевский направляется в распоряжение Ф. Дзержинского. В октябре того же года он назначается заведующим следственной частью ВЧК и одновременно — заместителем начальника Особого отдела Московской ЧК.

Создание Особых отделов при ВЧК было вызвано тем, что в годы Гражданской войны и иностранной интервенции главный удар спецслужб Антанты и белогвардейцев был направлен против Красной Армии. Это потребовало от ВЧК усилить борьбу с деятельностью контрреволюционных организаций и иностранных разведок внутри Красной Армии. С этой целью по решению ЦК РКП(б) еще 19 декабря 1918 года в ВЧК был создан Особый отдел. Сформирован он был на базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля. В задачи Особого отдела ВЧК входила активизация борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте.

6 января 1919 года под руководством Ф. Э. Дзержинского было разработано Положение об Особых отделах ВЧК. Наряду с задачами по борьбе против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте на Особые отделы возлагалась организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами

областях молодой республики и руководство ею.

22 декабря 1919 года в Москве состоялось Всероссийское совещание начальников Особых отделов фронтов, армий и флотов, которое приняло резолюцию о необходимости создания агентурной сети не только на оккупированной территории России, но и «в некоторых городах Западной Европы», где разместились белогвардейские центры.

Работая в Особом отделе Московской Чрезвычайной комиссии, Соломон Могилевский в 1919 году принимал активное участие в ликвидации подпольной контрреволюционной организации «Национальный центр».

... В начале июля 1919 года под городом Луга Петроградской губернии красноармейцы застрелили офицера А. Никитенко, лазутчика, пробиравшегося в армию Юденича. Среди найденных у него документов они обнаружили листок, из которого следовало, что убитый офицер являлся членом подпольной антисоветской организации, действовавшей в Петрограде и пытавшейся установить связь с белым командованием. Заговорщики создали так называемый «Национальный центр» Петрограда, в который входили барон Штромберг, князя Андронников и Оболенский, а также другие лица, вскоре арестованные чекистами и давшие показания.

В ходе допросов выяснилось, в частности, что в Москве также действует законспирированная контрреволюционная организация «Национального центра», которая готовит вооруженное восстание в «красной столице». Сигналом к нему должно было послужить взятие Тулы генералом Деникиным. Генерал планировал въехать в Первопрестольную до зимы и уже заготовил «Приказ N 1» и «Воззвание к населению Москвы».

Операцией по ликвидации «Национального центра» непосредственно руководил Ф. Э. Дзержинский. В ней участвовали также такие выдающиеся чекисты, как В. Менжинский и А. Артузов. В ходе операции был арестован руководитель «Национального центра» Н. Н. Щепкин, в прошлом крупный деятель партии кадетов, член Государственной думы. На деятельность своей подпольной организации он получил от адмирала Колчака миллион рублей. В ходе обыска чекисты обнаружили на квартире Н. Н. Щепкина постановление Реввоенсовета Республики о сосредоточении фронтовых резервов в районе Тулы, а также изложение плана боевых действий Красной Армии. Этими сведениями «Национальный центр» снабжал руководитель оперативного отдела Всероссийского Главного штаба бывший царский генерал С. А. Кузнецов.

В ходе допросов арестованных заговорщиков, в которых принимал

непосредственное участие и С. Могилевский, выяснилось также, что они были тесно связаны с резидентом британской разведки в Петрограде Полом Дюксом, через которого информация уходила в Лондон и Париж. Выступление контрреволюционеров намечалось в ночь с 21 на 22 сентября 1919 года. Поэтому начало операции по разгрому контрреволюционного подполья была назначена на 18 сентября. В ходе этой операции, продолжавшейся до 20 сентября, ВЧК арестовала всех основных главарей заговора. 23 сентября 1919 года в «Известиях» было опубликовано обращение ВЧК ко всем гражданам России в связи с разгромом «Национального центра» и преданы огласке имена 67 главных заговорщиков. Всего в ходе проведенной чекистами операции было арестовано около 700 человек.

После ликвидации «Национального центра» С. Г. Могилевский получил новое назначение. В 1920 году он становится особоуполномоченным Особого отдела ВЧК, то есть фактически является одним из заместителей начальника (в те времена — заведующего) ОО ВЧК. Принимает активное участие в процессе формирования закордонной разведки ВЧК. Это было вызвано Третьим походом Антанты — вмешательством панской Польши в Гражданскую войну в России на стороне Врангеля, окопавшегося в Крыму. Антанта начала готовить армию Пилсудского для похода против Советской России в конце 1919 года, т. е. после провала заговора «Национального центра». Одна лишь Франция передала Польше оружия и боеприпасов для 750-тысячной армии. Кроме того, в Польшу из Франции была перебросена 70-тысячная армия генерала Галлера, состоявшая из поляков-эмигрантов.

Весной 1920 года, воспользовавшись тем, что основные силы Красной Армии были отвлечены на борьбу с остатками армии Врангеля, полчища Пилсудского вторглись на территорию Украины и Белоруссии. Так Польша, получившая независимость от Советской Республики, «отблагодарила» ее. 25 мая 1920 года поляки заняли Киев. В целях усиления разведывательной работы в тылу банд Пилсудского весной 1920 года в Особом отделе ВЧК создается особое подразделение — Иностраный отдел, а при Особых отделах армий — иностранные отделения.

Поход польских белогвардейцев против Советской Республики закончился их поражением. В конце 1920 года под ударами Красной Армии польские интервенты были вынуждены очистить Украину и Белоруссию. Войска Тухачевского быстро продвигались к Варшаве. Перед лицом окончательного поражения Польши министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон предъявил советскому правительству

ультиматум. Одновременно страны Антанты оказали обанкротившемуся режиму Пилсудского срочную военную помощь. Обороной Варшавы руководил непосредственно французский генерал Вейган, являвшийся военным атташе Франции в этой стране.

Воспользовавшись тем, что тылы Красной Армии отстали от авангарда, а также массированной военной помощью Антанты, поляки отвергли мирные предложения советского правительства и перешли в контрнаступление. Польские войска оккупировали Западную Украину и Западную Белоруссию. Международное и внутреннее положение Советской России осложнилось. В связи с этим в сентябре 1920 года Политбюро ЦК РКП(б), проанализировав сложившуюся обстановку, пришло к выводу о том, что одной из причин неудачи Красной Армии в отражении польской агрессии явилось слабое ведение разведывательной работы в тылу интервентов.

Правда, еще с 1919 года органы ВЧК стали использовать заброску в тыл белогвардейских войск агентов для их последующего внедрения во вражеские формирования. Одному из таких агентов удалось даже проникнуть в организацию Б. Савинкова «Союз защиты Родины и свободы» на территории Польши и выявить активных ее участников. Но этого было явно недостаточно.

Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о координальной реорганизации внешней разведки. В нем, в частности, говорилось:

«Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной разведки, что особенно ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу. Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

В соответствии с этим решением Политбюро ЦК РКП(б) Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский 20 декабря 1920 года издал приказ N 169 об организации Иностранного отдела ВЧК, как самостоятельного разведывательного подразделения, на которое возлагалось ведение закордонной разведки. Этот день принято считать днем создания внешней разведки органов госбезопасности. Иностранный отдел стал руководящим органом закордонной агентуры ВЧК.

В августе 1921 года в связи с переходом руководителя ИНО ВЧК Я. Х. Давыдова (Давтяна) на работу в Наркомат по иностранным делам, С. Г. Могилевский был назначен руководителем внешней разведки. Начальником ИНО ВЧК он являлся до марта 1922 года. К этому времени Гражданская война в России в основном завершилась победой Красной Армии над интервентами. Только на дальнем Востоке и Приморье оставались японские оккупанты, которые были изгнаны оттуда осенью 1922 года.

6 февраля 1922 года по предложению В. И. Ленина декретом ВЦИК РСФСР Всероссийская чрезвычайная комиссия была упразднена. На ее базе было образовано Государственное политическое управление при Наркомате внутренних дел РСФСР. Его работа ограничивалась, в основном, решением политических задач. В ГПУ было создано Секретно-оперативное управление (СОУ), в состав которого вошел и Иностранный отдел. На него по-прежнему возлагалась задача ведения разведывательной работы за рубежом. Однако поскольку в те времена Советская Россия находилась в политической изоляции, одновременно ведением разведывательной работы за рубежом занимались и Полномочные представительства ГПУ в Закавказье, в Забайкалье, в Средней Азии, на Дальнем Востоке и в Приморье.

Так, в частности, полпредство ГПУ на Дальнем Востоке вело разведку против Японии с территории Китая силами резидентур в Пекине и Харбине. Полпредство в Закавказье (Тифлис) занималось организацией разведывательной работы по Турции, Ирану, Ближнему Востоку и Балканам. Аналогичные задачи решались и другими полномочными представительствами. Главное внимание при этом уделялось ведению работы по белогвардейским эмигрантским организациям, нашедшим убежище за рубежом, борьбе с их специальными службами, а также выявлению их состава и планов подрывных акций против Советской России.

Одним из первых серьезных испытаний для С. Г. Могилевского на посту начальника ИНО стала оперативная подготовка к международной конференции в Генуе. Под его руководством внешней разведке удалось получить в ряде европейских стран упреждающую секретную информацию о намерениях правительств этих стран на конференции. ИНО ГПУ получило также сведения о том, что Англия и Франция стремятся создать вокруг Советской России «санитарный кордон» из стран «малой Антанты» и добиться дипломатической изоляции Москвы.

Уже в период Генуэзской конференции внешняя разведка перехватила переписку видных деятелей белой эмиграции Симона Петлюры и Василия

Шульгина, присутствовавшим при акте отречения Николая II от трона. Из этой переписки чекисты узнали, что против советской делегации во главе с Г. В. Чичериным готовится террористический акт. Благодаря своевременно принятым мерам, покушение удалось предотвратить.

Советской делегации на Генуэзской конференции удалось сорвать планы Антанты по дипломатической изоляции нашего государства. 16 апреля 1922 года после заключения в итальянском городе Рапалло договора с Германией об установлении дипломатических и торговых отношений блокада Советской России была прорвана.

После открытия в Берлине официального дипломатического представительства была создана и первая совместная «легальная» резидентура ИНО ГПУ и Разведупра РККА в Германии. Ее возглавил сотрудник военной разведки Сташевский. Но уже в феврале 1923 года его сменил опытный работник ИНО ГПУ Бронислав Бортновский, еще в августе 1918 года принимавший участие в ликвидации «заговора послов», возглавляемого британским разведчиком Б. Локкартом.

Берлинская резидентура ИНО становится опорным пунктом закордонной разведки органов госбезопасности в Европе. Из берлинской резидентуры Центр получал важную политическую и экономическую информацию. Германия являлась также страной, из которой в Москву активно направлялись образцы современной техники.

Однако главной задачей внешней разведки в тот период оставалась борьба с белогвардейской вооруженной эмиграцией, которая рассматривалась в качестве главного противника. Ее руководители стремились сохранить воинские формирования белого движения, чтобы использовать их в будущей интервенции против Советской России. В одном из писем руководителя белой эмиграции генерала Врангеля своим сторонникам прямо писалось: «Главная и единственная задача русской военной эмиграции — борьба с советской властью». После революции из России выехало свыше двух миллионов человек. Далеко не все они вошли в вооруженные белогвардейские формирования, однако далеко не все из последних отказались от мысли об «освободительном походе» в Советскую Россию.

Подготовка к «крестовому походу» против большевиков носила различные формы. Достаточно сказать, что только в армии Врангеля, обосновавшегося первоначально на Балканах, действовала Академия Генерального штаба и несколько военных училищ. Врангель рассчитывал, что в случае вооруженной интервенции в Советскую Россию его войска «просто сметут прибалтийские страны для завоевания плацдарма против

большевиков». Одновременно белая эмиграция планировала террористические акты против советских руководителей в самой стране и ее представителей за рубежом.

Важная роль в реализации планов белогвардейской эмиграции отводилась спецслужбам Врангеля. Его разведка в ту пору располагалась в Белграде и ею руководил бывший жандармский генерал Е. К. Климович. До 1920 года он возглавлял врангелевскую контрразведку и прославился своей жестокостью в Крыму. Накануне штурма Перекопа Красной Армией по приказу этого генерала были расстреляны тысячи человек, заподозренных в «симпатиях к большевикам».

После эвакуации армии Врангеля из Крыма в Турцию белая эмиграция создала в Константинополе «паспортно-пропускное отделение», возглавляемое генералом Глобачевым, которое занималось ведением разведки против Советской России. Врангелевскую контрразведку — Сыскное бюро — в этой стране возглавлял бывший начальник сыскной полиции в Москве Кошко. Следует сказать, что и в других белогвардейских формированиях за рубежом также имелись собственные спецслужбы, которые, помимо ведения разведывательной работы, занимались организацией террористических акций на территории Советской России и против ее представителей за рубежом.

Свидетельством тому служит убийство советского представителя в Женеве В. В. Воровского, осуществленное белым эмигрантом Конради. Позднее выяснилось, что за спиной террориста стояли главарь белой военной эмиграции генералы А. Туркул и А. Кутепов.

В марте 1922 года Соломон Григорьевич Могилевский получил новое ответственное назначение. Поскольку он имел большой опыт контрразведывательной работы, по предложению Ф. Э. Дзержинского его назначили полномочным представителем ГПУ в Закавказье, председателем Закавказской ЧК и одновременно командующим внутренними и пограничными войсками Закавказской Федерации. В конце 1923 года С. Г. Могилевский становится членом Коллегии теперь уже Объединенного Государственного политического управления при СНК СССР.

Чекисты Закавказья под руководством С. Г. Могилевского провели успешные операции по ликвидации политического и уголовного бандитизма в регионе, вскрыли контрреволюционную деятельность бюро ЦК грузинских меньшевиков и Закавказского бюро эсеров, пресекли враждебную деятельность ряда агентов английской, американской и французской разведок. Летом 1924 года С. Могилевский руководил ликвидацией меньшевистского восстания в Грузии.

За большие заслуги перед Родиной Соломон Могилевский в 1924 году был награжден орденом Красного Знамени.

В марте 1925 года в Сухуми должен был состояться съезд Советов Абхазии. На него были приглашены заместитель председателя Совнаркома Закавказской Федерации Александр Мясников (Мясникян), председатель Закавказской ЧК Соломон Могилевский и заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции в Закавказье Георгий Атарбеков, бывший в прошлом начальником Особого отдела 11-й Армии.

Георгию Атарбекову, работавшему ранее в Закавказской ЧК, было кое-что известно о темном прошлом заместителя председателя Грузинской ЧК — начальника секретно-оперативной части Лаврентия Берии, в частности, о его сотрудничестве с разведслужбами мусавватистов в Баку. Своими подозрениями Г. Атарбеков поделился с А. Мясниковым, который всячески препятствовал росту Берии по служебной лестнице, и с С. Могилевским, который в свою очередь заинтересовался прошлым этого деятеля.

Особенно Берия опасался Г. Атарбекова, который хотя и ушел из Закавказской ЧК, но с его мнением бывшие коллеги всегда считались. Г. Атарбеков уже несколько лет присматривался к Л. Берии. Первая их встреча состоялась в 1921 году, когда Атарбеков приехал в Баку в качестве особоуполномоченного ВЧК. Встречавший Г. Атарбекова председателем Азербайджанской ЧК М. Багиров познакомил его со своим заместителем Берией, который тогда работал в Баку. Когда Багиров представил Атарбекову Берию в качестве бывшего подпольщика, Георгий Александрович весьма этому удивился, поскольку о подпольной деятельности Берии он ничего ранее не слышал, и решил с этим разобраться.

Однако в то время в Закавказье шла Гражданская война, Г. Атарбеков был назначен председателем ревкома северных районов Армении, и ему было не до темного прошлого Берии. К тому же, Мирджафар Багиров благоволил Лаврентию Берии и прикрывал его. Когда в 1922 году С. Могилевский был назначен полномочным представителем ГПУ в Закавказье, Г. Атарбеков поделился с ним своими подозрениями в отношении Лаврентия Берии, который к тому времени уже занимал руководящую должность в Грузинской ЧК:

— Непонятная личность, столько о нем говорят нехорошего, а как попробуешь в том удостовериться — то свидетель исчезает, то документ пропадет. Словом, мистика какая-то!

— Ничего, Георгий Александрович, все выясним, дай только время, — заверил в ответ С. Могилевский.

Когда в том же году Закавказской ЧК потребовался человек, хорошо владеющий грузинским языком, для перевода подпольной меньшевистской литературы, была предложена кандидатура Л. Берии. Однако С. Могилевский не согласился с этой кандидатурой, сказав, что попросит ЦК компартии Грузии выделить коммуниста-переводчика.

Зная о недоверии к себе со стороны А. Мясникяна, Г. Атарбекова и С. Могилевского, которые подозревали его в нечистоплотности и могли разоблачить его темное прошлое, Лаврентий Берия решил действовать. Полет этих трех лиц на одном самолете в Сухуми представлял ему идеальный случай избавиться одним махом от людей, которые ему не доверяли.

... Утром 22 марта авиаспециалисты тщательно готовили к полету «Юнкерс—13». На нем был заменен пропеллер, опробованы работа мотора и рули управления. В 10 часов утра «Юнкерс» к вылету был готов. В 11. 30 на аэродром прибыли Мясников, Атарбеков и Могилевский. Последний не хотел лететь в Сухуми, ссылаясь на большую загруженность по работе. Однако Атарбеков уговорил его. В 11. 45 аэроплан взлетел с аэродрома. По наблюдениям с земли, «полет совершался в нормальных условиях, и мотор работал хорошо». Но уже в 12. 05 дежурному по аэродрому позвонили с телефонной станции Тифлиса и сообщили, что «Юнкерс» загорелся, пламя достигает высоты четырех метров. Аэроплан повернул на юг, в сторону Дидубийского ипподрома. Не долетев до него полторы версты, «Юнкерс» стал снижаться и из кабины выпрыгнули Атарбеков и Могилевский. Аэроплан ударился о землю и взорвался.

Была создана правительственная комиссия по расследования причин авиакатастрофы. Возглавлял ее командарм Кавказской армии Август Корк. Комиссия пришла к выводу о том, что катастрофа произошла не из-за неисправности аэроплана, а в результате пожара в пассажирском салоне. Однако по Тифлису поползли слухи, что эта катастрофа была кем-то подстроена. Была создана вторая комиссия под председательством того же командарма Корка, которая подтвердила прежние выводы. Л. Берия, работавший в Грузинской ЧК, всячески противился созданию новой комиссии для расследования авиакатастрофы, заявляя, что «верит товарищу Корку».

Слухи о катастрофе дошли до Москвы, и Сталин распорядился проверить заключение комиссии. В Тифлис прибыл начальник оперативно-технического отдела ОГПУ В. Паукер, которому Сталин в то время полностью доверял. Он сразу же набросился на Л. Берия с упреками:

— Почему уничтожены улики?

— А их и не было, — хладнокровно парировал Берия. — Все, что мы могли собрать, собрали. Вам, конечно, было бы это сделать легче, у вас опыт и знания. А откуда такие знания у моих людей?

Л. Берия свалил вину за авиакатастрофу на грузинских меньшевиков, восстание которых против советской власти было недавно подавлено. В этом ему невольно помог и Лев Троцкий, отдыхавший в ту пору в Сухуми. Прибыв в столицу Грузии, он заявил, что, мол, надо спросить о причине гибели троих товарищей у грузинских меньшевиков.

На этом расследование причин катастрофы «Юнкерса», в которой погиб Соломон Могилевский и его соратники, закончилось. В день авиакатастрофы члены Коллегии ОГПУ Ф. Э. Дзержинский, В. Р. Менжинский, В.Н. Манцев и И. П. Павлуновский от имени всех чекистов телеграфировали в Полномочное представительство ОГПУ по Закавказью:

«Коллегия ОГПУ с большим прискорбием встретила весть о трагической смерти заслуженного бойца-чекиста, погибшего на посту председателя Зак. ЧК и ПП ОГПУ по Закавказью тов. Могилевского. Эта тяжелая утрата надолго останется в памяти всех чекистов и одновременно еще больше сплотит боевые чекистские ряды. Коллегия ОГПУ просит возложить венок на могилу тов. Могилевского с надписью: «Верному, стойкому стражу революции тов. Могилевскому — Коллегия ОГПУ».

В 1930-е годы, став неограниченным хозяином в НКВД, Лаврентий Берия физически ликвидировал практически всех лиц, которым было хотя бы что-то известно об авиакатастрофе или о недоверии к нему со стороны Атарбекова и Могилевского. Чудом уцелел лишь Мурза Айдамиров, работавший в Азербайджанской ЧК с первых дней ее существования и лично знавший все сильного наркома внутренних дел. С его слов историю гибели Соломона Могилевского рассказал в своей книге «Провокаторы» писатель Виктор Джанибемян.

Руководитель разведки

27 октября 1929 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) начальник Иностранного отдела ОГПУ Меер Абрамович Трилиссер был освобожден от занимаемой должности. Причиной послужило его открытое выступление против первого заместителя председателя ОГПУ, всесильного Генриха Ягоды, которого Меер Трилиссер обвинил в сочувствии к «правому уклону» в партии. Некоторое время М. А. Трилиссер находился не у дел, но в феврале 1930 года получил назначение на пост заместителя наркома Рабоче-Крестьянской инспекции СССР. 23 ноября 1938 года Трилиссера арестовали по ложному обвинению в принадлежности к «заговору генералов», а 2 февраля 1940 года расстреляли. Немногим ранее был арестован, а затем расстрелян и Генеральный Комиссар государственной безопасности Генрих Ягода, против которого Трилиссер выступал в 1929 году.

1 апреля 1883 года в семье астраханского сапожника Абрама Трилиссера родился очередной ребенок, которому родители дали библейское имя Меер. Семья сапожника-еврея не могла похвастаться достатком, поэтому когда мальчику исполнилось 10 лет, было решено отдать его в городское реальное училище. Его выпускники получали среднее образование и овладевали основами коммерческой деятельности. Закончив училище в 1900 году, Меер отправляется искать счастья в Одессу, где устраивается на работу. В 1901 году он вступает в члены Южной революционной группы социал-демократов. В том же году за революционную деятельность Трилиссер был арестован и выслан по месту жительства в Астраханскую губернию под гласный надзор полиции.

Первая русская революция 1905 года застала его в Казани, где молодой большевик Меер Трилиссер вел революционную пропаганду среди военнослужащих казанского гарнизона. Вскоре по указанию ЦК партии большевиков он был направлен в Петроград. Работал в военном комитете РСДРП(б), где руководил финляндской военной организацией партии. Являлся одним из организаторов первой конференции РСДРП(б) в Таммерфорсе (Тампере) в 1905 году и руководителем восстания военных моряков в Свеаборге.

В июле 1907 года М. А. Трилиссер был арестован царской полицией и около двух лет находился под следствием.

Следствие по делу М. Трилиссера установило, что в конце 1906 года

он организовал дерзкий побег с гауптвахты города Выборга около сотни матросов и солдат местного гарнизона, арестованных за участие в вооруженном восстании. Начальник финляндского жандармского управления в городе Гельсингфорсе сообщал в Петербург, что «организатором этой операции был молодой человек по кличке «Анатолий» — депутат от финляндской военной организации РСДРП(б)». В донесении содержались и его приметы — среднего роста, еврейского типа, черные волосы, носит пенсне. Одет в черное пальто, под которым носит косоворотку синего цвета.

Спустя несколько недель жандармский полковник Яковлев направил донесение в Департамент полиции, в котором сообщил, что руководитель финляндской военной организации РСДРП(б), спланировавший этот побег, арестован. На допросе было установлено, что «Анатолий», он же «мещанин Стольчевский», он же «Капустянский», «Мурский», «Павел-очки» на самом деле является уроженцем Астрахани, мещанином Меером Трилиссером.

В 1909 году Трилиссер был приговорен судом к 8 годам каторжных работ. С 1909 по 1914 год он отбывал заключение в Шлиссельбургской крепости, а в ноябре 1914 года был выслан на вечное поселение в Сибирь.

Февральская революция 1917 года в России открыла двери тюрьмы для политических заключенных. Меер Трилиссер был амнистирован и переехал на жительство в Иркутск. Здесь он работает редактором местной газеты «Голос социал-демократа», а затем по решению партии переходит в военную организацию Иркутского комитета большевиков. В марте 1917 года назначается секретарем Иркутского совета. В октябре того же года на 1-м Общесибирском съезде Советов избирается членом ВЦИК Центросибири. Одновременно становится членом губкома РСДРП(б).

После победы Октябрьской революции Меер Абрамович активно работает над установлением советской власти в Сибири. В декабре 1917 года участвует в подавлении юнкерского мятежа в Иркутске. В 1918 году избирается членом Президиума Иркутского военного комиссариата, а с июня того же года является заместителем председателя и членом коллегии Сибирского военного комиссариата, начальником штаба Прибайкальского фронта.

После мятежа чехословацкого корпуса и захвата власти в Сибири адмиралом Колчаком осенью 1918 года Меер Абрамович Трилиссер участвует в организации большевистского подполья в Амурской области. В апреле 1919 года избирается председателем Амурского областного ревкома, а в августе того же года — членом областного военно-революционного полевого штаба. С мая 1920 года М. Трилиссер — председатель Амурского

облревкома.

После изгнания интервентов работает секретарем Амурского обкома партии. Одновременно является редактором газеты «Амурская правда».

С образованием в 1921 году Дальневосточной республики М. Трилиссер назначается комиссаром ДВР по Амурской области. Одновременно является членом Дальневосточного бюро РКП(б) и членом Государственной политической охраны ДВР, выполнявшей функции контрразведки этой буферной республики. Здесь он создает первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу для связи с Москвой и приступает к формированию разведывательного аппарата.

Вскоре в Москву потекли ручейки разведывательной информации о планах Японии, США и белогвардейцев на Дальнем Востоке. В одном из сообщений в Центр того периода М. Трилиссер, в частности, отмечает:

«Получил информацию, что японское командование выдвигает вопрос о мирных переговорах. Местом встречи предполагается Харбин. Противник поспешно отступает, взорвав водокачку и разобрав железнодорожные пути. Нельзя ли получить аэроплан для ведения разведки?»

Успешная разведывательная работа М. Трилиссера на Дальнем Востоке была замечена в Москве. Он получает телеграмму наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, в которой, в частности, говорится:

«Ваша энергичная деятельность и принятые меры всецело находят одобрение и решительную поддержку Центра».

В марте 1921 года Меер Трилиссер принимает участие в работе X съезда РКП(б). В административном отделе ЦК РКП(б) после окончания работы съезда ему предложили занять должность заведующего Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна. Он дал на это свое согласие. Однако в начале августа того же года состоялась встреча М. А. Трилиссера с Ф. Э. Дзержинским, с которым он был знаком еще с дореволюционной поры, когда они вместе работали в военных организациях партии. Дзержинский сообщил Трилиссеру, что состоялось решение ЦК РКП(б) о его переводе на работу в центральный аппарат ВЧК. Трилиссер был назначен на должность начальника закордонной части Иностранного отдела ВЧК.

В непосредственные обязанности М. Трилиссера входила организация

разведывательной работы в странах Западной и Восточной Европы. В декабре 1921 года он становится вторым лицом в Иностранном отделе — заместителем его начальника С. Г. Могилевского.

6 февраля 1922 года декретом ВЦИК РСФСР упраздняется ВЧК. На ее базе создается Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. А 13 марта того же года М. А. Трилиссер назначается начальником Иностранного отдела ГПУ, заменив на этом посту С. Г. Могилевского.

Меер Абрамович пришел к руководству внешней разведкой молодого государства в наиболее сложный период борьбы за советскую власть. Времени на раскачку у него практически не было. Из различных ведомств поступали сведения об антисоветских действиях белогвардейской вооруженной эмиграции, о подрывных акциях иностранных спецслужб против Республики Советов. Новый начальник ИНО энергично взялся за работу.

Для решения стоявших перед внешней разведкой задач М. А. Трилиссер пригласил на работу в ИНО большую группу своих соратников по подпольной работе в военной организации партии, а также по работе на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. Двое из них — С. Г. Вележев, с которым М. А. Трилиссер работал в Сибири в 1917–1918 годах, а также его соратник по дореволюционному подполью А. В. Логинов (настоящая фамилия — Бустрем) — стали его заместителями. Ответственные посты в Иностранном отделе заняли Я. Г. Минскер, Я. М. Бодеско и другие опытные чекисты, которых Меер Абрамович хорошо знал и доверял им.

При М. А. Трилиссере штаты внешней разведки были расширены до 70 человек. В закордонной части ИНО стало шесть географических отделов. Работникам зарубежных резидентур ИНО была предоставлена большая свобода в вербовке агентуры, а резиденты имели право включать их в агентурную сеть без согласования с Центром. Формируя штаты ИНО, М. А. Трилиссер обращал особое внимание на профессиональную подготовку сотрудников, знание ими иностранных языков, умение работать с агентурой, приспособляемость к быстро меняющимся условиям.

Для выполнения поставленных перед внешней разведкой задач М. А. Трилиссер принимает меры по созданию новых закордонных аппаратов и комплектованию их грамотным оперативным составом. Под его руководством были образованы резидентуры ИНО в Берлине, Лондоне, Париже, Вене, Риме. На Востоке — в Токио, Пекине, Харбине, Сеуле — были созданы нелегальные резидентуры. В Центр мощным потоком пошла разведываемая информация, в первую очередь — о замыслах

вооруженной эмиграции и ее связях со спецслужбами иностранных государств.

Борьба с вооруженной эмиграцией имела приоритетное значение для всего ГПУ, включая его Иностранный отдел. 11 января 1923 года решением Политбюро ЦК РКП(б) в недрах ГПУ было создано межведомственное Особое бюро по дезинформации «в целях систематизации работы по введению в заблуждение иностранных государств о внутренней и внешней политике СССР, а также о состоянии его вооруженных сил и мероприятиях по обороне Республики». В состав Дезинфбюро входили представители ГПУ, Разведотдела штаба РККА и НКВД. На него возлагалась задача разработки и информационного обеспечения акций тайного влияния, направленных на политическую и военно-стратегическую дезинформацию правительств и командования вооруженных сил иностранных государств. Так организационно оформилось одно из важнейших направлений деятельности внешней разведки того периода. Дезинфбюро сыграло важную роль в подготовке и проведении таких знаменитых операций органов госбезопасности, как «Трест», «Синдикат», «Академия», «Тарантелла». Всего спецопераций, в разработке которых принимал непосредственное участие М. А. Трилиссер, было реализовано более пятидесяти. Следует отметить, что в осуществлении ряда операций, например, против Русского общевойскового союза (РОВС) важную роль сыграли бывшие царские генералы Павел Дьяконов и Николай Скоблин, а также бывший министр Временного правительства Сергей Третьяков, о которых рассказывается в этой книге.

Помимо работы по белогвардейской эмиграции, другим важным направлением деятельности внешней разведки при М. А. Трилиссере было получение за рубежом научно-технической информации.

26 октября 1925 года председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский направил в ИНО ОГПУ записку о создании при ИНО «органа информации о достижениях заграничной техники». В соответствии с этой запиской 5 марта 1926 года Военно-промышленное управление ВСНХ разработало для ИНО «Перечень вопросов для заграничной информации», который, по существу, являлся заданием правительства СССР по добыче технической документации и образцов по оборонной тематике. Для решения этого задания в ИНО было создано самостоятельное отделение научно-технической разведки. К концу 1920-х годов сотрудники научно-технической разведки добыли, в частности, информацию об испытаниях новейшей авиационной техники, артиллерийских систем, военной радиопаратуры, о переработке нефти и по многим другим проблемам,

нашедшую практическое применение в народном хозяйстве нашей страны.

Не менее важное значение для СССР имела и добываемая под руководством М. А. Трилиссером информация о планах и намерениях противника в области экономики. Еще накануне Генуэзской конференции 1922 года закордонные резидентуры получили информацию о том, что страны Антанты пытаются поставить РСФСР в условия международной изоляции. Кроме того, из Парижа пришла информация о готовящемся террористическом акте белогвардейцев против главы советской делегации на конференции. Из Берлина на имя М. А. Трилиссера поступила аналогичная телеграмма следующего содержания:

«По достоверным данным, «Российский торгово-промышленный и финансовый союз» в Париже, объединяющий крупнейших финансовых тузов царской России, создал специальный секретный совет, целью которого является организация террористических акций против руководящих российских деятелей. Для специальной задачи выделяется фонд в полтора миллиона франков».

Пере проверка поступивших сведений показала, что во главе заговорщиков стоял известный террорист Борис Савинков, находившийся на содержании британской и французской разведок. Благодаря принятым мерам готовившаяся им террористическая акция против главы советской делегации Г. В. Чичерина была сорвана. Не удалось странам Антанты добиться и международной изоляции Советской России в Генуе. Советская делегация на переговорах заключила в Рапалло (пригород Генуи) договор с Германией об установлении дипломатических и экономических отношений. Международная блокада Советской России была прорвана. Вскоре началась полоса признания СССР западными государствами, которые стали активно развивать с нашей страной торгово-экономические отношения.

Такое развитие событий поставило на повестку дня создание экономической разведки, призванной защищать интересы страны от тех недобросовестных коммерсантов, которые пытались, в частности, в годы нэпа получить в концессию советские предприятия и нажиться на них, не вложив в развитие производства ни гроша. Представители экономической разведки ИНО ОГПУ за рубежом внимательно изучали иностранные фирмы, предлагавшие различные сделки советской стороне, проекты их договоров, финансовое состояние, возможные связи с бывшими владельцами предприятий и т. п. На основе собранных и направленных в Центр сведений в Москве принималось решение по конкретным предложениям зарубежных партнеров.

Так, во время переговоров немецких предпринимателей, желавших

вложить свои средства в получение концессии на вырубку леса от треста «Северлес», экономическая разведка установила, что германская фирма необходимыми реальными капиталами не располагает. Она планирует получить концессию с целью ее перепродажи другой фирме и извлечения из этого комиссионной прибыли. Информация была доложена Главному концессионному комитету при Совете народных комиссаров, который отказал в предоставлении немецкой фирме концессии на вырубку леса.

Другой важной задачей экономической разведки 1920-х годов была борьба с фальшивомонетчиками, которые пытались наводнить советский рынок фальшивыми червонцами, имевшими золотое обеспечение и котировавшимися на европейских биржах. Так, в 1924 году сотрудники экономического отделения ИНО ОГПУ установили агентурным путем, что одна из таких «фабрик» по производству фальшивых денежных знаков находится в Польше. Поначалу она располагалась в захваченном белополяками литовском городе Вильно, а затем была переведена в Варшаву. Оттуда при попустительстве польских властей фальшивые червонцы переправлялись на территорию СССР. Благодаря принятым мерам, этот канал был перекрыт.

Закордонное отделение ИНО возглавлял сам М. А. Трилиссер. Он принимал непосредственное участие в оперативной работе.

... Разведке предстояло восстановить связь с одним из своих ценных агентов в Германии. Поездке Меера Абрамовича за кордон предшествовала большая подготовительная работа. В Берлин он ехал под видом специалиста по готике. Когда все детали операции были отработаны и приблизился день отъезда, выяснилось, что у начальника разведки имеется всего один костюм, в котором он ходит на работу, и синяя косоворотка. Разумеется, в таком «камуфляже» было весьма трудно выдавать себя за старорежимного профессора, знатока и ценителя германской готики.

Пришлось срочно сшить костюм по снятой с М. А. Трилиссера мерке. Для него были приобретены несколько галстуков европейского производства, которые, как оказалось, он не умел завязывать. Были куплены рубашки и другие аксессуары туалета уважаемого человека. Перед отъездом из Москвы Ф. Э. Дзержинский еще раз обговорил с начальником внешней разведки все детали предстоящей операции.

В Берлине М. А. Трилиссер конспиративно встретился с агентом, которого подобрал в свою оперативную машину и доставил на конспиративную квартиру. На встрече с источником он получил ценную документальную информацию о положении в Германии, сведения о доверительных связях иностранца в зарубежных странах. Агенту было

поставлено новое задание. С ним были обговорены дальнейшие условия связи, а также перспективы его вывода в Москву для оперативной подготовки. Конспиративная связь с ценным источником информации была восстановлена. В годы Великой Отечественной войны этот агент активно участвовал в подпольном антифашистском движении...

Умелое руководство М. А. Трилиссером внешней разведкой принесло свои плоды. 26 марта 1926 года он становится членом Коллегии — заместителем председателя ОГПУ, а с февраля 1928 года — одновременно и уполномоченным ОГПУ при СНК СССР. Кадровый состав Иностранного отдела ОГПУ вновь увеличился. В 1929 году в отделе работало уже 122 человека, из которых 62 — в зарубежных резидентурах. 30 июля 1927 года Иностраный отдел был выделен из подчинения Секретно-оперативного управления ОГПУ, которым руководил Генрих Ягода, и стал самостоятельным подразделением, подчинявшимся непосредственно Коллегии ОГПУ.

Это был пик разведывательной карьеры М. А. Трилиссера.

Под его руководством внешняя разведка органов государственной безопасности добилась впечатляющих успехов. В частности, в 1927 году сотрудниками сеульской и харбинской резидентур практически одновременно удалось получить через свои агентурные возможности так называемый «Меморандум Танаки» — сверхсекретное письмо премьер-министра Японии императору Хирохито, в котором излагались основные направления внешней политики возглавляемого Танакой Кабинета министров. В документе излагались планы оккупации Китая, Монголии, Индии, Малой и Центральной Азии, а также планы агрессии против Советского Союза. Ценной агентурой располагали резидентуры ОГПУ в Берлине и Вене, на связи у которых были видные работники МИД и МВД этих стран. Источники важной информации имелись в Финляндии. Больших успехов в разработке вооруженной белогвардейской эмиграции добились резидентуры во Франции, Болгарии, Чехословакии, Турции и Китае. Много ценной агентуры было приобретено и в других странах.

В декабре 1927 года М. А. Трилиссер был награжден орденом Красного Знамени.

Однако 27 октября 1929 года Меер Трилиссер был снят со всех постов в ОГПУ за открытое выступление против Генриха Ягоды, который в тот день был назначен первым заместителем председателя ОГПУ, а в связи с болезнью В. Р. Менжинского — фактическим его руководителем. Сотрудникам ОГПУ было разъяснено, что М. А. Трилиссер нарушил партийную дисциплину, затеяв склоку внутри этой важной организации и

поставив под сомнение авторитет ЦК ВКП(б).

Некоторое время опытный организатор разведки находился не у дел. Наконец в декабре 1930 года его неожиданно вызвали в Кремль, к Сталину. Обращаясь к чекисту, тот сказал:

— Товарищ Трилиссер, мы решили дать вам новое поручение. Необходимо усилить работу органов нашей Рабоче-Крестьянской инспекции. Как вы знаете, мне далеко не безразлична эта работа. Вы, конечно, помните, что с марта 1919 года до апреля 1922 года наркомом РКИ был товарищ Сталин. Если не возражаете, то я сейчас расскажу вам, что именно необходимо там делать в первую очередь...

Трилиссер, конечно, не возражал и был назначен заместителем наркома РКИ.

В 1934 году на XVII съезде партии М. А. Трилиссер избирается членом Комиссии советского контроля при СНК СССР и ее уполномоченным по Дальнему Востоку.

В 1935 году он был избран членом Президиума и кандидатом в члены секретариата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ), в котором работал под фамилией Москвин. Курировал деятельность спецслужб ИККИ, входил в комиссию секретариата ИККИ по переводу в ВКП(б) членов зарубежных коммунистических партий. Здесь он трудился до 1938 года.

В ноябре 1938 года Сталину доложили список большой группы работников внешнеполитических ведомств, якобы связанных с подпольной террористической деятельностью, среди которых значилось и имя сотрудника Исполкома Коминтерна Меера Абрамовича Трилиссера. Прочитав список, Сталин синим карандашом поставил свою визу.

23 ноября 1938 года бывший руководитель советской внешней разведки Меер Трилиссер был арестован НКВД. 1 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала его виновным по всем пунктам предъявленного обвинения и приговорила к высшей мере наказания. На следующий день многоопытный революционер-подпольщик, разведчик и государственный деятель был расстрелян.

В 1956 году М. А. Трилиссер был посмертно полностью реабилитирован.

По рекомендации Трилиссера

После окончания Первой мировой войны соотношение сил в Европе и мире несколько изменилось. Германия была повержена. Однако реваншистские настроения в ней сохранялись и умело подогревались со стороны Антанты, в политических кругах которой росла убежденность, что без германского милитаризма ей будет трудно разделаться с Советской Россией.

Перед созданной в 1920 году советской внешней разведкой была поставлена задача по сбору достоверной информации об антисоветских намерениях основных капиталистических государств и срыву их планов дипломатической изоляции молодой республики.

16 апреля 1922 года в пригороде Генуи — Рапалло Советская Россия подписала с Германией договор о восстановлении дипломатических отношений. Для Германии он означал выход из внешнеполитической изоляции, навязанной ей Версальской системой. Для Советской России — первое официальное признание со стороны крупной западной державы.

Открытие в Берлине официального дипломатического представительства позволило Иностранному отделу ГПУ (внешней разведке) создать там уже в 1922 году «легальную» резидентуру. За короткое время берлинская резидентура превратилась в опорный пункт закордонной разведки ГПУ в Европе.

Одним из первых в берлинскую резидентуру в качестве оперативного работника прибыл профессиональный революционер Владимир Владимирович Бустрем (эта фамилия использовалась им на нелегальной партийной работе до 1917 года и позднее — на заграничной работе по линии внешней разведки; данные по рождению — Алексей Васильевич Логинов).

Логинов-Бустрем родился в 1883 году в городе Кемь Архангельской губернии в семье лесничего. По национальности — русский. В своей автобиографии, написанной 13 февраля 1925 года, он отмечал:

«Отец умер в 1886 году. Осталось шесть человек детей и мать. Источник существования семьи — пенсия 29 рублей с копейками и труд матери. Учился в Архангельской классической гимназии за казенный счет. Лет с 15-ти стал зарабатывать репетиторством и перепиской у адвоката».

Параллельно с учебой в гимназии работал в нелегальных кружках политобразования. Из 8 класса гимназии был исключен за политическую неблагонадежность. Сдал экзамены экстерном и в 1903 году уехал в сибирский город Томск, где поступил на механическое отделение местного технологического института. Однако уже на втором курсе ему пришлось расстаться с институтом: политическая неблагонадежность студента сопровождалась активным участием в революционной деятельности.

С декабря 1904 по июнь 1905 года служил в армии, в 22-й артиллерийской бригаде. Однако из армии пришлось бежать после того, как выяснилось, что он являлся одним из организаторов социал-демократического кружка у артиллеристов.

В январе 1906 года 22-летний Логинов становится профессиональным революционером и берет фамилию Бустрем.

В 1906–1907 годах Владимир Бустрем находился на нелегальной партийной работе: принимал активное участие в деятельности военно-боевых организаций РСДРП(б) Севастополя, Либавы, Риги. В мае-июне 1907 года в качестве делегата от Либавы участвовал в лондонском съезде РСДРП. В том же году был арестован и приговорен к каторжным работам. Наказание отбывал в каторжных тюрьмах Санкт-Петербурга, Вологды и Ярославля. С 1913 по 1917 год находился в ссылке в селе Коченга Киренского уезда Иркутской губернии.

С 1917 по 1920 год В. Бустрем находился на партийной и советской работе в Архангельске (парткомитет, Совет рабочих и солдатских депутатов, земотдел, ревком). С декабря 1920 года по март 1922 года работал заведующим учетного подотдела Учетно-распределительного отдела Секретариата ЦК РКП(б).

И вот опыт нелегальной партийной работы В. Бустрема, хорошее знание им немецкого, французского и английского языков, его личные и деловые качества потребовались на новом ответственном участке деятельности. В феврале 1922 года он был назначен уполномоченным Иностранного отдела ГПУ. Рекомендации при поступлении на работу во внешнюю разведку Владимиру Бустрему дали сотрудник Секретариата ЦК РКП(б) С. И. Сырцов и начальник ИНО ГПУ М. А. Трилиссер. В рекомендации последнего, в частности, указывалось:

«Знаю Бустрема по совместной работе с 1906 года в военной организации партии в Питере, по совместной сидке на каторге с 1909 по 1910 год, в ссылке в Сибири с 1914 по 1917 год».

Отношения начальника внешней разведки М. А. Трилиссера с В. В. Бустремом были товарищескими. Они часто встречались, беседовали друг с другом. Михаил Абрамович полагал, что искушенный в конспирации и закаленный каторгой профессиональный революционер Бустрем сумеет быстро освоить премудрости разведывательной работы. И следует отметить, что его надежды в дальнейшем полностью оправдались.

При переходе на работу в органы государственной безопасности В. В. Бустрем некоторое время продолжал исполнять служебные обязанности и в ЦК РКП(б). Об этом, в частности, свидетельствует выписка из протокола заседания Секретариата ЦК РКП(б) от 2 марта 1922 года, подписанная Секретарем ЦК В. Молотовым, в которой говорится о разрешении «после 10 марта тов. Бустрему по совместительству с работой в ЦК работать в Инотделе ВЧК».

24 марта 1922 года В. В. Бустрем был зачислен на должность уполномоченного Закордонной части внешней разведки. В аттестации за этот период отмечалось: «... толковый, добросовестный работник, старый революционер, каторжанин».

В конце августа 1922 года В. В. Бустрем направляется в берлинскую «легальную» резидентуру в качестве оперативного работника.

Деятельность берлинской резидентуры по линии политической разведки определялась тем, что она располагала весьма ценными источниками, позволявшими получать информацию по Германии и другим странам. В Центр направлялись, например, ежемесячные доклады Министерства государственного хозяйства Германии об экономическом положении страны, сводки берлинского главного управления полиции о внутривнутриполитическом положении Германии и обстановке в различных политических партиях. Добывалась весьма ценная информация о Польше, важные сведения о позиции Франции в отношении Советской России. Москва высоко оценивала усилия берлинской резидентуры: «Материалы дипломатического характера очень интересны, в большинстве своем вполне заслуживают внимания». Большой вклад в деятельность берлинской резидентуры вносил разведчик Бустрем.

В середине 1924 года резидент советской внешней разведки в Берлине Бронислав Брониславович Бортновский возвратился в Москву. Новым руководителем «легальной» берлинской резидентуры был назначен Владимир Владимирович Бустрем. Центр поставил перед резидентурой задачу по активизации работы по линии политической разведки. В оперативном письме на имя нового резидента, в частности, указывалось:

«Политическая разведка предполагает наличие в агентурной периферии солидных осведомителей, вербовка которых и должна составить 90 процентов всей работы точки... В нужных случаях можно не скупиться и средствами. Если Вам нужно подкрепление работниками, сообщите...»

В. В. Бустрему удалось заметно активизировать работу резидентуры по политической линии. У сотрудников резидентуры появились новые источники информации в МИД Германии, в МИД и министерстве военных дел Франции, в польской миссии в Берлине и в других важных объектах. Резидентура регулярно освещала вопросы германской политики на Востоке, внешней политики Балканских стран, внешней политики Польши и Чехословакии. отношений Германии с Францией, Англией и Турцией.

Помимо политической разведки берлинская резидентура под руководством В. В. Бустрема добилась ощутимых результатов и по другим направлениям работы. Так, в 1925 году резидентуре удалось привлечь к сотрудничеству директора частного детективного бюро пана Ковальчика. От агента на регулярной основе поступала важная информация контрразведывательного характера. Работа с ним велась вплоть до августа 1937 года (подробно о пане Ковальчике рассказывается в очерке «Из разведки в... кино». — Прим. авт.).

В архивах внешней разведки сохранился документ о работе руководимой В. В. Бустремом резидентуры по состоянию на 1 января 1928 года, который дает некоторое представление о масштабах ее деятельности в тот период. Личный состав резидентуры — 8 человек. Количество источников по Берлину — 39, по Парижу — 7. В 1927 году из Берлина поступило в Москву 4947 информационных материалов. Свыше тысячи наиболее важных информационных сообщений резидентуры были направлены руководству страны, из них 147 лично Сталину.

За умелое руководство резидентурой в феврале 1925 года В. В. Бустрем был повышен в должности до помощника начальника внешней разведки. Он также был награжден нагрудным знаком «Почетный чекист» (№ 362) и Почетным боевым оружием (грамота № 66 от 18 декабря 1927 года).

В конце октября 1929 года В. В. Бустрем возвратился из командировки в Москву, а в январе 1930 года был откомандирован из органов ОГПУ в распоряжение ЦК ВКП(б). Решено было использовать его богатый опыт в других сферах. Он участвовал в организации хлебозаготовок на Северном Кавказе и в Воронеже, в строительстве заводов в Кузбасе, работал в

исполкоме Коминтерна, на руководящих должностях в ВСНХ СССР и в издательствах «Каторга и ссылка» и «Большая советская энциклопедия», был заместителем директора НИИ экономики Севера при Главсевморпути.

Сведения о судьбе В. В. Бустрема с июля 1936 года, к сожалению, отсутствуют. Однако доподлинно известно, что Владимир Владимирович избежал участи своих соратников (начальника внешней разведки М. А. Трилиссера, своего первого резидента Б. Б. Бортновского и многих других), погибших в ходе массовых репрессий 1937–1939 годов, когда были истреблены лучшие довоенные кадры внешней разведки.

30 декабря 1944 года партийный билет Владимира Владимировича Бустрема был погашен МК ВКП(б) как документ умершего.

Разведчик 1920-х годов

Современная Служба внешней разведки России обладает хорошо поставленной системой подготовки кадров, укомплектована грамотными, квалифицированными сотрудниками. Совершенно по-иному в этом отношении выглядела внешняя разведка нашей страны в начальный период своего становления. Достаточно грамотных работников со знанием иностранных языков было немного, специальной подготовки практически никто не имел.

Основными достоинствами первых чекистов-разведчиков были их беззаветная преданность делу революции и горячее желание служить ее идеалам, да настойчивость и упорство в труде и учебе. Некоторым сотрудникам до прихода в разведку удалось пройти практическую школу ВЧК.

Какие это были люди, что позволяло им постигать тайны разведывательного искусства и успешно справляться с поставленными перед ними сложными оперативно-чекистскими задачами? Попробуем рассказать об этом на примере жизни и деятельности разведчика 1920—1930-х годов Владимира Павловича Алексеева (после работы за границей под фамилией Железняков — Алексеев-Железняков).

Владимир Алексеев родился 16 апреля 1900 года на станции Ляховичи Барановичского уезда Минской губернии в семье рядового железнодорожного служащего. Затем вместе с родителями жил в городе Вильно, где окончил церковно-приходскую школу и поступил в местную гимназию. В 1915 году семья эвакуировалась в Гомель. Летом 1918 года Владимир окончил гомельскую городскую гимназию и в том же году поступил в Харьковский технологический институт.

Молодой человек мечтал после окончания института заняться серьезной научной деятельностью. Но суровое революционное время распорядилось его судьбой иначе. Находясь в Харькове, Алексеев стал свидетелем немецкой оккупации, разгула гетмановщины и петлюровщины. Под влиянием революционных событий, захвативших Харьков, сформировалось его пролетарское мировоззрение. В ту грозную пору молодой студент не смог остаться в стороне от жесточайшей классовой битвы. В январе 1919 года Владимир вступил в РКП(б). По заданию партии он вернулся в Гомель, который был занят Красной Армией, организовал там комсомольскую ячейку и стал ее секретарем. Одновременно Владимир

активно участвовал в создании сельскохозяйственных коммун в Гомельском уезде.

Первым серьезным испытанием для только что созданной комсомольской организации города явилось участие в подавлении белогвардейского мятежа, поднятого в Гомеле в марте 1919 года бывшим царским офицером Стрекопытовым, являвшимся в то время начальником хозяйственной части 20-й бригады 8-й стрелковой дивизии Красной Армии. Обманутые белогвардейцами красноармейцы бригады покинули окопы и в ночь на 24 марта прибыли на станцию Гомель-Полесский, где присоединились к мятежникам, возглавляемым «Полесским повстанческим комитетом». Со станции они начали наступление на город, захватили тюрьму и освободили около 400 уголовников. Вскоре в руках мятежников оказалась большая часть Гомеля. Лишь гостиница «Савой», превращенная в штаб сопротивления, здание ЧК и телефонная станция оставались в руках защитников советской власти. Вместе со старшими товарищами обороняла город и группа комсомольцев во главе с Владимиром Алексеевым. На помощь Гомелю пришли рабочие дружины из Могилева и Бобруйска, курсанты Могилевских командных курсов, крестьянские отряды из Смоленска и Почена, части Брянской дивизии. Уже в ночь на 29 марта мятежники вынуждены были оставить город.

В апреле 1919 года Владимир Алексеев добровольно вступил в Красную Армию и в составе 1-го Гомельского пролетарского батальона участвовал в боях на польском фронте: вначале рядовым красноармейцем, затем комиссаром батальона, заместителем комиссара полка. В одном из сражений он был тяжело ранен. Продолжительное время находился на излечении в различных госпиталях. Товарищи по комсомолу потеряли его след, посчитали, что он умер от ран и поместили некролог в гомельской газете «Набат молодежи».

В январе 1920 года еще не оправившегося от ран, передвигавшегося с помощью костылей Алексеева направили на долечивание к родителям. Сразу же по приезду его рекомендовали на работу в Гомельскую Губчека. Судьба Алексеева была схожа с судьбами многих солдат революции. Сам Владимир Павлович в одном из интервью в декабре 1967 года отмечал, что «путь в органы ЧК из Красной Армии был характерным для многих». Сначала он был рядовым сотрудником, а затем начальником секретно-оперативной части, заместителем председателя — членом Коллегии. В 20 лет Владимир прилично владел немецким и французским языками.

Нелегко приходилось в то время гомельским чекистам, не имевшим достаточного опыта оперативной работы. Гомель, будучи по сути дела

прифронтовым городом, постоянно подвергался нападениям самых разношерстных врагов Советской власти — от белополяков до анархистов. В губернии активно действовали контрреволюционные элементы и иностранные шпионы, по уездам свирепствовали кулацкие банды. Алексеев участвовал, в частности, в раскрытии мятежа на Днепровской военной флотилии, стоявшей тогда в Гомеле. Однако наибольшую опасность в тот период представляла крупная боевая террористическая организация эсера Бориса Савинкова «Союз защиты родины и свободы», отделения которой действовали на территории западных губерний РСФСР. Центр организации — так называемый «Западный областной комитет» — находился как раз в Гомеле. Оттуда нити савинковского заговора тянулись к Москве, Петрограду, Минску и другим крупным городам. Всеми операциями «комитета» Б. Савинков руководил из своей варшавской резиденции.

Савинковцам удалось вовлечь в заговор представителей старой интеллигенции, а также ряд специалистов, занимавших ответственные посты в советских военных учреждениях и воинских частях. В гомельскую группу заговорщиков входили, в частности, руководители губернского и уездного военкоматов, командир учебного батальона, комендант города и некоторые другие военные работники. Из-за границы к ним поступали контрреволюционная литература, оружие и деньги.

Гомельские чекисты во главе с Алексеевым успешно применили метод внедрения в антисоветское подполье своего сотрудника, для которого изготовили документ, свидетельствующий о принадлежности этого человека к организации. Документ был заверен печатью «комитета», изъятой при негласном задержании одного из его руководителей. Чекистам также удалось захватить нескольких савинковских курьеров.

В результате чекистской операции были арестованы ведущие функционеры «Западного областного комитета», профилактировано свыше 300 рядовых его членов. По своевременной наводке группы Алексеева регулярными частями Красной Армии был наголову разбит сформированный на территории буржуазной Польши и вторгшийся в пределы РСФСР диверсионный отряд под командованием полковника Павловского, действия которого на советской земле отличались особой жестокостью.

В этот период Владимир Алексеев часто встречался в Гомеле с такими видными чекистами, как Сосновский, Пузицкий, Брауде, которые были направлены из Москвы Ф. Э. Дзержинским в помощь Губчека, и учился у них.

Оперативная работа группы Алексеева по ликвидации в Гомеле антисоветского подполья получили высокую оценку Ф. Э. Дзержинского. Невольно высокую оценку проведенной операции дал и сам Савинков, который позже, на судебном процессе над ним в Москве в августе 1924 года заявил, что он возлагал большие надежды на «Западный областной комитет», но ликвидация последнего чекистами «поколебала его веру в возможность свержения советской власти путем заговора».

После разгрома второго савинковского заговора (первый был в Ярославле) Владимир Алексеев, которому только исполнился 21 год, был назначен начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя губернской ЧК.

В те годы органы ВЧК много делали для решения такой важной для страны проблемы, как национальный вопрос. Приходилось бороться с проявлениями шовинизма и национализма, унаследованными от царского режима, и являвшимися серьезной помехой к достижению единства наций и народностей. Чекисты тех далеких времен во многом способствовали образованию и укреплению единого Советского государства.

В конце 1921 года возникла критическая ситуация в Башкирии, где сложились ненормальные отношения между местной ЧК и национальным башкирским руководством. В Башкирии уже была установлена Советская власть, но некоторые местные советские работники, не разобравшись в обстановке, а иногда и отдавая дань пережиткам прошлого, проявляли открытое недоверие к башкирским руководителям. Ответной реакцией стали вспышки буржуазного национализма среди башкир. Обострилась национальная рознь между башкирами и татарами. Тяжело сказались на настроениях людей неурожай и голод. В целях исправления создавшегося положения ЦК РКП(б) принял решение сменить руководство ЧК автономной республики. В. П. Алексеев был назначен заместителем председателя Башкирской ЧК. Его непосредственным начальником стал Николай Львович Волленберг — будущий видный разведчик, который позже являлся руководителем тегеранской резидентуры и резидентом советской внешней разведки в Польше (город Данциг).

Вспоминая об этом периоде своей работы в Башкирии, Владимир Павлович, в частности, писал:

«Мне довелось активно участвовать в этом большом деле. В конце 1921 года по инициативе ЦК партии с группой работников Гомельской губчека я был направлен в Башкирию и выполнял там обязанности заместителя Председателя ЧК автономной

республики. Нас послали туда в связи с тем, что в Башкирии не все шло гладко с созданием местного государственного аппарата, возникали разногласия на почве межнациональных отношений.

По приезде в Уфу мы, изучив обстановку, в корне изменили направление деятельности Башкирской ЧК, пресекли высокомерие, элементы великодержавного шовинизма, имевшие место в коллективе местных чекистов, ввели в аппарат ЧК национальные кадры, установили деловые отношения с ЦИК и Совнаркомом Башкирии. В короткий срок нам удалось нормализовать ситуацию и создать необходимые условия для становления и развития этой республики».

Хорошую память о себе оставил в Башкирии Владимир Павлович. При отъезде из Уфы ему вручили благодарственный адрес республики.

Так В. П. Алексеев впервые столкнулся с проблемами Востока, с которыми в дальнейшем был связан на протяжении всей своей разведывательной деятельности.

В 1923 году Владимира Павловича перевели в Москву, в Восточный отдел ОГПУ. Два года он работал там в должности уполномоченного под непосредственным руководством замечательного советского чекиста Якова Христофоровича Петерса. В этот период ему не раз приходилось видеть на работе, совещаниях и на отдыхе Дзержинского и его ближайших соратников.

Рассказывая о тех годах, А. П. Алексеев как-то обратил внимание на такой интересный факт, имевший, по его мнению, большое воспитательное значение для сотрудников ОГПУ:

«На одном из совещаний оперативных работников ОГПУ Кедров, соратник Ленина и первое время один из заместителей Дзержинского по ВЧК, в своем инструктивном докладе рассказал нам, как тактично Владимир Ильич преподавал ему урок важности строгого соблюдения конспирации.

Однажды Кедров докладывал Ленину об одной серьезной операции ВЧК. Владимир Ильич интересовался главными деталями этой операции, но, когда Кедров хотел назвать фамилию секретного сотрудника, принимавшего в ней участие, мягко остановил его, сказав: «Этого мне знать не надо».

Следует отметить, что Восточный отдел был специально создан в

рамках ВЧК-ОГПУ в связи с особенностями чекистских задач, вытекавших из требований и установок партии по национальному вопросу. Позднее Я. Х. Петерс был направлен в Среднюю Азию с тем, чтобы на месте принимать меры по устранению различного рода осложнений, возникавших там на почве национальных отношений.

В 1923 году В. П. Алексеев поступил на Восточный факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе, где в течение двух лет изучал японский язык без отрыва от основной работы в Восточном отделе. Выпускной экзамен по языку принимал у него выдающийся деятель международного коммунистического движения, основатель компартии Японии Сэн Катаяма.

В ноябре 1924 года на уполномоченного Восточного отдела ОГПУ В. П. Алексеева была составлена служебная характеристика, в которой, в частности, отмечалось:

«... Подбирать работников и руководить ими может. Инициативен. Энергичен и дисциплинирован. Обладает большой работоспособностью. Признавать свои ошибки не любит, хотя делает из них правильные выводы. Умеет настроить работников на выполнение задач. При проведении чекистских операций проявляет большую выдержку.

Учится на Восточном факультете академии, готовит себя для работы по Японии. Безусловно в дальнейшем может быть использован на более ответственной работе».

По мере подавления контрреволюционных выступлений внутри страны центр антисоветской деятельности к середине 1920-х годов начал постепенно перемещаться за границу, что потребовало от органов ОГПУ значительного усиления разведывательной работы за рубежом. В числе первых чекистов, переведенных из контрразведки на разведывательную работу, оказался и Алексеев. По окончании академии в 1925 году он был зачислен в аппарат Иностранного отдела ОГПУ.

Вскоре последовала и первая командировка за рубеж. Под фамилией Железняков и под прикрытием должности сотрудника советского консульства Павел (таким был оперативный псевдоним разведчика) отправился в китайский город Харбин, являвшийся в то время одним из основных опорных пунктов белой эмиграции на Дальнем Востоке, важным центром деятельности японской разведки против Советского Союза. За время пребывания в Китае Павел приобрел первый опыт разведывательной работы. Он поддерживал связь с ценным источником, служившим в японской разведке, и получал от него важную документальную информацию. Оперативная работа разведчика проходила в экстремальных

условиях, вызванных провокациями японских милитаристов на КВЖД.

Командировка в Китай длилась несколько месяцев. Почти сразу по возвращении из Харбина он получил новое назначение: на этот раз ему предстояло воочию познакомиться с Японией. Перед разведчиком была поставлена задача — наряду с выполнением основных оперативных заданий максимально усовершенствовать знание японского языка, всесторонне изучить страну. За год командировки Павел хорошо ознакомился с образом жизни различных слоев населения Японских островов, установил личные контакты с лицами из интересовавших внешнюю разведку кругов, что оказало ему значительную помощь в дальнейшей работе.

В 1927–1928 годах Алексеев-Железняков работал во Владивостоке в разведывательном центре ОГПУ по Японии, откуда в ту пору осуществлялось руководство всеми резидентурами советской внешней разведки на Дальнем Востоке. В декабре 1927 года в ознаменование десятилетия ВЧК-ОГПУ и за долголетнюю работу в органах он был награжден нагрудным знаком «Почетный чекист» и собранием сочинений В. И. Ленина с надписью: «За преданность делу пролетарской революции».

В 1928 году Павел вторично выехал в Японию, чтобы возглавить только что созданную «легальную» резидентуру советских органов госбезопасности в Токио. По прикрытию являлся первым секретарем полпредства СССР. Резидентура ОГПУ под его руководством достойно справлялась с поставленными перед ней задачами, добывая важную политическую и военную информацию.

В «Очерках истории российской внешней разведки», касающихся деятельности токийской резидентуры того периода, подчеркивается:

«В сложных условиях тотальной жандармской слежки, в атмосфере всеобщей подозрительности и традиционного японского недоверия к иностранцам резидентуре в довольно короткие сроки удалось наладить работу и ввести советское руководство в курс тайных военных приготовлений Японии».

В 1931 Владимир Павлович возвратился из Японии в Москву и в течение года работал в центральном аппарате внешней разведки уполномоченным по Дальнему Востоку. В 1932 году по решению ЦК партии он был переведен на работу в Наркомат иностранных дел. И снова — Япония, куда Алексеев-Железняков выехал на должность Генерального консула СССР в Токио. Занимая «чистую» дипломатическую должность, он

оказывал большую помощь токийской резидентуре.

В Токио Владимир Павлович неоднократно встречался на официальных мероприятиях с Рихардом Зорге, хотя в тот период он, естественно, не мог знать, что этот блестящий журналист, обаятельный и умный человек являлся советским военным разведчиком-нелегалом.

В 1935 году В. П. Алексеев-Железняков получил новое ответственное назначение. Учитывая глубокое знание им Японии, в частности, проблем коммунистического и рабочего движения в этой стране, его направили в Исполком Коминтерна, где он работал политическим референтом секретаря ИККИ О. В. Куусинена.

В 1938 году Алексеев-Железняков стал жертвой необоснованных репрессий. По клеветническому доносу он был арестован и 3 ноября осужден военной коллегией Верховного суда СССР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в правах на 5 лет. В годы Великой Отечественной войны, находясь в заключении, Владимир Павлович неоднократно обращался с просьбами направить его на фронт. Однако все его обращения оставались без ответа. В 1949 году Особым совещанием при МГБ СССР Алексеев-Железняков был осужден на ссылку с поселением в Красноярском крае. Проживая в поселке Бородино Красноярского края, он работал управляющим делами на угольном разрезе треста «Канскуголь».

Лишь в 1954 году В. П. Алексеев-Железняков был освобожден из ссылки. А в 1955 году последовала его полная реабилитация.

Знакомясь с архивом В. П. Алексеева-Железнякова, авторы обнаружили написанное им стихотворение «Никогда не должно повториться», которое повествует о трагическом периоде его жизни. Не вдаваясь в обсуждение его художественных достоинств, хотели бы привести небольшой отрывок из этого произведения:

«...
Как тяжело попасть в ЧеКа
Под черной кличкой «врага»
Без преступленья и греха,
Когда безмерно дорога
Возмездья честная рука —
Меч революции — ЧеКа...»

Безусловно многие безвинно осужденные чекисты могли бы

присоединиться к этим словам автора. И не их вина, а беда была в том, что органы госбезопасности в конце 1930-х годов оказались втянутыми в кампанию репрессий и превратились в инструмент политических интриг.

После реабилитации, находясь на пенсии, Владимир Павлович вел активную общественную работу: выступал перед молодыми сотрудниками внешней разведки, писал воспоминания, статьи по истории органов госбезопасности.

Рассказ о Владимире Павловиче Алексееве-Железнякове будет не полным, если не упомянуть хотя бы вкратце о его супруге — Зинаиде Антоновне. Технический сотрудник ВЧК-ОГПУ с 1919 года, она работала с Ф. Э. Дзержинским, В. Р. Менжинским, Я. Х. Петерсом и другими основателями органов государственной безопасности. Зинаида Антоновна неизменно сопровождала мужа во всех командировках, работала в харбинской и токийской резидентурах, а если возникала необходимость, участвовала в острых оперативных мероприятиях.

Весь жизненный путь Владимира Павловича являлся ярким примером служения Родине. В 1967 году он был награжден орденом Красного Знамени.

Скончался в 1989 году в доме ветеранов в поселке Переделкино под Москвой.

Боец «Невидимого фронта»

Двадцать седьмого декабря 1938 года по указанию наркома внутренних дел Лаврентия Берии был арестован и брошен во внутреннюю тюрьму на Лубянке отозванный из Парижа в Москву в ноябре того же года 37-летний резидент внешней разведки НКВД во Франции, капитан госбезопасности Георгий Косенко. Ему вменялось в вину «участие в контрреволюционной террористической организации». До февраля 1939 года бериевские костоломы выбивали из разведчика признание в приписываемых ему преступлениях, а 20 февраля Военная коллегия Верховного приговорила его к высшей мере наказания. Георгий Косенко, отдавший всю свою сознательную жизнь службе в органах госбезопасности, был тайно казнен в ночь с 20 на 21 февраля 1939 года, а его тело захоронено в безымянной братской могиле в районе совхоза Коммунарка вместе с телами других жертв произвола. Выдающийся разведчик разделил трагическую судьбу многих десятков своих соратников, погибших в кровавых застенках ежовско-бериевских палачей.

Георгий Николаевич Косенко родился 12 мая 1901 года в городе Ставрополе в семье служащего. В родном городе закончил мужскую гимназию незадолго до начала гражданской войны.

Белые царские генералы во главе с Калединым, выпущенные советской властью из тюрьмы под честное слово не воевать против нее, бежали на Дон и Северный Кавказ, чтобы развязать Гражданскую войну в стране. В 1918 году отец Георгия Косенко, принимавший участие в революционных событиях в Ставрополе, был расстрелян белогвардейцами, захватившими этот город. А вскоре и его сестра, являвшаяся членом партии большевиков с 1914 года и работавшая в большевистском подполье, была повешена: озверевшие белые генералы не щадили даже женщин в борьбе за власть.

Молодой Георгий Косенко, которому едва исполнилось 17 лет, без колебаний встал на сторону советской власти. В 1920 году он становится секретным сотрудником ВЧК в Ставрополе и активно борется с белогвардейцами и иностранными интервентами. В 1921 году Георгий Косенко записывается красноармейцем в Ставропольский дивизион войск ВЧК. В том же году двадцатилетний чекист вступает в ряды РКП(б). До 1924 года принимает активное участие в уничтожении остатков белогвардейских банд на Северном Кавказе.

В 1924 году Георгий Николаевич становится кадровым сотрудником органов ОГПУ. Работает на различных должностях в своем родном городе Ставрополе, а также в Новороссийске, Владикавказе, Ростове, Свердловске и Москве.

Еще в гимназии Г. Косенко неплохо овладел французским языком, на котором разговаривали в его семье, как до революции это было принято среди русской интеллигенции. В начале 1933 года на молодого, но успешного набраться оперативного опыта чекиста обратили внимание сотрудники ИНО ОГПУ. По их рекомендации он переводится в кадры внешней разведки. А уже 30 апреля того же года Георгий Косенко назначается на ответственную должность заместителя резидента ОГПУ в Харбине.

В те времена в разведке существовало правило, в соответствии с которым сотрудники ИНО, особенно пришедшие из территориальных органов, выезжали на оперативную работу за рубеж под чужой фамилией. Эти, в общем-то, наивные меры безопасности были призваны дополнительно зашифровать сотрудников заграничного аппарата внешней разведки от иностранных спецслужб. Однако на практике они не всегда достигали цели. В частности, Федор Карин, активно боровшийся с контрреволюцией в Молдавии и на Украине, был направлен в Румынию с паспортом на чужое имя. Однако опознанный одним из белых эмигрантов, он был вынужден срочно покинуть страну из-за угрозы провала.

В середине мая 1933 года Георгий Косенко прибыл в Харбин в качестве заместителя руководителя «легальной» резидентуры. Разведчику был выдан дипломатический паспорт на имя Георгия Николаевича Кислова. В столице Маньчжурии, оккупированной японской военщиной в 1931 году, он работал под дипломатическим прикрытием секретаря советского Генконсульства. В июне 1935 года Г. Н. Косенко назначается резидентом ИНО НКВД и одновременно по линии учреждения прикрытия повышается до должности вице-консула СССР.

В те года главной задачей внешней разведки являлась борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией, выявление ее планов и связей с иностранными державами, вынашивающими агрессивные планы в отношении нашей страны.

Политическая обстановка в Китае в тот период была весьма сложной. Наиболее сильные позиции в экономике страны занимала Англия. Против английского влияния в Китае активно выступала Япония, захватившая в 1931 году территорию Северо-Восточного Китая и создавшая там в марте 1932 года марионеточное государство Маньчжоу-го под управлением

малолетнего императора Пу И. Япония рассматривала Китай как исключительно собственную сферу влияния, крупнейший рынок сбыта товаров и богатейший источник сырья для японской промышленности. Свои корыстные интересы в этой крупнейшей азиатской стране преследовали и США, стремившиеся потеснить Англию и Японию на китайских рынках. Военное столкновение между этими империалистическими державами было неизбежным. Советский Союз, имевший общую границу с Китаем протяженностью около пяти тысяч километров, не был заинтересован в превращении Китая в арену военного противоборства империалистических государств, которые могли в конечном итоге сговориться и попытаться решить свои проблемы за счет СССР.

Кроме того, в Маньчжурии, входившей в дореволюционный период в зону влияния России, имелась многочисленная, в несколько десятков тысяч человек, русская колония. Здесь же осели остатки контрреволюционных белогвардейских банд, потерпевших поражение в Гражданской войне и перешедших на содержание разведывательных служб Англии, Японии и США. Поэтому одним из основных объектов внешней разведки в Китае являлись эмигрантские формирования. При этом разведчики вербовали агентуру в первую очередь из числа эмигрантов, решивших возвратиться в СССР. После бесед им делался намек на то, что возвращение на Родину нужно заслужить. Так приобреталась агентура не только в среде белогвардейских эмигрантских организаций, но и в иностранных спецслужбах, с которыми они активно сотрудничали.

К моменту приезда Г. Косенко в Харбин в «легальной» резидентуре работало шесть оперативных и четыре технических сотрудника.

На связи у резидентуры была масса агентов, которые, однако, большой оперативной ценности не представляли. Начальник ИНО ОГПУ А. Артузов дал четкое указание переключить разведывательную работу резидентуры в Харбине на выявление планов вооруженной эмиграции и иностранных спецслужб по диверсиям, вредительству и шпионажу. Он предложил в кратчайший срок очистить агентурный аппарат от малоценных источников, «которые пользы нам не приносят, бюджет съедают и превратились из орудия борьбы в нашу собственную обузу». Начальник разведки предложил действовать быстро и решительно, чтобы в кратчайшие сроки создать вполне работоспособный агентурный аппарат.

Георгий Николаевич в течение десяти лет принимал активное участие в борьбе с белогвардейской эмиграцией, выявляя ее связи с подпольем в нашей стране, накопил значительный опыт оперативной работы. Поэтому

неудивительно, что в Харбине он с первых дней активно включился в работу резидентуры. В представлении Г. Косенко на должность резидента, подписанном в начале июня 1935 года, отмечалось, что «являясь в течение двух лет заместителем резидента ИНО ОГПУ-НКВД в Харбине, он самым активным образом помогал резиденту и добился значительных результатов в оперативной деятельности».

В документе, в частности, подчеркивалось, что Г. Косенко через свои агентурные возможности выявил десять белогвардейских банд, сформированных японцами для заброски на советскую территорию. Им было установлено свыше ста восьмидесяти активных участников бандформирований, поставленных на учет в Центре. Благодаря полученной им оперативной информации, три банды (Карася, Якимова и Комиссаренко), направленные на нашу территорию, при переходе советско-маньчжурской границы были ликвидированы.

Георгию Косенко удалось также выявить 25 активных японских разведчиков, засылавшихся штабом Квантунской армии на территорию СССР. К отдельным из них были подведены агенты резидентуры, что позволило Центру быть в курсе вопросов, интересующих японскую разведку. Одновременно Косенко через агентурные каналы установил более 300 японских разведчиков, работавших под прикрытием в различных пунктах и учреждениях марионеточного государства Маньчжоу-го.

В результате оперативных мероприятий харбинской резидентуры, разработанных непосредственно оперработником, пять японских разведчиков были выведены на советскую территорию и арестованы органами госбезопасности. Одновременно им была вскрыта и своевременно предотвращена провокация японской жандармерии (так называемое «дело ИНО ОГПУ»). Она заключалась в том, что японцы через завербованного ими белого эмигранта Воронина вербовали советских граждан в учреждениях СССР в Маньчжурии и на КВЖД от имени ОГПУ для освещения положения в совколонии. Своевременными мерами, предпринятыми резидентурой, все завербованные японцами лица были выведены в СССР, дали письменные показания, на основе которых советский наркомат иностранных дел заявил официальный протест японской стороне. Агентура Г. Косенко, задействованная в этой операции внешней разведки, не была засвечена и продолжала успешно освещать подрывную деятельность японских спецслужб. Через нее, в частности, были получены в дальнейшем ценные сведения относительно методов работы японской разведки.

Большое место в работе Георгия Косенко в Маньчжурии занимали

вопросы выявления и нейтрализации диверсионно-террористических планов японской разведки и связанной с ней белогвардейской эмиграции. Так, благодаря предпринятым мерам возглавляемая им резидентура своевременно проинформировала Центр о заброске на советскую территорию с разведывательными заданиями японской агентуры из числа русской белой эмиграции (Вовк, Теплых, Муранов и др.). Была сорвана попытка японской разведки организовать через завербованного ею агента Сорокина взрыв в железнодорожном туннеле в районе станция Облучье. Г. Косенко заранее сообщил в Центр о готовящемся выводе в СССР члена белогвардейской организации Штальберга-Градова и агента японских спецслужб Лучанинова, перед которыми стояла задача по организации разведывательной и террористической деятельности на территории нашей страны.

Получение столь обширной и «острой» оперативной информации было непростым делом. Георгий Николаевич работал, как говорится, на износ, что сказалось на состоянии его здоровья. В конце 1935 года он серьезно заболел и в январе 1936 года был вынужден возвратиться в Москву. Врачи подлечили разведчика, и уже в мае того же года руководством разведки было принято решение о направлении его руководителем «легальной» резидентуры в Париж. В 1930-е годы внешней разведке органов государственной безопасности удалось создать во Франции разветвленную агентурную сеть, успешно сочетая «легальные» и нелегальные формы работы. Поскольку в тот период Франция играла важную роль в международной политике, перед советской внешней разведкой стояла задача выяснять позицию французского правительства по наиболее важным проблемам, в том числе его отношение к СССР и Германии.

Руководимая Г. Н. Косенко парижская резидентура получала значительное количество информации, в том числе документальной, по вопросам внешней и внутренней политики правительства Франции. Она имела источники информации в канцелярии президента Республики, в правительстве, в местных спецслужбах. Резидентуре удалось также получить доступ к документам английского посольства и дипломатических представительств некоторых других иностранных государств. Весьма эффективной, по оценке Центра, была работа парижской резидентуры и по линии научно-технической разведки. В частности, ей удалось получить документы и образцы новейших изобретений в области авиации, бронетанковой техники, стрелкового оружия.

Как мы отмечали выше, во Франции обосновались многочисленные

организации выходцев из России и их руководители. В первую очередь это относится к Русскому общевойсковому союзу (РОВС), насчитывавшему в своих рядах несколько десятков тысяч активных членов, Народно-трудовому союзу (НТС), Организации украинских националистов (ОУН), грузинским меньшевикам во главе с Ноем Жорданием и другим организациям, мечтавшим о свержении в России власти большевиков. В Париже действовала переведенная РОВС из Сербии Академия Генерального штаба, готовившая офицерские кадры для белой эмиграции. Борьба с этими антисоветскими центрами считалась одной из важнейших задач «легальной» и нелегальных резидентур НКВД во Франции.

После эвакуации остатков войск генерала Врангеля из Крыма и их обустройства в Сербии и Болгарии Русская армия как самостоятельная сила перестала существовать. В этой связи барон Врангель, проживавший в сербском городе Сремски Карловицы, издал 1 сентября 1924 года приказ N 35, согласно которому армия преобразовывалась в Русский общевойсковой союз под его руководством. 25 апреля 1928 года Петр Николаевич Врангель скончался в Брюсселе от скоротечной чахотки. Преемником Врангеля на посту председателя РОВС стал генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов, перенесший штаб-квартиру организации в Париж. В январе 1930 года он был похищен сотрудниками ОГПУ, которыми руководили Яков Серебрянский и Сергей Пузицкий. Понимая, какая ему уготована судьба, генерал скончался от сердечного приступа на борту советского судна, следовавшего из Марселя в Новороссийск. После похищения Кутепова председателем РОВС был назначен генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер.

Наша справка:

Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867 — 1939 гг.), из дворян Санкт-Петербургской губернии, уроженец города Двинска, профессиональный военный. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1898–1907 годах был военным атташе в Бельгии, Голландии и Италии. Участник Первой мировой войны. С первых дней войны возглавил штаб 5-й армии. В 1915 году был произведен в генерал-лейтенанты. В январе 1917 года назначен командиром 26-го армейского корпуса. В апреле 1917 года ранен восставшими солдатами, судим ими и

отправлен в Петроград.

В августе 1917 года направлен в Италию представителем Ставки Верховного Главнокомандующего при итальянском Главном командовании. Здесь его и застала Октябрьская революция. Активный участник Гражданской войны в России. В январе 1919 года прибыл в оккупированный англичанами Архангельск и был назначен главнокомандующим войсками Северного правительства Чайковского. В феврале 1920 года его части были разбиты, а их остатки на ледоколе «Козьма Минин» и яхте «Ярославна» ушли в изгнание.

Оказавшись в эмиграции, генерал Миллер продолжил антисоветскую деятельность. С апреля 1920 года являлся уполномоченным Врангеля по военным и морским делам в Париже. В апреле 1922 года назначен начальником штаба Врангеля. С 1929 года был первым заместителем председателя РОВС. В январе 1930 года стал председателем РОВС. 22 сентября 1937 года похищен оперативной группой НКВД, через неделю доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Сегодня в российской прессе можно встретить всякие суждения относительно этой чекистской операции, непосредственное отношение к которой имел и Георгий Косенко. Кое-кто пытается представить Е. К. Миллера, прославившегося кровавыми злодеяниями на территории России, в качестве «невинной жертвы» НКВД.

А вот что писал во французской газете «Информасьон» за 24 апреля 1920 года о деятельности генерала Миллера на Севере России ее корреспондент в Архангельске, близкий друг Керенского эсер Борис Соколов:

«Я был свидетелем последнего периода существования правительства Северной области, а также его падения и бегства генерала Миллера со своим штабом. Я мог наблюдать разные русские правительства, но никогда раньше не видел таких чудовищных и неслыханных деяний. Поскольку правительство Миллера опиралось исключительно на правые элементы, оно постоянно прибегало к жестокостям и систематическому террору, чтобы удержаться на верху. Смертные казни производились сотнями, часто без всякого судопроизводства...

Миллер основал каторжную тюрьму на Иокангском полуострове на Белом море. Я посетил эту тюрьму и могу удостоверить, что таких ужасов не было видно даже в царское время. В бараках на несколько сот человек размещалось свыше тысячи заключенных. По приказанию Миллера начальник тюрьмы Судаков жестоко порол арестованных, отказывавшихся идти на каторжные работы. Ежедневно умирали десятки людей, которых кидали в общую могилу и кое-как засыпали землей...

В середине февраля 1920 года, за несколько дней до своего бегства, генерал Миллер посетил фронт и заявил офицерам, что не оставит их. Он дал слово офицера позаботиться об их семьях. Но это не помешало ему закончить приготовления к бегству. 18 февраля он отдал приказ об эвакуации Архангельска 19 февраля к двум часам дня. Сам он и его штаб в ночь на 19 февраля тайно разместились на яхте «Ярославна» и ледоколе «Козьма Минин». Генерал Миллер захватил с собой всю государственную казну, около 400.000 фунтов стерлингов (10 миллионов рублей золотом), которые принадлежали Северной области.

Утром 19 февраля население узнало об измене и бегстве генерала Миллера. Много народу собралось возле места якорной стоянки «Козьмы Минина», в том числе солдаты и офицеры, которых Миллер обманул. Началась перестрелка. С кораблей стреляли из орудий. Было много убитых... Вскоре «Козьма Минин» ушел из Архангельска... Измена Миллера произвела чудовищное впечатление на офицеров на фронте. Некоторое время они не знали о бегстве штаба и продолжали защищаться. Узнав об измене своих начальников, многие из них покончили самоубийством, а другие перешли на сторону большевиков».

Вот такой портрет генерала Миллера нарисовал эсер Б. Соколов, далекий от симпатий к большевикам. К этому можно добавить, что даже по законам Российской империи присвоение казенных денег считалось тягчайшим преступлением.

После похищения генерала Кутепова и ряда других чекистских операций доверие к РОВС спецслужб Англии и Франции, на чьем содержании ранее он находился, заметно пошатнулось. Генерал Миллер и другие руководители РОВС переориентировались в своей деятельности на нацистскую Германию, совместно с которой они рассчитывали вторгнуться на территорию СССР и возглавить оккупационный режим гитлеровцев.

«РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, — заявлял генерал Миллер. — Это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

К 1937 году Германия, окончательно отбросившая ограничения, налагавшиеся на нее Версальской системой, открыто готовилась к практической реализации своих захватнических планов в Европе, изложенных в «библии нацизма», книге Гитлера «Моя борьба». Кремль принимает решение сорвать сближение белогвардейской эмиграции с нацистами. Для этого предполагалось похитить генерала Миллера и доставить его в Москву.

В случае исчезновения Миллера, заменить его на посту руководителя РОВС, по мнению Центра, реально мог только генерал Скоблин, являвшийся агентом резидентуры НКВД в Париже (оперативный псевдоним «Фермер»), что позволило бы советской разведке полностью контролировать деятельность этой террористической белогвардейской организации.

Однако в 1937 году, в самый разгар «сталинских чисток», в план вносятся некоторые коррективы. Похищение Е. Миллера и тайная переправка его в Москву в Кремле уже связываются с организацией широкомасштабного судебного процесса над ним. Этот процесс, по мнению Сталина, был призван не только разоблачить связи белогвардейцев с нацистами, но и ослабить негативное впечатление международной общественности от организованных по его указанию политических процессов над опальными военными маршалами и генералами Красной Армии — Тухачевским, Егоровым, Блюхером, Уборевичем, Якиром, Корком и другими советскими военачальниками, «доказать» их связь с белогвардейской эмиграцией и иностранными спецслужбами.

Для организации похищения генерала Миллера в Париж прибыл заместитель начальника внешней разведки НКВД Сергей Шпигельглас. Во французскую столицу был также командирован из Испании резидент НКВД Александр Орлов. В операции принимал непосредственное участие и парижский резидент НКВД Георгий Косенко, находившийся в стране под прикрытием должности вице-консула и под фамилией Кислова, а также целый ряд сотрудников центрального аппарата разведки, специально командированных в Париж. Конечная цель операции перед ними не раскрывалась. Согласно разработанному плану, генерал Скоблин должен был заманить Миллера на конспиративную квартиру резидентуры якобы для переговоров с представителями гитлеровских спецслужб о налаживании сотрудничества с РОВС.

Акция чекистов завершилась, казалось бы, благополучно: Миллер был похищен 22 сентября 1937 года и затем доставлен в Гавр на борт советского теплохода «Мария Ульянова», который немедленно взял курс на Ленинград. Однако перед тем, как пойти на встречу, организованную Скоблиным, генерал Миллер оставил у себя на рабочем столе записку следующего содержания:

«У меня сегодня в 12.30 свидание с ген. Скоблиным на углу ул. Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штроманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а поэтому на всякий случай оставляю эту записку.

22 сентября 1937 года.

Ген. — лейт. Миллер».

Поскольку генерал Миллер в штаб-квартиру РОВС не вернулся, вечером 22 сентября генерал Кусонский и заместитель Миллера адмирал Кедров вскрыли пакет с его запиской и вызвали к себе генерала Скоблина для объяснений. Скоблин поначалу отрицал сам факт своей встречи с Миллером. Однако после того, как адмирал Кедров предъявил ему записку Миллера и предложил пройти в полицейский участок для дачи показаний, Скоблин понял, что все рухнуло. Под благовидным предлогом он вышел из помещения РОВС и исчез. Некоторое время он скрывался на конспиративной квартире советской разведки в Париже, а затем на самолете, специально закупленном для этого Александром Орловым, был переправлен в Барселону, где вскоре погиб в результате бомбардировки города гитлеровской авиацией.

Миллер был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, где содержался как заключенный № 110 и под именем Иванова Петра Васильевича до мая 1939 года. Однако к тому времени нужда в инсценированных политических процессах отпала, поскольку в воздухе явно пахло новой мировой войной. К маю 1939 года Германия не только совершила аншлюсс Австрии, Судетской области, но и полностью оккупировала Чехословакию, несмотря на гарантии ее безопасности со стороны Англии и Франции. Разведка НКВД располагала информацией о

том, что следующей целью Гитлера будет Польша.

Сталин прекрасно понимал, что в подобных условиях продолжение судебных процессов над военными, в которых предполагалось использовать Миллера, может окончательно деморализовать Красную Армию в предверии близящегося военного столкновения с гитлеровской Германией, и отказался от этой идеи. Он сместил Н. Ежова с поста наркома внутренних дел, а в скором времени возложил на него ответственность за творимые в стране произвол и беззаконие. Нужда в генерале Миллере отпала. 11 мая 1939 года Л. Берия, сменивший Ежова на посту наркома внутренних дел, подписал распоряжение о расстреле генерала Миллера, осужденного Военной коллегией Верховного Суда СССР. В 23 часа 05 минут того же дня приговор был приведен в исполнение.

Георгий Косенко, принимавший непосредственное участие в похищении и вывозе в Советский Союз Е. К. Миллера, в 1937 году был награжден за эту операцию орденом Красного Знамени. В служебной характеристике, составленной на него в том же году в Центре, отмечалось:

«За время работы в органах НКВД капитан госбезопасности Г.Н.Косенко характеризовался как хороший, способный, усидчивый и энергичный чекист. Руководимая им резидентура в Париже нанесла серьезный удар по белогвардейским эмигрантским организациям».

Борьба с вооруженной эмиграцией была лишь одним из направлений работы «легальной» резидентуры внешней разведки во Франции. Перед ней стояли весьма широкие задачи. Особенно активно работала резидентура в период Гражданской войны в Испании. Георгий Косенко поддерживал тесный контакт с руководителем «легальной» резидентурой в Мадриде Александром Орловым. Парижская резидентура приобрела агентов, имевших разведывательные возможности непосредственно в самой Испании. Большую работу Г. Н. Косенко и его сотрудники проводили с добровольцами интернациональных бригад, направлявшимися в эту страну транзитом через Францию. Лиц, представлявших вербовочный интерес, они привлекали к сотрудничеству с советской разведкой.

Парижская и мадридская резидентуры создали специальную школу по подготовке агентурных групп для совершения диверсий в тылу фашистов. В результате не одна тысяча германских и итальянских фашистов и испанских фашистов нашла гибель в боях против республиканского правительства. В Испании этими разведывательно-диверсионными группами руководил легендарный советский чекист Григорий Сыроежкин. Их опыт оказался весьма полезным в годы Великой Отечественной войны, когда руководимое П. А. Судоплатовым 4-е

управление НКВД-НКГБ развернуло подобную работу в тылу немецких войск.

Париж облюбовали не только главари белогвардейской эмиграции, монархисты и националисты различных мастей, эмигрировавшие из России после Октябрьской революции. «Столицу мира» полюбили также и троцкисты. Здесь размещался «Международный секретариат» создаваемого Троцким IV Интернационала. В Париже проживал также сын Троцкого Лев Седов, возглавлявший этот секретариат. С 1936 года разработкой Седова занималась специальная агентурная группа внешней разведки во главе с разведчиком-нелегалом болгаринном Борисом Афанасьевым. Одному из его агентов удалось войти в доверие к Седову и даже получать от него интересующую Сталина информацию.

Однако самым важным агентом в ближайшем окружении сына Троцкого Л. Л. Седова был привлеченный летом 1933 года к сотрудничеству с советской разведкой агентом ИНО ОГПУ А. Адлером («Юнкер») Марк Зборовский («Тюльпан»). Ему удалось внедриться в «Международный секретариат» IV Интернационала, занять место одного из руководителей его русской секции, подружиться с женой сына Троцкого и стать своего рода личным секретарем Льва Седова, с которым он встречался практически ежедневно. Это позволяло резидентуре Г. Н. Косенко регулярно читать как переписку самого Л. Троцкого и его сына Л. Седова, так и написанные им статьи еще до их публикации в троцкистском «Бюллетене оппозиции».

В августе 1937 года, когда уехавший на время из Парижа Лев Седов поручил ведение всех дел М. Зборовскому, Г. Косенко получил через агента список адресов сторонников Троцкого в различных странах. Через Зборовского резидентура также выяснила, что Троцкий передал часть своего архива в Институт исторических исследований в Париже. Узнав об этом, Сталин распорядился вывезти архив в Москву. Проведение операции было поручено «группе Яши» — специальному подразделению НКВД, которым руководил Яков Серебрянский и которое подчинялось непосредственно наркому. Серебрянский был направлен Н. Ежовым в Париж со специальным заданием. Г. Н. Косенко было поручено обеспечить проведение операции.

В ночь с 6 на 7 ноября 1936 года агент Я. Серебрянского англичанин Моррисон (псевдоним «Гарри»), имевший прочные связи в управлении полиции, с помощью резидентуры успешно выполнил задание Сталина. Г. Н. Косенко направил дипломатической почтой на Лубянку так называемый «архив Троцкого»: огромное количество рукописей, статей и писем Л.

Троцкого общим весом около 80 килограммов. Благодаря усилиям парижской резидентуры Сталин был в курсе замыслов своего главного политического противника.

11 февраля 1937 года Георгий Косенко направил в Центр отчет Марка Зборовского о его беседах с сыном Троцкого. По словам агента, Лев Седов склонялся к мысли о том, что Сталина необходимо физически ликвидировать. В одной из бесед Седов сказал Зборовскому, что «поскольку весь режим в СССР держится на Сталине, то достаточно убить его, чтобы все развалилось». Седов неоднократно возвращался к этой теме и подчеркивал необходимость убийства Сталина, намекая на то, что это должен сделать сам Марк Зборовский. Эта информация была незамедлительно доложена вождю. Сталин пришел в ярость. Он обвинил Троцкого в том, что тот хочет разрушить Советский Союз, и приказал Н. Ежову ликвидировать Троцкого и его сторонников.

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года с докладом о деятельности троцкистов выступил нарком внутренних дел Н. Ежов. В результате пленум ЦК ВКП(б) принял постановление, в котором, в частности, говорилось:

«Обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца с тем, чтобы подавить малейшее проявление их антисоветской деятельности...»

«Добиться организации надежной агентуры в стране и за рубежом. Укрепить кадры разведки».

Ликвидация Л. Троцкого была поручена Н. Ежовым руководителю Особой группы НКВД Сергея Шпигельгласу. В соответствии с разработанным им планом, деятельность внешней разведки НКВД по уничтожению троцкистов была перенесена во Францию. Это было связано с предательством нелегального резидента НКВД в Европе Игнатия Порецкого, который порвал с разведкой и направил в Москву письмо, в котором объявил, что присоединяется к IV Интернационалу. Организацией первого съезда этой троцкистской группировки занимался сын Троцкого. В сентябре 1937 года И. Порецкий по приказу Сталина был ликвидирован в Швейцарии. Сын Троцкого Лев Седов умер в Париже после операции по удалению аппендикса в ночь на 16 февраля 1938 года. Внешняя разведка НКВД отношения к его смерти не имела. В свете этих изменений обстановки в кругах троцкистской оппозиции в разработанный С.

Шпигельгласом план ликвидации Троцкого необходимо было срочно вносить коррективы.

В этой связи перед агентом парижской резидентуры Зборовским была поставлена задача проникнуть в ближайшее окружение Троцкого, чтобы быть в курсе его планов и возможных перемещений. С этой целью агент по заданию Г. Косенко написал Троцкому личное письмо, которое, впрочем, осталось без ответа. Это объяснялось тем, что после смерти Л. Седова доверие к Зборовскому со стороны троцкистов пошло на убыль.

В связи с неудачей операции чекистов по внедрению Зборовского в окружение «демона революции» Центр направил в Париж из Испании Рамона Меркадера и его мать Каридад. Г. Н. Косенко предписывалось разработать операцию по их внедрению в окружение Троцкого.

Однако выполнить задание Центра резидент не успел. В июле 1938 года резидент НКВД в Испании Александр Орлов, которого Н. Ежов отозвал в Москву и намеревался ликвидировать, отказался выполнить распоряжение наркома и стал невозвращенцем. Через свои родственные связи в США он вместе с женой и дочерью тайно эмигрировал за океан. Перед бегством А. Орлов направил письмо Н. Ежову. В нем он обзавелся не раскрывать секретов разведки, если Сталин не тронет его мать, оставшуюся в Союзе. Сталин приказал Ежову мать и самого Орлова не трогать, так как знал он очень много.

Не успокоившись на этом, в декабре 1938 года А. Орлов направил Троцкому письмо от имени некоего американца Штейна, в котором предупреждал его о том, что в окружении лидера IV Интернационала находится агент НКВД по имени Марк. Он дал точные приметы Марка Зборовского и настойчиво рекомендовал не доверять никому, кто будет действовать от его имени. А. Орлов предупредил Троцкого, что НКВД готовит на него покушение, которое совершит либо Марк, либо некий испанец, выдающий себя за троцкиста.

Сталин снова пришел в ярость. Он вызвал в Кремль нового наркома внутренних дел Л. Берия и приказал разработать новую операцию («Утка») по уничтожению Троцкого. Одновременно вождь распорядился наказать всех чекистов, причастных к работе против Троцкого и не выполнивших его указаний. Любимым тезисом вождя был следующий: «если приказано, то должно быть выполнено, хоть ты умри». К сожалению, Л. Берия понимал этот тезис буквально...

В ноябре 1938 года Г. Н. Косенко, капитан госбезопасности, что соответствовало армейскому званию подполковник, был отозван в Москву и выведен в резерв разведки. 27 декабря того же года по указанию Л.

Берии, сменившего Н. Ежова на посту наркома внутренних дел, Георгий Косенко был арестован как «участник контрреволюционной террористической организации». Разведчику вменялось в вину знакомство и тесное взаимодействие с А. Орловым, которому он якобы выдал секреты операции чекистов по ликвидации троцкистов. Одновременно вместе с Г. Косенко в Москву были отозваны и арестованы С. Шпигельглас, а также резидент НКВД в Нью-Йорке Петр Гутцайт, обвиненный в троцкизме. Он координировал из США операцию в отношении Троцкого. Все эти разведчики были также расстреляны по указанию Л. Берии.

Бериевские палачи добивались от Г. Н. Косенко признания в совершении приписываемых ему преступлений. По иронии судьбы, он был брошен в ту же самую внутреннюю тюрьму НКВД, в одной из камер которой содержался генерал Миллер. Тщетно палачи выбивали из Г. Н. Косенко признание в его связях с троцкистами и белогвардейской вооруженной эмиграцией. Несмотря на побои и издевательства, он отказался оговорить себя и своих товарищей. По приказу Л. Берии выдающийся разведчик Георгий Николаевич Косенко был расстрелян 20 февраля 1939 года. Генерал Миллер, который был вывезен в Советский Союз при непосредственном участии Г. Н. Косенко, пережил его всего на два месяца.

Что же касается возглавляемого в прошлом генералом Русского общевойскового союза, то после похищения Е. К. Миллера он развалился и накануне войны прекратил свое существование. Белогвардейцам, мечтавшим возвратиться в Россию на иностранных штыках, не удалось реализовать эту мечту. Не смогли реализоваться и планы гитлеровцев использовать членов РОВС в качестве карателей на временно оккупированных территориях Советского Союза.

Доброе имя Георгия Николаевича Косенко было восстановлено лишь во второй половине 1950-х годов. Верховный Суд СССР своим решением от 15 декабря 1956 года отменил приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 февраля 1939 года и дело производством прекратил за отсутствием состава преступления.

В связи с пересмотром Верховным Судом СССР приговора Военной коллегии в отношении Г. Н. Косенко, выдающийся советский разведчик генерал-майор Агаянц, работавший в 1937–1938 годах в парижской резидентуре под его руководством, в частности, показал:

«Впечатление о Кислове-Косенко у меня осталось как о требовательном, знающем свое дело руководителе. Нас, молодых

сотрудников резидентуры, он учил приемам работы, передавал свой опыт, останавливал и поправлял, когда мы намеревались провести какие-либо необдуманные мероприятия, требовал, чтобы каждое из этих мероприятий отвечало интересам дела. Кислов-Косенко особо требовал соблюдения конспирации и сам был в этом примером...

Он был очень скромен в быту и в коллективе, хороший семьянин... Лично я никогда не получал от него задания или указания, которые вызывали бы подозрения, сомнения в их целесообразности. Ни я и никто из наших товарищей не сомневались в честности и партийности Кислова-Косенко... У всех нас его арест вызывал серьезные сомнения».

Учитывая выдающийся вклад Георгия Николаевича Косенко в решение разведывательных задач, его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки.

Сын Его Превосходительства

Октябрьская революция 1917 года расколола Россию на два враждующих лагеря. Большевики были вынуждены вести непримиримую борьбу с многочисленными врагами нового государства. После окончания Гражданской войны в России у советской власти не осталось серьезных противников внутри страны. В то же время за границей действовало немало эмигрантских организаций, ставивших своей целью свержение большевистского режима. Лидеры потерпевшего поражение в Гражданской войне белого движения, оказавшись за рубежом в результате эмиграции, пытались продолжать борьбу с Советами всеми доступными им способами и средствами. В этом их поддерживали и буржуазные правительства ряда иностранных государств.

В 20-х годах прошлого столетия число эмигрантов-выходцев из России составляло в Европе и Китае более одного миллиона человек. Безусловно, белая эмиграция не была однородной. Часть людей, бежавших за границу из-за страха перед советской властью, не собирались с этой властью бороться. Другие эмигранты, активно сражавшиеся против большевиков на полях Гражданской войны, объединялись за границей в боевые организации, главной целью которых было свержение советской власти в России.

Самой активной и агрессивной организацией белоэмигрантов того времени являлся Русский общевоинский союз (РОВС), созданный генералом Врангелем из офицеров разгромленной Добровольческой армии. Штаб-квартира РОВС находилась в Париже, а филиалы — в ряде европейских городов. Он объединял в своих рядах около 100 тысяч бывших офицеров.

Террор и диверсии являлись главным оружием РОВС в борьбе против советского государства. В Париже, а также в Праге, Софии, Берлине и Варшаве, где имелись филиалы РОВС, готовились боевые группы для заброски на советскую территорию с целью проведения терактов и организации вооруженных выступлений населения. Члены организации активно налаживали связи с контрреволюционным подпольем в России для подготовки восстания.

После смерти генерала Врангеля в 1928 году пост руководителя РОВС занял один из его заместителей генерал Кутепов. Среди руководителей этой организации он являлся главным сторонником террористической

деятельности. В секретной инструкции для боевиков, разработанной генералом Кутеповым, подчеркивалось: «План общей работы представляется в следующем виде — террор против... советских чиновников, а также тех, кто ведет работу по развалу эмиграции».

Публицист и историк С. Вычужанин по этому поводу пишет:

«В конце 1929 года генералом Кутеповым было решено активизировать диверсионно-террористическую работу против СССР. Стали готовиться группы офицеров-боевиков, в планы которых входило привлечение к работе абсолютно проверенного бактериолога с целью оборудования своей лаборатории для разведения культур инфекционных болезней (чума, холера, тиф, сибирская язва). Культуры бацилл на территорию СССР предполагалось доставлять в упаковках от духов, одеколона, эссенций, ликеров и др.

Целями терактов должны были служить все областные комитеты ВКП(б), губернские комитеты ВКП(б), партийные школы, войска и органы ОГПУ (у боевиков в наличии был список подобных 75 учреждений в Москве и Ленинграде с точным указанием адресов)».

Естественно, Москва не могла не учитывать потенциальной опасности, исходившей со стороны террористических организаций белой эмиграции и в первую очередь — со стороны РОВС, стратегической целью руководства которого являлось вооруженное выступление против Советской власти. В этой связи основное внимание советской внешней разведки и ее резидентур отводилось работе по РОВС: изучению его деятельности, выявлению планов, установлению филиалов и агентуры этой организации на советской территории, разложению ее изнутри и возможному влиянию на принятие решений руководством с помощью внедренной агентуры, срыву готовящихся диверсионно-террористических мероприятий.

В «Положении о закордонном отделении ИНО», утвержденном 28 июня 1922 года, в качестве первоочередных задач внешней разведки в порядке их приоритетности, в частности, указывались:

«— Выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против нашей страны.

— Установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим

шпионажем.

— Освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их экономическом положении.

— Добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций.

— Контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.»

Как видно из приведенного выше документа, работе по проникновению в зарубежные контрреволюционные организации, которые проводили подрывную деятельность против Советского государства, отводилось в то время первостепенное место в задачах внешней разведки.

Кроме того приходилось учитывать и то, что в случае новой войны в Европе под знаменами противников Советского Союза могут выступить и полки бывшей Добровольческой армии, структура которой сохранилась и в эмиграции. Бывшие белые офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности Красной Армии.

Один из активных филиалов РОВС — балканский — располагался в Софии. Только на территории Болгарии проживало тогда более 30 тысяч белоэмигрантов, а всего в балканских странах их насчитывалось около 100 тысяч. Большинство из бывших белых офицеров принимали непосредственное участие в деятельности балканского филиала, или как его официально называли — 3-го отдела РОВС. Проникнуть в балканский филиал РОВС — такое задание было поставлено руководством советской внешней разведки перед молодым сотрудником Николаем Абрамовым.

Николай Абрамов родился в 1909 году в Варшаве в семье полковника русской армии Федора Федоровича Абрамова. Его отец был участником русско-японской и Первой мировой войн и впоследствии дослужился до звания генерала. В Гражданскую войну воевал на стороне Белой армии. В 1919 году конница С. М. Буденного разгромила его донской казачий корпус, и он решил бежать за границу. Перед тем как покинуть Родину он тайно приехал проститься с семьей в Ржев, где в то время проживали его близкие: мать, жена и сын.

Два года с остатками своего корпуса генерал Абрамов скитался по Турции, а затем, когда солдаты разбежались и корпус перестал

существовать, перебрался в Болгарию и осел в Софии. Там его превосходительство генерал-лейтенант Абрамов через некоторое время возглавил 3-й (балканский) отдел Русского общевойскового союза и одновременно стал одним из заместителей его руководителя.

Вскоре после окончания Гражданской войны в России умерла жена генерала и Абрамов решил вывезти своего двенадцатилетнего сына Николая из Советской России. Он послал за сыном казацкого есаула, который нелегально пробрался в Одессу, а оттуда приехал в Ржев. Однако бабушка, с которой Николай в то время жил, наотрез отказалась отпускать внука в чужую страну. Да и сам Николай не захотел расставаться с Россией.

После окончания в 1926 году средней школы Николай Абрамов стал трудиться чернорабочим. Жил у сестры отца, так как бабушка к тому времени тоже умерла. Позже работал в Осоавиахиме в городе Новороссийске.

В 1929 году полный сил и здоровья, хороший спортсмен, Николай был призван на военную службу на Черноморский флот. Окончил водолазную школу в Балаклаве и служил водолазом Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) при ОГПУ на Черном море. Принимал непосредственное участие в поисках и подъеме потопленных во время Гражданской войны судов. Однажды в ходе одной из таких операций при расчленении корпуса затонувшего крейсера Николай Абрамов был серьезно контужен взрывной волной. С профессией водолаза пришлось расстаться.

В период службы в ЭПРОН Николай вступил в комсомол. Он был воспитан своей теткой, которая в свое время восприняла идеи советской власти, как истинный патриот Родины.

К 1930 году перед советской внешней разведкой со всей остротой встала задача по непосредственному проникновению в РОВС, являвшийся серьезным препятствием на пути мирного строительства нового общества в России. Необходимо было проникнуть не просто в белогвардейскую организацию, а в одно из её штабных подразделений. Ведь именно там находились сведения о действующей на советской территории агентуре, а также о формах и методах её подготовки и вывода в Советский Союз. Одним из таким подразделением безусловно являлся расположенный в Софии 3-й (балканский) отдел РОВС.

Далеко не каждый сотрудник внешней разведки подходил для решения этих задач. Руководство Иностранного отдела ОГПУ вело активный поиск и изучение лиц, которые в силу сложившихся обстоятельств смогли бы проникнуть в центральные органы РОВС. Выбор пал на Николая Абрамова — сына руководителя софийского филиала организации.

Замечательный советский разведчик Дмитрий Георгиевич Федичкин, принимавший в то время непосредственное участие в подготовке Абрамова к выводу за границу, позднее вспоминал:

«Руководство ОГПУ решило направить Николая в Болгарию. Он был предан Советской власти, мужествен, инициативен. Его появление в Софии не должно было вызвать подозрений. Вполне резонно, что после смерти матери и бабушки, став самостоятельным, Николай пожелал воссоединиться со своим отцом.

Но тут возникла очень серьезная нравственная проблема: сын против отца. Можно привести множество примеров, когда дети не разделяют взглядов своих отцов, поступают вопреки их воле. Но тут было совершенно другое: чтобы обезвредить антисоветские действия РОВС, Николай должен был скрывать от отца свое истинное лицо. По этому поводу у нас шли бурные дебаты. Одни говорили, что неэтично, безнравственно побуждать сына скрытно действовать против родного отца. Другие стояли на совершенно противоположной позиции: ничего безнравственного тут нет! Сын защищает свое отечество от происков врага, сбежавшего за кордон. И совсем неважно, что врагом этим оказался родной отец.

— Успокойтесь, товарищи, — сказал член Коллегии ОГПУ А.Х.Артузов. — Надо прежде всего выяснить, что думает по этому поводу сам Николай Абрамов. Я поеду к нему.

И Артузов поехал в Севастополь, где в то время проживал Николай. Молодой человек с вполне понятным волнением слушал представителя внешней разведки. Артузов рассказал ему о совершенных в недавнем прошлом боевиками РОВС террористических акциях в Москве и Ленинграде, в результате которых погибло много людей. Как показало расследование, боевики проходили подготовку в балканском филиале РОВС, которым руководил отец Николая — генерал Абрамов.

— Я вас не тороплю, подумайте хорошенько, — подчеркнул Артузов. — Только вы можете решить, хватит ли у вас мужества и выдержки, чтобы, живя в одном городе, в одном доме с отцом, действовать против его воли, замыслов, планов. Мы неволить не станем и никаких претензий к вам иметь не будем. Но если согласитесь, буду рад видеть вас в Москве.

... Через несколько дней Николай выехал в Москву. А.Х.Артузов принял его и имел с ним еще один большой разговор...».

В 1930 году Николай Абрамов был принят на работу в Иностраннный отдел ОГПУ с перспективой вывода в Болгарию для использования в

разработке РОВС. Он прошел соответствующую разведывательную подготовку.

Николая Абрамова направляли в Софию с очень серьезным заданием. Ему предстояло проникнуть в РОВС, вскрыть его антисоветские планы, парализовать и предотвратить, насколько возможно, его практическую подрывную деятельность. Он не скрывал перед своими кураторами из Центра, что не хотел бы бороться лично против отца, как человека, а намерен попытаться повлиять на него, чтобы тот снизил свою антисоветскую активность.

В октябре 1931 года «Ворон» (таким был оперативный псевдоним Н. Ф. Абрамова) был выведен за кордон по линии внешней разведки. Он был устроен матросом на советское судно дальнего плавания «Герцен». Совершавшее регулярные рейсы по маршруту Ленинград-Гамбург, судно было приписано к ленинградскому порту и поэтому там его никто не знал. Во время первого же своего заграничного рейса «Ворон» сошел на берег и не вернулся на борт судна. «Сбежав» с парохода в Гамбурге, он поехал поездом в Берлин, рассчитывая оттуда добраться до Софии. Однако в Берлине его арестовали и посадили в тюрьму. Выручил генерал фон Лампе — соратник отца и руководитель германского филиала РОВС. Он добился освобождения «Ворона», дал ему денег на дорогу и отправил в Софию.

Вскоре «Ворон» был тепло встречен отцом и его ближайшим окружением, которым он объяснил, что ему необходимо было уехать из Советского Союза, поскольку оставаться там сыну белого генерала, одного из руководителей антисоветской организации было опасно. Было ему в то время 22 года.

С первых дней своего пребывания в Софии «Ворон» приступил к выполнению задания Центра. При помощи отца и его окружения он быстро внедрился в белоэмигрантские круги. Разведчик тщательно изучал софийское отделение РОВС и его боевую группу, возглавляемую капитаном Фоссом. Систематически направлял в Центр копии корреспонденций Фосса и генерала Абрамова. Передавал ценные сведения, которые в дальнейшем были использованы для компрометации Фосса и других руководящих деятелей РОВС. Позже принимал непосредственное участие в компрометации активного антисоветчика журналиста Ивана Солоневича.

Начав разведывательную работу в одиночку, «Ворон» в дальнейшем создал работоспособную группу, которая полностью контролировала деятельность основных белоэмигрантских организаций в Болгарии. Существенную помощь в работе разведчику оказывали, в частности, входившие в группу его жена Наталья и ее мать.

Александра Семеновна — мать жены «Ворона» — являлась зубным врачом по профессии, кабинет и квартира которой находились в особняке, располагавшемся неподалеку от помещения филиала РОВС. В двадцатые годы она приехала с малолетней дочерью Наташей из СССР в Болгарию к мужу, случайно оказавшемуся в эмиграции в годы Гражданской войны и ставшему болгарским подданным. Через некоторое время брак распался. Александра Семеновна считала свой отъезд из Советского Союза ошибкой и надеялась когда-нибудь вернуться домой.

Буквально с первых дней знакомства с «Вороном» (а познакомил их генерал Абрамов, который поддерживал с Александрой Семеновной дружеские отношения) она прониклась симпатией к молодому человеку. Через некоторое время Александра Семеновна и ее дочь стали его надежными помощниками в разведывательной работе. А весной 1933 года молодые люди сыграли свадьбу.

Как врач, Александра Семеновна общалась со многими руководящими сотрудниками софийского филиала РОВС и из их рассказов узнавала многое о делах и планах организации. Вскоре квартира зубного врача стала использоваться как конспиративная квартира советской разведки. Время от времени в ней появлялись приезжавшие в Софию из стран Западной Европы связные. Через них передавалась в Центр важная информация о деятельности местного отделения РОВС.

Со временем, став активным членом балканского филиала РОВС, «Ворон» получил доступ к весьма ценной информации о деятельности всей этой организации. С 1935 года, после установления дипломатических отношений между Болгарией и СССР, связь «Ворона» с Центром стала регулярной. Постоянный контакт с разведчиком поддерживал руководитель «легальной» резидентуры НКВД в Софии — атташе советского посольства Василий Терентьевич Яковлев.

Активный советский разведчик довоенного периода В. И. Пудин, работавший во второй половине 1930-х годов в Болгарии, вспоминал:

«В 1936 году я был направлен в Болгарию заместителем резидента (резидентом в то время был Василий Терентьевич Яковлев). Дипломатические отношения СССР с царской Болгарией были установлены за год до моего назначения.

Агентурно-оперативная обстановка в царской Болгарии того времени была исключительно сложной. В те годы в стране проживало много белогвардейцев, враждебно настроенных против Советской власти. Установление дипломатических

отношений между Болгарией и СССР вызвало большое недовольство в среде белой эмиграции. Ее представители всячески препятствовали развитию нормальных отношений между нашими странами.

Ко времени установления дипломатических отношений «Ворон» уже стал своим человеком в штабе 3-го отдела РОВС и в болгарской политической полиции. Он возмужал, приобрел многочисленные связи, женился на русской эмигрантке, которую привлек к разведывательной работе.

Проникновение «Ворона» в руководящие круги белой эмиграции в Болгарии происходило умело, без спешки. Безусловно, основную роль в этом сыграло положение его отца, а также наличие у разведчика широких знакомств в его окружении».

Искусно маневрируя, «Ворон» сумел войти в доверие не только к контрразведчикам из РОВС, но и к представителям болгарской политической полиции.

Начальник контрразведки РОВС, являвшийся одновременно начальником отделения болгарской политической полиции, выходец из старой русской эмиграции капитан Браунер стал обращаться к «Ворону» за консультациями по «советским вопросам». Браунер имел непосредственное отношение к подготовке и заброске на территорию Советского Союза террористов и диверсантов, и советы бывшего гражданина СССР были, как он считал, весьма полезны для будущих диверсантов. Время от времени «Ворон» давал такие консультации боевикам непосредственно перед их отправкой в СССР. Его авторитет стал настолько высок, что в Софию стали направлять на окончательную «шлифовку» боевиков из других филиалов РОВС — из Парижа и Хельсинки. Естественно данные на этих людей немедленно направлялись в Центр.

Среди белой эмиграции в Болгарии особую активность проявляла молодежь. Она обвиняла старую эмиграцию в том, что та, по ее мнению, работает неумело, а засылаемые на территорию Советского Союза боевики, как правило, обезвреживаются чекистами. Наиболее антисоветски настроенные молодые люди, входившие в организацию боевиков «Национально-трудовой союз нового поколения», приняли решение совершить в Болгарии террористические акты против советских дипломатов. Их идею поддержали и некоторые местные реакционеры, в частности, начальник отделения болгарской политической полиции

капитан Браунер. Группа, в которую входили шесть человек, в том числе «Ворон» и активный член РОВС капитан Фосс, должна была провести операцию по ликвидации советского посла в Болгарии Раскольниковова.

«Ворон» не только немедленно проинформировал Центр о готовящемся покушении на посла СССР, но добыл и передал фотокопию детального плана этой операции. МИД СССР было дано указание немедленно заявить официальный протест Болгарии в связи с готовящимся террористическим актом.

Провокация боевиков была сорвана, однако «Ворон» попал под подозрение. Хотя против него и не было прямых улик, но остальные участники террористического акта были такими яркими врагами советской власти в России, что заподозрить их в симпатиях к большевикам и тем более в связях с советской разведкой было невозможно.

Срыв операции по ликвидации советского посла и реакция на ее подготовку официальных болгарских властей заставили генерала Абрамова пересмотреть свое отношение к организации террористических актов. На основании сведений, полученных советской внешней разведкой непосредственно из штаб-квартиры РОВС в Париже, Иностраный отдел составил спецсообщение для руководства НКВД, в котором, в частности, говорилось:

«Иностранным отделом получены сведения, что генерал Абрамов, заместитель председателя РОВС и начальник 3-го отдела РОВС, и его ближайший помощник по террористической работе капитан Фосс считают, что в настоящих тяжелых политических условиях вся активная работа террористического характера должна производиться только внутри СССР. Никаких терактов за границей не должно быть, так как все акты, кроме небольшого эффекта, ничего не дают и в то же время могут быть уничтожены организации, которые ведут какую-либо работу в направлении СССР.

Абрамов и Фосс высказывают опасения, что не исключается возможность провокации с чьей-либо стороны террористического акта, что повлечет уничтожение тех связей и отношений болгарского правительства к русским эмигрантам, которые достигнуты сейчас.

Абрамов и Фосс считают, что в настоящее время вся активная работа РОВС должна быть централизована, ибо лишь в таком случае они видят какую-либо продуктивность и

возможность какого-либо общего действия и контроля».

Шло время. «Ворон» продолжал снабжать Центр исключительно важной информацией. Сорванная операция с покушением на советского посла казалось бы стала забываться. Но через полтора года после этого происшествия у «Ворона» состоялся серьезный разговор с отцом, который высказал предположения о его сотрудничестве с большевиками. «Оскорбленный» отцом, «Ворон» перестал посещать РОВС, встречаться с членами этой организации и бывать в болгарской политической полиции.

Позже жены «Ворона» Наталья Афанасьевна вспоминала:

«Мы жили с мамой и Николаем Федоровичем как на вулкане.

Семь лет на краю пропасти. Если бы теперь мне кто-нибудь сказал, что можно долгие годы принимать у себя дома смертельного врага, улыбаться, подставлять щечку для поцелуя, кормить его любимыми блюдами, я бы ни за что не поверила. Но так было... А потом наш «милый друг» Александр Браунер, долго подбиривший «ключик» к моему мужу, стал утверждать, что передача большевикам плана покушения на посла — дело рук Николая».

Оказалось, что все это время один из инициаторов покушения на советского посла капитан Браунер пытался выяснить причины срыва операции. И его усилия не пропали даром. В середине 1937 года руководство софийского отделения РОВС пришло к выводу о возможной связи «Ворона» с советской разведкой и начало его активную разработку.

Жизнь разведчиков в Софии все более усложнялась, и тогда он по согласованию с Центром решил покинуть Болгарию. Это устраивало всех: и супругов, и генерала, и Браунера, и болгарскую политическую полицию. Однако в это время из Парижа пришла весть о таинственном исчезновении руководителя РОВС генерала Миллера. «Ворон» был арестован по подозрению в причастности к похищению генерала. Браунер допрашивал его с пристрастием — избивал чулком, наполненным мокрым песком. «Ворон» выдержал все пытки. Через неделю его выпустили из тюрьмы и предложили покинуть Болгарию. В газетах было сообщено, что «Н. Абрамов с женой высылаются из страны». Браунер выделил для сопровождения супругов двух агентов тайной полиции, которые получили приказ: уничтожить советского разведчика при переходе границы. Об этом стало известно резидентуре. Было решено подкупить сопровождающих.

Это удалось, и супруги благополучно прибыли в Париж.

В Париже Абрамовым были вручены новые документы, и они выехали в Советский Союз. Возвратившись на Родину, Николай Федорович Абрамов и его супруга Наталья Афанасьевна работали в Управлении НКВД по Воронежской области.

Через полгода генерал Абрамов обратился к теще Николая и, на правах родственника, попросил ее поехать во Францию, найти там его сына и уговорить его возвратиться в Болгарию. Он подчеркнул, что весьма сожалеет о размолвке с сыном. Александра Семеновна согласилась. Она закрыла свой зубоврачебный кабинет и выехала во Францию. Генерал Абрамов, естественно, не знал, что Александра Семеновна помогала его сыну и работала на советскую разведку. С согласия Центра она выехала сначала в Париж, а оттуда направилась прямо в Москву, где и встретилась с зятем и дочерью.

... С первых дней Великой Отечественной войны Николай Абрамов неоднократно обращался к руководству НКВД с просьбой послать его на фронт. Однако ему предложили выехать в составе разведывательно-диверсионной группы чекистов на подпольную оперативную работу в оккупированную немецко-румынскими войсками Одессу, в распоряжение уже находившегося там сотрудника центрального аппарата НКВД резидента-нелегала Владимира Александровича Молодцова, ставшего впоследствии Героем Советского Союза. Вместе со своими товарищами Николай Федорович участвовал в диверсионных и других боевых операциях. Последнее письмо от него, адресованное жене и ее матери, было датировано 11 сентября 1941 года. Вскоре в одном из боев Николай Абрамов погиб. Было ему всего 32 года.

Вместо послесловия.

22 сентября 1937 года в Париже сотрудниками советской внешней разведки был похищен руководитель РОВС генерал Миллер. Он был доставлен в Москву, предан суду и в мае 1939 года расстрелян.

После похищения Миллера руководителем РОВС стал генерал Абрамов, которого позже сменил генерал Шатилов (начальник 1-го отдела). Никому из них не удалось сохранить РОВС как дееспособную и боевую организацию. Советская разведка, дезорганизовав и разложив РОВС, лишила гитлеровскую Германию и ее союзников возможности активно использовать в войне против СССР более 20 тысяч членов этой

организации. Определенная заслуга в этом принадлежала и Николаю Федоровичу Абрамову.

Погибший на посту

В начале 1930-х годов советская внешняя разведка провела крупную операцию по внедрению техники подслушивания в находившуюся в Париже штаб-квартиру боевой террористической организации белой эмиграции — Русского общевойскового союза (РОВС). В этой операции, ставшей позже известной под кодовым названием ИНД («Информация наших дней»), особая роль отводилась активному помощнику парижской резидентуры НКВД «Иванову».

Лишь в конце 1980-х годов советская внешняя разведка открыла некоторые архивные материалы того периода, и широкой общественности стало известно, что оперативный псевдоним «Иванов» (кодовый номер УЖ/1) принадлежал одному из видных представителей русской эмиграции во Франции Сергею Николаевичу Третьякову — замечательному русскому человеку, вынужденному покинуть Родину, но преданно служившему ей до конца своих дней.

Сергей Николаевич Третьяков родился 26 августа 1882 года в богатой и именитой московской семье. Его дед, Сергей Михайлович, был одно время московским головой, основал всемирно известную Третьяковскую галерею.

В 1901–1905 годах Сергей учился на физико-математическом факультете Московского университета. После окончания учебы женился на Наталье Саввишне Мамонтовой, представительнице богатейшего московского рода, и вошел в дело своей семьи: в конце 1905 года возглавил товарищество Костромской льняной мануфактуры в качестве председателя его правления.

Очень скоро Сергей Николаевич стал одним из наиболее влиятельных предпринимателей льняной отрасли, владельцем крупных текстильных предприятий. Он был основателем и первым председателем Всероссийского объединения льняных фабрикантов, избирался председателем Московского биржевого комитета.

Третьяков входил в так называемую группу молодых российских капиталистов во главе с П. П. Рябушинским, являлся членом ЦК созданной в 1912 году партии прогрессистов.

С февраля 1917 года Сергей Николаевич — товарищ (заместитель, — прим. авт.) председателя Всероссийского союза торговли и промышленности. Примыкал к кадетам — в июне по списку кадетской

партии был избран гласным Московской городской думы.

В середине июля 1917 года А. Ф. Керенский предложил Третьякову пост министра торговли и промышленности в своем новом кабинете. Сергей Николаевич выдвинул следующие условия своего вхождения в коалиционное правительство, как представителя деловых кругов:

«— Вся власть Временному правительству...

— Восстановление боевой мощи армии и железной дисциплины в тылу должны быть доведены до конца...

— Временное правительство не вправе предпринимать коренной ломки существующих социальных отношений по Учредительному собранию...

— Должна быть немедленно создана твердая власть на местах...

— Внешняя политика России должна покоиться на полном единении с союзниками...

— Промышленность и торговля имеют государственное значение...

— Всякие классовые притязания как промышленников, так и рабюющих должны быть подчинены государственным интересам...

— Во Временном правительстве не место лицам, представляющим лишь самих себя...».

Переговоры о вхождении Третьякова в правительство были прерваны, так как Керенский отказался удовлетворить его требование об удалении из правительства эсера Чернова, заявив, что «программа Чернова является и программой Временного правительства».

Сразу же после провала этих переговоров Третьяков заявил журналистам, что «Временное правительство будущего состава все же не обойдется без представителей торговли и промышленности. Мы нужный народ, мы нужны им как хлеб насущный, как воздух...». И Третьяков оказался прав. Уже 25 сентября он вошел в состав 3-го коалиционного правительства Керенского в качестве председателя Высшего Экономического Совета и Главного экономического комитета. Кроме того, по личному поручению главы правительства Третьяков поддерживал контакт с французской военной миссией.

26 октября 1917 года в 2 часа 10 минут Третьяков вместе с другими министрами Временного правительства был арестован в Зимнем дворце и заключен в Петропавловскую крепость. В конце февраля 1918 года был освобожден, выехал сначала в Москву, затем в Харьков, а оттуда — в Париж.

В ноябре 1918 года адмирал Колчак предложил Третьякову занять пост министра торговли и промышленности во Временном сибирском

правительстве, и он немедленно выехал в Омск. Одновременно являлся заместителем председателя Совета Министров этого правительства. Впрочем, на этих должностях он пробыл недолго, всего десять месяцев, и после поражения Колчака вернулся во Францию.

В Париже Третьяков стал председателем Русской торговой палаты, заместителем председателя созданного в феврале 1920 года более чем 600 российскими промышленниками, банкирами и торговцами «Российского торгово-промышленного и финансового союза» («Торгпрома») и одним из редакторов журнала «Иллюстрированная Россия».

С. Н. Третьяков был связан с целым рядом русских эмигрантских организаций, зачастую являлся их представителем для поддержания контактов с французским правительством и различными местными учреждениями.

Высокий, статный мужчина, всегда элегантно одетый, знаток нескольких европейских языков, обладатель солидного капитала в России, он всегда был желанным гостем во всех эмигрантских кругах и находился в близких отношениях с руководителем РОВС генералом Кутеповым.

Человек трезвого ума, Третьяков раньше других из своего окружения понял, что в России возврата к старому нет. На этой почве он пытался даже в 1926 году покончить жизнь самоубийством и был спасен в последний момент близкими. Данный факт впоследствии тщательно скрывался от окружения самим Третьяковым и членами его семьи.

... По имевшимся у внешней разведки надежным сведениям, «Торгпром», одним из руководителей которого являлся Третьяков, в начале 1920-х годов активно помогал деньгами «Народному союзу защиты родины и свободы» — военной террористической организации, которую возглавлял Борис Савинков. Хотя другими данными относительно причастности «Торгпрома» к диверсионной работе разведка не располагала, интерес к нему в Центре сохранялся. Там полагали, что «Торгпром» перестроил работу и глубоко законспирировал свою борьбу. Перед парижской резидентурой была поставлена задача «проникнуть в руководящие круги «Торгпрома», чтобы обеспечить постоянный и эффективный контроль за его возможными антисоветскими акциями».

Парижская резидентура приняла решение привлечь Третьякова к сотрудничеству и использовать его для разработки «Торгпрома». В Центр были направлены соответствующие предложения, в которых, в частности, отмечалось:

«Третьяков — чрезвычайно умный и разносторонне

образованный человек, сильно связанный своим воспитанием и прошлым с купеческим миром. Он пользуется хорошей репутацией в русских торгово-промышленных кругах».

С. Н. Третьяков был привлечен к сотрудничеству с советской внешней разведкой в 1929 году. Против ожидания резидентуры он легко дал согласие работать на Москву. С этого времени в служебной переписке Третьяков стал именоваться оперативным псевдонимом «Иванов».

Причины, побудившие «Иванова» пойти на сотрудничество с советской разведкой, кроются, скорее всего, в его разочаровании белой эмиграцией, что следует из собственноручно подготовленного им в 1929 году обзора, который находится в его оперативном деле:

«... После победы большевиков эмиграция разбилась на целый ряд групп и группировок: впереди ничего определенного, Советская власть справилась с белым движением, Европа в недоумении, началось дробление и деление на секты. В сущности, с этого момента эмиграция, по-моему, потеряла всякое значение. Вражда, борьба между собой и злословие — вот характеристика этого периода, продолжающегося до сих пор. Эмиграция потеряла какое-либо значение в смысле борьбы с Советской властью и в смысле влияния на политику иностранных государств...

С каждым днем, с каждым месяцем эмиграция теряет свое значение, и сейчас она утратила его окончательно, с ней никто не считается, ее никто не слушает, и те истины, которые она ежедневно повторяет в своей прессе, созданной на последние трудовые гроши старых беженцев (молодые русские газет не читают), никого не волнуют и не убеждают. Эмиграция умирает уже давно, духовно она покойник».

В 1931 году в письме из парижской резидентуры указывалось:

«Иванов» является весьма ценным источником, с большими перспективами на будущее. Мы рассчитываем добиться через него ряда серьезных разработок».

... С приходом А. Х. Артузова в августе 1931 года к руководству Иностраным отделом ОГПУ, активизировалась работа внешней разведки по одному из давних противников советских органов государственной безопасности — Русскому общевойсковому союзу. Соответствующие указания по данному вопросу были направлены и в парижскую резидентуру.

На одной из встреч «Иванов» сообщил своему куратору:

— Ту работу, которую вы приписываете «Торгпрому», он не ведет. Я допускаю, что кто-то из членов нашего союза участвует во вредительской деятельности, поощряет и финансирует ее, но «Торгпром» в целом, даже его президиум не в курсе этой работы. Вот почему я ничем здесь вам помочь в принципе не смогу. В данное время союз не имеет никакого значения, он захирел, денег у него нет.

Парижская резидентура принимает решение переориентировать усилия «Иванова» на работу по РОВС.

Один из кураторов «Иванова» обратил внимание на то, что дом 29 на улице Колизей, где находился штаб РОВС, принадлежит его семье. Штаб РОВС располагался на первом этаже, а на втором и третьем проживала семья «Иванова», с которой он в то время не жил. Резидентура предложила «Иванову» вернуться в семью и переселиться на второй этаж дома. Центр выделил необходимую сумму денег для проведения ремонта жилых помещений. Супруга «Иванова» и дети расположились в пяти комнатах третьего этажа, а сам он занял две комнаты на втором этаже, которые находились над кабинетами председателя РОВС генерала Миллера и начальника 1-го отдела генерала Шатилова, а также над канцелярией союза.

Из Москвы прибыла надежная прослушивающая аппаратура. Сотрудниками резидентуры были установлены в помещениях РОВС микрофоны, именовавшиеся на чекистском сленге «петьками», а в комнатах «Иванова» — аппаратура приема. С января 1934 года началось постоянное прослушивание разговоров, ведущихся в штабе РОВС, в том числе и в кабинете его председателя.

От «Иванова» стала регулярно поступать «Информация наших дней» — ИНД (так в ИНО ОГПУ окрестили получаемые от «Иванова» сведения). Из этой информации, проверяемой и дополняемой другими источниками, разведка смогла воссоздать достаточно точную картину деятельности РОВС.

Постоянно находившийся дома «Иванов» имел возможность фиксировать всех посетителей РОВС, своевременно включать аппаратуру и записывать содержание бесед Миллера со своими помощниками:

«9 января 1936 года. 10.55.

Миллер читает начальнику канцелярии РОВС Кусонскому письмо, написанное им генералу Дидериксу. В письме подчеркивается, что во Франции сознают, что лишь соглашение

Франции и Германии может дать мир Западной Европе, и никакие франко-советские пакты не устроят Германию. Миллер далее пишет о польско-германском соглашении, направленном против России, в которое он искренне верит. Он считает также, что Франция никогда не будет воевать с Германией из-за России...».

«24 января 1936 года. 11. 15.

Миллер в своем кабинете заслушивает сообщение руководителя информационного отдела РОВС Трубецкого. По сведениям последнего, в Румынии в ближайшее время произойдет изменение ее внешней политики от профранцузской к прогерманской. Румыно-польско-германское соглашение, направленное против СССР, не за горами. В данный момент лишь Титулеску является сторонником франко-румынского сотрудничества, но, по всей вероятности, его скоро уберут. Отношения между большевиками и румынским правительством должны скоро осложниться...».

«4 сентября 1936 года. 16.30.

В беседе с Миллером Трубецкой полностью поддержал позицию Кутепова, направленную на активизацию террористической деятельности РОВС на территории СССР. По мнению Трубецкого, такая боевая работа, которую РОВС проводил в последние годы руководства Кутепова, была своевременна и совершенно необходима: ленинградское покушение надолго подняло в глазах эмиграции значение и престиж организации.

Соглашаясь с Миллером в том, что в настоящее время в основную задачу активной работы РОВС не входит индивидуальный террор, хотя бы по той простой причине, что средства РОВС истощились, Трубецкой, тем не менее, напомнил Миллеру, что за последние четыре года РОВС посылал своих людей в Россию с исключительной целью проведения террористических актов. Он подчеркнул, что генерал Абрамов (начальник 3-го отдела РОВС, — прим. авт.) и капитан Фосс (помощник Абрамова по террористической работе, — прим. авт.) неоднократно направляли своих людей в СССР с единственной целью убийства»...

Это лишь три выдержки из нескольких тысяч страниц сообщений «Иванова», объединенных под кодовым названием «Информация наших дней» (ИНД).

«Иванов» работал и днем и ночью. Благодаря этому разведка была в курсе почти всех деловых и личных встреч Миллера с другими руководителями организации, их планов по организации работы, замыслов и даже настроений отдельных белоэмигрантских лидеров.

В 1934 году резидент сообщал в Центр:

«Иванов» исполняет добросовестно необычайно трудную работу, ибо несомненно, что производство ИНД — вредное производство: слух, внимание, нервы напряжены 8–9 часов в сутки...

За добросовестную работу я наградил «Иванова» суммой в две тысячи франков. Он работает удивительно хорошо и внимательно, не за страх, а за совесть...».

«Иванов» успешно сотрудничал с советской разведкой вплоть до оккупации гитлеровцами Франции. Он действительно работал честно, и его материалы представляли большой оперативный интерес. В конце 1939 года штаб РОВС был перемещен в Брюссель. Буквально накануне оккупации Франции фашистской Германией связь с «Ивановым» была временно законсервирована. Однако это не спасло его от разоблачения. 14 июня 1942 года «Иванов» был арестован гестапо. Во время обыска в его квартире были обнаружены приемное устройство и провода, протянутые в штаб-квартиру РОВС, а в помещении штаба — микрофоны.

В августе 1942 года фашистская газета «Локаль-анцайгер» и эмигрантская газета «Новое слово» сообщили об аресте в Париже немцами бывшего министра Временного правительства России С. Н. Третьякова как советского агента, участвовавшего в похищении генералов Кутепова и Миллера и в укрывании в Париже генерала Скоблина — одного из организаторов похищения Миллера.

Газеты утверждали, что Третьяков являлся одним из резидентов НКВД за границей и что из его квартиры велось подслушивание всех разговоров в штаб-квартире РОВС, что дало возможность большевикам обезвредить более тридцати диверсантов-белогвардейцев, переброшенных в СССР.

Арестованного Третьякова немцы отправили в Германию. А 16 июня 1944 года он был расстрелян в концлагере в Ораниенбурге, под Берлином. Немецкая пресса опубликовала официальное сообщение о казни С. Н.

Третьякова.

В чем же была причина ареста Третьякова? По-видимому, она заключалась в следующем:

В 1940 году в Центральной тюрьме города Ренн скончалась выдающаяся русская певица Надежда Плевицкая — жена генерала Скоблина, работавшая, как и он, на советскую разведку и отбывавшая 20-летнее заключение «за соучастие в похищении генерала Миллера». Перед смертью ее исповедовал православный священник. Не исключено, что во время исповеди она упоминула и Третьякова, как соратника Скоблина, а сама исповедь была записана французской контрразведкой с помощью скрытых микрофонов. После начала войны французам стало не до Третьякова. Зато немцы, оккупировавшие Париж, воспользовались материалами французской контрразведки...

Так закончил свою жизнь Сергей Николаевич Третьяков — один из активных помощников советской внешней разведки, внесший неоценимый вклад в пресечение террористической деятельности РОВС и в дезорганизацию его работы.

В относящихся к тому периоду «Очерках истории российской внешней разведки» подчеркивается, что «накануне Великой Отечественной войны РОВС практически сошел со сцены. Даже гестапо отказалось его использовать в своей подрывной работе против СССР, заподозрив в нем, как тогда говорили, «мистификацию чекистов». Определенная заслуга в этом была и разведчика «Иванова» — Сергея Николаевича Третьякова.

Разведчик Мильграм

Однажды в одной из московских газет появилось интервью директора столичной гимназии № 45, Народного учителя СССР, Почетного Гражданина города Москвы Леонида Исидоровича Мильграма. Рассказывая о своих корнях, Леонид Исидорович упомянул, что его отец был разведчиком.

Безусловно, такая фамилия была нам известна. Исидор Вольфович Мильграм принадлежал к числу видных представителей первого поколения советских разведчиков. За свою непродолжительную оперативную жизнь во внешней разведке он дважды находился на нелегальной работе, являлся помощником «легального» резидента в европейской стране и руководителем двух «легальных» резидентур в Китае. Однако нам захотелось побольше узнать о нашем старшем коллеге и его судьбе, и мы связались с сыном разведчика по телефону.

Через некоторое время в Службу внешней разведки России пришло письмо, в котором Леонид Исидорович сообщил много интересных сведений о жизни и деятельности своего отца Исидора Вольфовича Мильграма и его соратников по работе. В письме, в частности, отмечалось:

«Я отчетливо представляю, что мой отец не был фигурой первого плана в вашей профессии, но очень дорожу памятью о нем и — особенно — его принадлежностью к славной когорте бойцов невидимого фронта, совершенно бескорысно служивших Делу. Судьба разведчиков тяжела, а для большинства из тех, кто работал в 1920-х

— 1930-х годах, трагична. Тем более хочется, чтобы ни имена, ни дела их не были забыты».

Такое желание полностью совпадает с нашим. И в этом очерке мы хотели бы рассказать читателям о жизненном и оперативном пути замечательного человека и чекиста — Исидора Вольфовича Мильграма.

Исидор Мильграм родился 15 декабря 1896 года в городе Калиш Калишской губернии (бывшая Русская Польша) в трудовой семье. Отец его был рабочим, а затем мастером на кружевной фабрике Мойсевича в Калише. С десяти лет Исидор начал трудиться на этой же фабрике сначала подручным монтера, а затем — слесаря.

После того как немцы оккупировали родной город Исидора, его угнали в Германию. Сначала он работал слесарем на угольной шахте в Саксонии, а затем на одном из заводов Круппа в Рурской области и на берлинской городской железной дороге. Активно участвовал в рабочем движении, являлся членом Социал-демократической партии Германии. Одновременно с 1916 года — член партии большевиков. Помогал Карлу Либкнехту в организации 1 мая 1916 года известной демонстрации берлинского пролетариата на Потсдамской площади, которая прошла под лозунгом «Долой войну!». За участие в антивоенной демонстрации был арестован и несколько месяцев провел в тюрьме. Затем был отправлен на принудительные работы на один из заводов Круппа, откуда бежал.

С января 1917 года находился на партийной работе в Роттердаме (Нидерланды), где вел агитацию среди военнопленных. В марте того же года женился.

Из воспоминаний жены И. В. Мильграма Фриды Францевны:

«Родилась я в Вильно в 1895 году. Отец был рабочим на мельнице, затем грузчиком на товарной станции. Мать работала на папиросной фабрике, а после появления детей стала домохозяйкой. В семье было пятнадцать детей, из них шесть умерли малолетними.

Самый старший из братьев получил профессию гравера и в 1904 году эмигрировал в Америку. Следом за ним в 1905 году в Америку уехали еще трое братьев.

В 1905 году я пошла на работу, была ученицей портнихи. Не столько училась, сколько мыла полы, разжигала утюги, нянчила хозяйскую девочку, таскала в магазин готовую продукцию. Закончив ученичество, работала портнихой.

После начала войны и оккупации города немцами отец и я остались без работы. Семья сильно голодала.

На семейном совете решили, что я — старшая из детей — должна поехать к братьям в Америку и побудить их помочь семье, спасти ее от голода. На мою дорогу продали все, что было возможно. Вместе с другими эмигрантами я прибыла поездом в Роттердам. Перед тем, как отправиться дальше, всех эмигрантов пропустиили через врачебный осмотр. Многим из эмигрантов отказали во въезде в Америку. Я оказалась среди них — уж очень была худая и немощная. Нас хотели отправить назад, в Вильно, но мы категорически отказались. Тогда нас оставили в Роттердаме и стали лечить. Мы оказались на положении интернированных, в город нас не пускали. Лишь однажды мне с двумя подругами разрешили погулять в городском парке. Мы сидели на скамейке.

Мимо проходили трое ребят, по виду — рабочие парни. Они говорили между собой на идише. Мы поняли, что они из России, так как голландские евреи не знают еврейского языка. Познакомились. Один из них был Мильграм. Он помог мне найти профсоюз швейников, чтобы устроиться на работу, помог снять маленькую комнатку. Как только начала работать, накопила 20 гульденов и послала домой. В ответном письме мама сообщила, что отец умер. Я тяжело переживала смерть отца, заболела. Мильграм не отходил от меня. Мы подружились, а в марте 1917 года поженились».

После Октября в Нидерландах активизировалось революционное движение. И. Мильграм принимал в нем активное участие. В то время он часто менял работу: после каждого публичного выступления его увольняли как русского большевика. Выступал он на голландском и немецком языках (Исидор обладал большими способностями к изучению языков, позже овладел французским и английским).

В конце 1918 года голландские коммунисты получили сведения о том, что местные спецслужбы подготовили список подлежащих аресту русских большевиков, в который включен и Исидор Мильграм. Он ушел в подполье, скрывался в Амстердаме, а затем выехал через Германию в Россию. Однако уже в начале января 1919 года И. Мильграм был направлен Л. М. Караханом, бывшим в то время заместителем наркома по иностранным делам, в Нидерланды, с которыми у Советской России еще не было дипломатических отношений, с особыми поручениями НКВД РСФСР. 11 января на границе он был арестован.

Восемь месяцев содержался И. Мильграм в тюремной крепости Вирикерсханса как «иностранец, представляющий угрозу общественному порядку и безопасности страны». В этот период он готовил покушение на находившегося в крепости под арестом непосредственного убийцу К. Либкнехта и Р. Люксембург лейтенанта Фогеля. Узнав об этом, местные власти приняли решение отправить И. Мильграма пароходом в Ревель для передачи Юденичу. В Данциге с помощью немецких синдикалистов ему удалось бежать с борта парохода и добраться до Бельгии. Работал в Брюсселе слесарем на одном из местных заводов, занимался партийной деятельностью. Вскоре к нему перебралась и жена, которая также была арестована, содержалась в Нидерландах в концлагере и бежала из заключения. В начале июля 1920 года И. Мильграм с супругой вместе с другими политическими эмигрантами выехали в Советскую Россию.

Из воспоминаний жены И. В. Мильграма Фриды Францевны:

«Отъезд намечался морем из Антверпена довольно большой группой

возвращенцев. Я вручную вышила золотом по красному сукну (шелк не нашли) советский герб — серп и молот в венке из колосьев. Хорошо помню: мы на пароходе, на причале толпа провожающих, а над старым русским кораблем с выписанным на борту названием «Царь» развевается наш красный флаг с золотым гербом. Сопровождающий нас бельгийский офицер потребовал у меня убрать флаг, так как, по его словам, на судне было введено военное положение. Разумеется, мы флаг не сняли, так под ним и пришли к русским берегам. Я этот флаг торжественно вручила советским представителям в городе Ямбурге.

Мы с Мильграмом приехали в Москву 23 июля в день открытия второй, московской части 2-го конгресса Коминтерна (первая его часть открылась 19 июля в Петрограде. — Прим. авт.). Поселили нас в гостинице «Люкс» на Тверской улице, 36. Мильграм сразу же пошел в Исполком Коминтерна и стал просить, чтобы его порекомендовали добровольцем на фронт».

Просьба И. Мильграма была удовлетворена. 2 августа 1920 года заместитель управляющего делами ИККИ направляет в ЦК РКП(Б) письмо за N 1843 следующего содержания (сохранен стиль оригинала):

«Исполком Коммунистического Интернационала посылает в Ваше распоряжение тов. Мильграма, члена Голландской коммунистической партии, вернувшегося из-за границы, как владеющего польским языком, согласно постановлению о мобилизации коммунистов, говорящих по-польски».

А уже на другой день, 3 августа, Исидор Мильграм получает на руки удостоверение, в котором говорится:

«Центральный Комитет РКП(Б) командировывает тов. Мильграма И.В. в ПУР по партийной мобилизации для направления на Западный фронт в распоряжение Польского Бюро ЦК».

До середины декабря 1920 года И. Мильграм являлся сотрудником разведки штаба 4-й армии на Западном фронте, под фамилией Шмидт выполнял специальные разведывательные задания за кордоном, в частности, в тылу у поляков и немцев. После потери связи с армией перебрался в Бельгию, откуда вернулся в Россию вместе с военнопленными русскими солдатами.

Из воспоминаний жены И. В. Мильграма Фриды Францевны:

«Мильграм уехал на Западный фронт, а я осталась в

Москве. Болела, голодала, готовилась рожать. Меня направили в НКВД, где я работала сначала в канцелярии Г.В.Чечерина, а потом, до отъезда на работу за границу в 1925 году, в отделе виз и дипкурьеров.

Мильграм вернулся из спецкомандировки в Германию в декабре 1920 года. Недолго проработал в НКВД, а затем ЦК направил его на работу в ВЧК. Весной 1921 года, уже как сотрудник ВЧК, он шел по льду на Кронштадт...»

После возвращения Исидора Мильграма в Москву наркомат иностранных дел обратился в учетно-распределительный отдел ЦК с просьбой направить его на работу в НКВД, «как знающего иностранные языки». 29 декабря 1920 года Мильграм становится сотрудником наркомата. Однако его работа в дипломатическом ведомстве продолжалась недолго. 8 марта 1921 года в ЦК партии поступило следующее письмо из ВЧК:

«Иностранный отдел ВЧК просит откомандировать в его распоряжение, как крайне необходимого работника, тов. Мильграма, если особых препятствий не имеется».

«Особых препятствий» не имелось. Через несколько дней И. В. Мильграм был направлен на работу во внешнюю разведку. В свои 25 лет он уже был опытным подпольщиком, приобрел навыки нелегальной работы. Он свободно владел немецким, голландским, французским, английским и польским языками, знал идиш и эсперанто. Но перед тем как заняться непосредственно разведывательной работой за границей Исидору Мильграму пришлось выполнять боевое задание в России. Он принимал участие в подавлении Кронштадтского мятежа.

Справка из «Большой Советской Энциклопедии»:

«Кронштадтский мятеж — контрреволюционное выступление гарнизона Кронштадта и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота в марте 1921 года, организованное эсерами, меньшевиками, анархистами и белогвардейцами при поддержке империалистических стран и их спецслужб. Явился одной из серьезных попыток контрреволюции применить новую тактику «взрыва изнутри» Советской власти.

Мятеж отражал политические колебания российских

мелкобуржуазных масс, усилившиеся в конце 1920 — начале 1921 года в связи с хозяйственной разрухой, голодом и другими бедствиями, вызванными Гражданской войной.

1 марта на митинге заговорщиков, состоявшемся на Якорной площади Кронштадта, была принята резолюция с требованиями свободы «левых социалистических партий», упразднения комиссаров, свободы торговли и перевыборов Советов. Руководители мятежа выдвинули лозунг «Советы без коммунистов», рассчитывая на переход власти к мелкобуржуазным партиям, что на деле означало бы свержение диктатуры пролетариата и создание условий для открытой белогвардейщины и реставрации капитализма.

Кронштадтский мятеж представлял большую опасность, так как в руках заговорщиков оказалась главная база Балтийского флота — ключ к Петрограду. В мятеже участвовало около 27 тысяч матросов и солдат. В их распоряжении было 2 линкора и другие боевые корабли, до 140 орудий береговой обороны, свыше 100 пулеметов.

ЦК РКП(б) и Советское правительство приняли экстренные меры для ликвидации мятежа. Постановлением Совета труда и обороны от 2 марта в Петрограде было введено осадное положение, а также восстановлена 7-я армия под командованием Тухачевского. Однако первое наступление на Кронштадт, предпринятое 8 марта, окончилось неудачей.

Проходивший в это время в Москве 10-й съезд партии направил в 7-ю армию около 300 делегатов. Губкомы мобилизовали сотни ответственных работников, чекистов.

В ночь на 17 марта советские войска перешли по льду в наступление на Кронштадт и утром ворвались в город. После ожесточенных боев к утру 18 марта мятежники были разгромлены».

Первым ответственным разведывательным заданием для И. В. Мильграма в Иностранном отделе ВЧК было участие в составе советской делегации, возглавляемой М. М. Литвиновым, в Гаагской конференции 1922 года.

Справка из «Большой Советской Энциклопедии»:

«Гаагская конференция — международная финансово-

экономическая конференция, которая проходила в Гааге (Нидерланды) с 15 июня по 19 июля 1922 года.

Основными делегатами капиталистических государств на Гаагской конференции были главным образом представители деловых кругов.

В ходе Гаагской конференции планировалось обсудить претензии капиталистических стран к Советскому государству, связанные с национализацией собственности иностранных капиталистов и анулированием долгов царского и Временного правительств, а также вопрос о кредитах Советской России.

Представители капиталистических стран, отвергнув все предложения советской делегации, направленные к международному сотрудничеству, отказались обсуждать на Гаагской конференции вопрос о кредитах; они настаивали на возвращении национализированного имущества его бывшим владельцам. Эти домогательства советская делегация решительно отклонила. Гаагская конференция не приняла по существу никаких решений».

И. В. Мильграм выехал в Нидерланды под фамилией Бильграмов. Интересно, что в хранящемся в Государственном архиве Нидерландов регистрационном журнале МИД страны за 1922 год в списке членов нашей делегации на конференции против фамилии Исидора Вольфовича имеется приписка, сделанная от руки 4 июля 1922 года, по всей видимости, представителем местных спецслужб: «Бильграмов = Мильграм? провел 8 месяцев в крепости Вирикерсханса». Как мы видим, нидерландские спецслужбы даром хлеб не ели. Однако И. В. Мильграм сумел успешно справиться с задачами, поставленными перед ним Москвой.

В 1923–1924 годах И. В. Мильграм находился на нелегальной работе в Германии. Его нелегальная деятельность получила высокую оценку Центра.

С декабря 1924 года И. В. Мильграм являлся помощником «легального» резидента в Греции. В стране находился под именем Оскара Миллера и под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР. Добился конкретных вербовочных результатов.

29 декабря 1925 года Исидор Вольфович был арестован сотрудниками Асфалии (так называлась в те годы греческая служба безопасности. — *Прим. авт.*) во время встречи с источником, выданным контрразведке провокатором — изменившим членом ЦК КПГ. На квартире И. В.

Мильграма в присутствии жены и малолетнего сына был произведен тщательный обыск.

Вот что писали в то время по этому поводу местные газеты:

«Эстия» от 30. 12. 1925.

«Начальник специальной группы полиции безопасности майор жандармерии г-н Гину начал следствие по делу арестованного коммунистического агента Оскара Миллера...

Арестованный имеет официальный русский паспорт. Однако он не будет освобожден. Поскольку Оскар Миллер не признал себя виновным, его будут судить...

Оскар Миллер по поручению своего Центра руководил деятельностью агентуры в Греции и, в частности, проник в Министерство иностранных дел, откуда получал копии важных международных документов...

Один из руководящих сотрудников Министерства иностранных дел также арестован и подвергается допросу».

«Скрип» от 30. 12. 1925.

«Вчера был арестован имевший русский паспорт Оскар Миллер, который обвиняется в шпионаже и коммунистической пропаганде.

В этой связи вчера в Политической канцелярии состоялось срочное совещание премьер-министра с начальником юридического отдела Первого армейского корпуса г-ном Буриди, начальником второго отдела Асфалии г-ном Гину и подполковником Янукакосом.

Совещание касалось вопроса об иностранной коммунистической пропаганде, которая определила центром своей деятельности Грецию».

«Эмброс» от 30. 12. 1925.

«В отношении начатого вчера преследования иностранных коммунистов, которые прибыли в страну в последнее время, стало известно, что арестованный Оскар Миллер считается одним из членов Центра коммунистической пропаганды на Балканах, перенесенного из Вены в Афины с тем, чтобы активизировать деятельность находящихся здесь различных агентов и агитаторов.

Аресты иностранных пропагандистов произошли и в Салониках».

«Эмброс» от 31. 12. 1925.

«Продолжаются допросы, проводимые начальником отдела Асфалии г-ном Гину по вопросу о коммунистической пропаганде. Сотрудники данного отдела ищут уже четырех армян — агентов большевизма, которые приехали в Грецию в последнее время.

Арестованный Оскар Миллер считается, как мы уже вчера писали, одним из главных деятелей широкомасштабной коммунистической пропаганды, которому удалось проникнуть даже в Министерство иностранных дел, из которого он хотел получать секретные документы.

Для достижения данной цели Оскар Миллер пытался вступить в контакт с различными лицами, в том числе с директором общего архива МИД г-ном Стефану, во время встречи с которым он и был арестован».

«Скрип» от 31. 12. 1925.

«Первый армейский корпус передал вчера второму отделу Асфалии документ, в котором указывается на необходимость ареста различных агентов коммунистической пропаганды. Однако, вплоть до вечера, несмотря на все старания сотрудников этого отдела, арестовать преследуемых агентов не удалось.

По имеющимся у нас компетентным сведениям не подтверждается появившееся в газетах сообщение об аресте по стране десятков агентов-коммунистов и об отправке их в Афины.

Также опровергается и сообщение, в соответствии с которым якобы были конфискованы компрометирующие документы у арестованного русского коммуниста Оскара Миллера...

Если в течение допросов выявятся компрометирующие данные, то в таком случае он будет осужден военным трибуналом.

Вторым отделом Асфалии арестован также и сотрудник Министерства иностранных дел г-н Стефану, также обвиняемый в коммунистической пропаганде. В ходе проведенных допросов компрометирующих его данных пока не выявлено».

Три месяца И. В. Мильграм провел в тюрьме, где подвергался интенсивным допросам. Затем состоялся его обмен на 2-го секретаря греческого посольства, арестованного в Москве. По сути это был первый обмен арестованного советского разведчика на его иностранного коллегу в только начинавшей отсчет времени истории советской внешней разведки. Поведение разведчика в заключение было признано Центром

«мужественным и исключительно достойным».

В апреле 1926 года по поручению Центра И. В. Мильграм сопровождал Л. Д. Троцкого и его жену, которые выезжали нелегально на лечение в Германию. Через десять лет это задание Москвы станет «неопровержимым фактом» близости Мильграма к Троцкому и к троцкизму, хотя сам «демон революции», говоря об этой поездке в своей книге «Моя жизнь», написал: «Дзержинский послал со мной своего человека».

В середине 1926 года И. В. Мильграм был назначен «легальным» резидентом ИНО ОГПУ в Шанхае (Китай). Работал там под прикрытием должности вице-консула, а затем — генерального консула и под фамилией Мирнер. Позже был переведен на работу в Пекин и по прикрытию стал заместителем начальника консульского отдела посольства.

Исидору Вольфовичу пришлось работать в Китае в исключительно сложное время. В результате начавшейся в середине 1925 года буржуазно-демократической революции, объединившей национальную буржуазию, мелкую городскую буржуазию, рабочих и крестьянство, была установлена революционная власть Национального правительства в трех провинциях на юге Китая. К концу 1926 года Национально-революционная армия (НРА) освободила еще четыре основные китайские провинции. В начале 1927 года восставшие шанхайские рабочие освободили Шанхай, в который затем вступили части НРА.

Однако напуганная размахом революционного движения рабочих и крестьян национальная китайская буржуазия предала революцию. Уже 12 апреля 1927 года при ее поддержке правое крыло гоминьдана, возглавляемое главнокомандующим НРА Чан Кайши, организовало в Шанхае и Нанкине контрреволюционные перевороты. Через два месяца контрреволюционный переворот произошел в Ухани. Компартия Китая была объявлена вне закона, профсоюзы и крестьянские союзы распущены. В стране начался разгул контрреволюции и сепаратизма, направленный на ее расчленение.

Информационное освещение политических событий в Китае крайне интересовало Москву. Политика советского руководства базировалась на стремлении сохранить Китай как единое целое и оказании помощи прогрессивным силам страны в урегулировании межнациональных отношений. Информация по данным вопросам являлась приоритетной в деятельности резидентур внешней разведки в Китае, которых к 1927 году насчитывалось семнадцать.

Одновременно советская внешняя разведка своими силами активно

противодействовала настойчивым попыткам спецслужб ряда государств, в первую очередь Японии, создать на территории Китая ряд марионеточных государств наподобие Маньчжоу-Го.

В 3-м томе «Очерков истории российской внешней разведки» по этому поводу, в частности, указывается:

«Резидентуры не только обеспечивали Центр информацией о намерениях Японии в военной, политической и экономической областях, но и предпринимали конкретные действия по нейтрализации и срыву попыток Токио дезинтегрировать Китай, который к середине 1930-х годов оказался разделенным на несколько частей.

Деятельность резидентур внешней разведки в Китае объективно содействовала усилиям патриотических кругов этой страны по созданию необходимых условий для объединения государства и достижения победы в борьбе за свою свободу и независимость».

Определенный вклад в решение общих задач по Китаю внесли и резидентуры, руководимые Исидором Вольфовичем Мильграмом.

Видный современный китаист Виктор Николаевич Усов в одной из своих последних работ отмечал, что Шанхай, в котором разведчик начинал свою работу в Китае, являлся в то время крупнейшим промышленным и пролетарским центром страны. Одновременно он был также узлом межимпериалистических противоречий и базой империалистического господства в Китае. Город состоял из просторной и благоустроенной территории Международного селтльмента и Французской концессии и тесного, скученного до предела китайского города. Среди иностранного населения Шанхая начала 1920-х годов самой большой и влиятельной была английская колония, затем шли французы, американцы, немцы. Замкнутой и тесно сплоченной колонией жили японцы. Такой Шанхай был крайне удобен для связей с внешним миром и для ведения там разведывательной работы.

Другой известный китаевед советского периода Сергей Алексеевич Далин, неоднократно посещавший Китай по заданиям Коминтерна в 1921–1927 годах, в своей книге «Китайские мемуары», изданной в 1982 году, рассказывает:

«В очередной раз я прибыл в Шанхай в конце августа 1926 года. Обстановка в городе была крайне напряженной. Английская секретная полиция в иностранной части Шанхая усилила слежку за советскими людьми, занималась провокациями, вела тщательное наблюдение за советским консульством. Начальником английской тайной полиции в Шанхае был некий Гивенс, изучивший русский язык. К его услугам были

многочисленные русские белогвардейцы, готовые пойти на любую антисоветскую акцию...

Жил я в Шанхае уже дней десять-пятнадцать и как-то днем возвращался домой. Я был уже недалеко от того места, где нужно было свернуть на улицу, на которой находилась моя квартира. Вдруг из стоящего у тротуара автомобиля выскочил человек, схватил меня за руку и втащил в машину. Сам он сел за руль, и мы помчались вперед.

Я сразу же его узнал. Это был сотрудник нашего консульства И.В.Мильграм. Насколько я мог понять, он занимался предотвращением антисоветских акций белогвардейцев против нашего консульства и немногочисленной группы советских граждан, проживавших в Шанхае. Мильграм сообщил мне, что только что Гивенс подписал ордер на мой арест. Поводом для этого послужила вышедшая в Москве незадолго до отъезда в Китай моя книга «В рядах китайской революции».

Оказывается не успел Гивенс подписать ордер, как об этом уже стало известно Мильграму. Он позвонил по телефону ко мне домой, узнал, что меня нет, и, предполагая, что я должен вернуться к обеду, решил перехватить меня на улице, ибо полиция могла в любой момент явиться на квартиру. Было очевидно, что полиции стало известно о моем пребывании в Шанхае от какого-то студента-гоминьдановца, желавшего поехать учиться в Университет имени Сунь Ятсена (С.А.Далин преподавал в те годы на восточном факультете университета. — Прим. авт.). Много таких студентов обращалось ко мне с просьбами направить их для этой цели в Москву.

И.В.Мильграм отвез меня в какой-то дом, провел в мансарду, рекомендовал не выходить оттуда. До этого случая я его, по существу, не знал. Как-то в консульстве нас познакомили, но больше мы не встречались. Не знал, кто он, когда приехал в Шанхай. И даже теперь не задавал ему таких вопросов.

Лишь спустя шесть лет я встретил его в Москве в Институте красной профессуры, мирового хозяйства и мировой политики...

Более десяти дней прятал меня И.В.Мильграм в получердачном помещении, заботился о моем пропитании, а затем, как говорится, в один прекрасный день явился ко мне, отвез на своей машине на шанхайскую пристань и посадил на пароход, отплывавший в Кантон.

Чувство благодарности к И.В.Мильграму сохранилось у меня на всю жизнь. До сих пор стоит перед глазами образ этого мужественного и отважного человека».

Через некоторое время после описанных выше событий И. В. Мильграм был переведен на работу в Пекин.

В ночь на 6 апреля 1927 года группа китайских солдат и полицейских при содействии полицейской охраны посольских кварталов и с ведома послов ведущих западных стран учинила погром в советском посольстве в Пекине. Резидент Мильграм проявил исключительные стойкость и мужество. Благодаря его усилиям удалось освободить арестованных белокуитайцами в жилом комплексе посольства советских граждан и отправить их на Родину. Вместе с ними в июле 1927 года в Москву возвратился и Мильграм.

В 1928 году Исидор Вольфович был направлен для выполнения специальных заданий в Постоянное представительство ОГПУ в Минске. На XII съезде Коммунистической партии Белоруссии он был избран членом Центральной контрольной комиссии. Из Минска И. В. Мильграм вновь выехал на нелегальную работу в Германию, где находился более девяти месяцев, главным образом — в Дрездене.

В 1930–1934 годах И. В. Мильграм являлся слушателем Института красной профессуры. Одновременно преподавал специальные дисциплины в Высшей школе ОГПУ.

В сентябре 1934 года перешел на работу в Академию наук СССР, став ученым секретарем Института экономики.

Исидор Вольфович Мильграм был этакой человеческой глыбой. Он не только выделялся физически (рост под два метра, необычная физическая сила), но и обладал довольно резким характером, абсолютной бескомпромиссностью. Безусловно Мильграм имел не только друзей, но и недругов, которые не преминули воспользоваться ситуацией 1937 года.

В начале 1937 года в компетентные органы поступило подметное письмо с обвинениями видного разведчика в антисоветской деятельности и превращенности троцкизму. Что же произошло дальше? На основании имеющихся в нашем распоряжении копий документов того периода предлагаем читателям проследить за тем, как раскручивался маховик репрессий.

В феврале 1937 года Киевский райком ВКП(б) города Москвы исключил Мильграма из рядов партии «за сокрытие своей прошлой троцкистской деятельности».

31 марта Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) по Московской области подтвердила решение Киевского райкома партии. В выписке из протокола ее заседания отмечалось:

«...»

На Партколлегии установлено, что Мильграм на чистках и

при обмене партдокументов скрыл свою троцкистскую деятельность, хранил у себя на квартире контрреволюционную книгу Троцкого «Моя жизнь», читал ее в 1933 году группе лиц, присутствовавших у него на вечеринке, а также давал читать ее своему соседу по квартире некому Киселеву.

До последнего времени хранил у себя фотокарточку, на которой он снят вместе с Троцким (вспомним поездку Мильграма в Германию вместе с Троцким. — Прим. авт.).

Партколлегия подтверждает решение Киевского райкома ВКП(б) об исключении Мильграма из рядов партии, как не оправдавшего ее доверия и за неискренность».

7 мая 1937 года выписка из протокола заседания Партколлегии направляется в ЦК ВКП(б), а 12 мая следует арест И. В. Мильграма. Начинается нескончаемая череда допросов.

В документе Военной коллегии Верховного суда СССР от 21 июня 1938 года подчеркивается:

«На предварительном следствии Мильграм Исидор Вольфович категорически отрицал свою виновность в проведении какой бы то ни было антисоветской деятельности и не дал ложных показаний, которые могли бы использоваться для клеветнического обвинения других лиц».

Предварительное следствие близилось к завершению. В конце февраля 1938 года начальник 8 отдела ГУГБ НКВД СССР старший майор государственной безопасности Цесарский направляет «наверх» на утверждение список бывших сотрудников НКВД, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР по 1-й категории (расстрел — Прим. авт.): Балашов Николай Дмитриевич, Богданович Петр Андреевич, Мильграм Исидор Вольфович и Партин Шолом Моисеевич. 5 марта на списке появляется, сделанная рукой Сталина, виза «за» и подписи: И. Сталин, В. Молотов, К. Ворошилов, А. Жданов.

10 марта 1938 года состоялось заседание «тройки» в составе наркома НКВД СССР, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, которая на основании материалов предварительного следствия приговорила И. В. Мильграма к высшей мере наказания — расстрелу. Ему было предъявлено обвинение в троцкистской деятельности, «направленной на ведение борьбы против руководства Компартии Германии, Коминтерна и ВКП(б)». И. В. Мильграм обвинялся также в шпионаже в пользу Германии.

В тот же день председатель Военной коллегии Верховного суда СССР

армвоенюрист В. Ульрих собственноручно написал и направил коменданту НКВД служебную записку, в которой потребовал «немедленно привести в исполнение приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР в отношении осужденных к расстрелу» девятнадцати человек. Семнадцатым в списке числился И. В. Мильграм. Вечером того же дня на документе появилась справка коменданта НКВД, свидетельствующая, что приговоры в отношении указанных в списке осужденных «приведены в исполнение в г. Москве 10. 3. 1938 года».

7 апреля 1956 года Исидор Вольфович Мильграм был посмертно реабилитирован. В определении Военной коллегии Верховного суда СССР, в частности, говорилось:

«Проведенным дополнительным расследованием военной прокуратурой установлено, что Мильграм был осужден необоснованно, так как объективных доказательств, подтверждающих его вину, в материалах дела нет.

В партийных архивах никаких данных об антипартийном поведении Мильграма нет.

Органы государственной безопасности материалами о принадлежности Мильграма к агентуре иностранных разведок не располагают.

Лица, знавшие Мильграма, характеризуют его как честного и принципиального коммуниста.

Проверив материалы дела и материалы дополнительного расследования и усматривая, что Мильграм осужден необоснованно, Военная коллегия Верховного суда СССР определила:

Постановление НКВД СССР, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 марта 1928 года в отношении Мильграма Исидора Вольфовича отменить и дело о нем в уголовном порядке производством прекратить за отсутствием состава преступления».

А 22 сентября 1956 года Бюро Московского городского комитета КПСС приняло постановление «считать Мильграма И. В. в партийном порядке полностью реабилитированным».

Так сложилась судьба бескомпромиссного чекиста, одного из видных представителей первого поколения советских разведчиков, прошедшего за свою жизнь через три ареста и проявившего себя в этих критических

ситуациях мужественно и достойно.

Имя Исидора Вольфовича Мильграма занесено в Книгу памяти Кабинета истории СВР России, а его разведывательная деятельность отражена на стендах экспозиции.

Специалист по добыванию шифров

Шла весна 1921 года. Подходила к концу Гражданская война на Северном Кавказе и в Крыму. Василий Пудин был в то время помощником коменданта Реввоен трибунала 9-й армии и войск Донской области. После разгрома Врангеля 9-я армия была расформирована. Председателю Реввоен трибунала Голякову и Пудину было поручено доставить архивы трибунала в Реввоенсовет Республики.

В Москву они прибыли в апреле 1921 года в отдельном вагоне под усиленной охраной. Эта поездка оказалась для молодого Пудина судьбоносной. Сдав архивные материалы, он получил краткосрочный отпуск и уехал в родную деревню Клусово. После отпуска Василий был вызван в Московский городской комитет партии, где ему предложили пойти на работу в Московскую ЧК.

Василий Иванович Пудин родился 9 февраля 1901 года в деревне Клусово Ольговской волости Дмитровского уезда Московской губернии в крестьянской семье. В 1913 году окончил 3-классную сельскую школу. Трудовую деятельность начал в 15 лет батраком. В 1916–1918 годах работал ломовым извозчиком в Дмитрове и в Москве, затем чернорабочим в московском авиапарке. В 1919 году вступил добровольцем в Красную Армию, став участником Гражданской войны. Воевал на Кавказском фронте.

В 1921 году Московский горком партии направил Василия Пудина на работу в Московскую ЧК.

Из воспоминаний Василия Ивановича Пудина:

«В то время партийные органы (а я вступил в члены РКП(б) в январе 1921 года) сами решали, на каком участке тот или иной коммунист может принести больше пользы Родине. Так я начал работать уполномоченным в Политическом бюро МЧК, которое разрабатывало контрреволюционные политические организации. В середине 1922 года меня перевели в контрразведывательный отдел ГПУ. Начальником КРО в то время являлся Артур Христианович Артузов.

Я стал работать в 6-ом отделении КРО и с группой товарищей занимался разработкой савинковской организацией «Союз защиты родины и свободы». Нам удалось внедриться в эту контрреволюционную организацию и заманить Савинкова на советскую территорию. В августе 1924 года он был арестован и предстал перед советским судом».

Участвуя в оперативных мероприятиях контрразведывательного отдела, Василий Пудин проявлял незаурядные храбрость и находчивость. Так, вместе со своим другом, известным впоследствии чекистом-разведчиком Григорием Сыроежкиным, он участвовал в задержании прибывшего нелегально в Москву эмиссара Б. Савинкова полковника С. Э. Павловского (операция «Синдикат-2»), выступая в роли «боевика» легендированной чекистами подпольной организации «Либеральные демократы». Задержание происходило во время обеда. Василий, обладавший недюжинной физической силой, так «дружески обнял» Павловского, что тот не смог воспользоваться находившимися при нем оружием и гранатами.

В конце 1923 году Артур Христианович Артузов, являвшийся тогда руководителем контрразведывательного отдела ОГПУ, пригласил к себе в кабинет молодого чекиста. Он уже знал Василия Пудина как честного и смелого человека, обладавшего необыкновенно цепкой памятью, и поставил перед ним новое, уже разведывательное, задание. На этот раз ему предстояло под видом купца Василия Ивановича Шилова направиться в Харбин для работы против белогвардейцев и их японских покровителей.

Наша справка.

После поражения царской России в 1906 году в войне с Японией, японцы почувствовали себя хозяевами положения в Китае. В 1911 году на территории трех китайских северо-восточных провинций они создали марионеточное правительство генерала Чжан Цзолиня. Благодаря активной поддержке японцев этот бывший главарь хунхузской банды, воевавший на стороне Японии во время русско-японской войны, стал фактически неограниченным диктатором Маньчжурии. Он совсем не считался с центральным правительством Китая, и японцы делали в его провинциях, что хотели. В Мукдене, Чанчуне, Харбине, Хайларе они создали свои резидентуры и развернули работу по Китаю, а позже — против Дальневосточной республики и Советского Союза. Прикрытием для японцев служили миссии, расположенные во всех крупных городах этого района, консульства, различные «исследовательские бюро», торговые фирмы и отдельные предприятия (вплоть до парикмахерских). Разведывательная сеть японцев в основном была укомплектована

опытными офицерами русского отдела генштаба Японии. В агентурной сети широко использовались русские белоэмигранты, бежавшие от советской власти колчаковцы и семеновцы.

В конце 20-х годов японцы сочли, что Чжан Цзолинь выходит из-под их контроля и переориентируется на США. Тогда в июне 1928 года марионетку убрали: вагон поезда, в котором ехал генерал, был взорван сотрудниками японских спецслужб (впоследствии на Токийском процессе японцы признали свое участие в устранении Чжан Цзолиня). На место ликвидированного «царька» посадили его сына Чжан Сюэляна, который был преданным японцам человеком, поскольку с детских лет жил в Японии, окончил там военную школу.

Такова была в общих чертах обстановка, в которой советской разведке и контрразведке пришлось развернуть работу по вскрытию и пресечению планов и действий Японии, направленных против Советского Союза и на установление своего господства в Восточной Азии.

Харбин в те годы состоял из нескольких обособленных по национальному составу и в то же время тесно связанных между собой городских районов. Европейцы и русские, японцы и китайцы держались в нем особняком. Василию Пудину удалось установить в этом городе обширные связи в среде белогвардейцев, приобрести ценную агентуру. Однако проникнуть с ее помощью в секреты японцев было непросто в силу того, что среди японских чиновников и военных были сильны предубеждения в отношении всех европейцев и в первую очередь — против русских.

И все-таки В. Пудин сумел подобрать к ним ключи. В процессе работы он установил, что высокопоставленные японские чиновники и военные, несмотря на занимаемое ими служебное положение, материально менее обеспечены, нежели их европейские коллеги, и многие из них ищут дополнительные источники дохода. Кроме того, японцы считали, что их язык настолько сложен, что, даже обладая шифрами, ни китайцы, ни европейцы, ни русские не смогут серьезно навредить Японии, так как просто не поймут тексты шифрпереписки. Поэтому некоторые японские дипломаты и шифровальщики готовы были продать известные им шифры. Через завербованную агентуру Пудину удалось получить такие шифры.

Приобретенные Пудиным шифры позволили резидентуре расшифровать имевшуюся в ее распоряжении секретную переписку МИД

Японии, военного министерства, торговой миссии и других японских учреждений. Дело в том, что японцы в тот период чувствовали себя настолько хозяевами положения во многих районах Китая, особенно там, где сидело марионеточное правительство, что для связи между миссиями и с Токио не пользовались курьерской службой. Вся их секретная переписка направлялась в зашифрованном виде обычной почтой. Советские разведчики сумели организовать перехват служебной корреспонденции японских учреждений в Китае. А при наличии шифров, полученных Пудиным, ее содержание уже не представляло каких-либо секретов для резидентуры.

Кроме того резидентура ИНО в Харбине длительное время осуществляла секретные выемки документальных материалов непосредственно из японских миссий.

Вместе с Пудиным в харбинской резидентуре, руководимой в те годы Федором Кариным, действовали такие знаменитые в будущем разведчики, как Шпигельглас и Зарубин. Они принимал самое активное участие в вербовке агентуры, которая в течение многих лет давала весьма ценную информацию и документальные материалы. Так, резидентуре удалось привлечь к сотрудничеству русского эмигранта Ивана Трофимовича Иванова-Перекреста. Он имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, служивших в японских учреждениях. Как вспоминал впоследствии известный советский разведчик генерал-майор В. Зарубин, являвшийся в то время заместителем резидента Ф. Карина, «Перекрест был агентом-групповодом и самостоятельно занимался вербовкой агентуры. Он добывал также весьма ценную информацию о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии».

В 1927 году через Перекреста В. И. Пудину удалось добыть исключительно важный японский документ — «меморандум Танаки». Как отмечается в «Очерках истории российской внешней разведки», «получение «меморандума Танаки» явилось крупнейшим достижением в работе советской внешней разведки против милитаристских устремлений Японии в период 1920-х — начала 1930-х годов».

Несколько позже резидентуре удалось также получить докладную записку генерала Касахары.

Наша справка.

Пришедший к власти в 1927 году премьер-министр Японии генерал Танака являлся активным сторонником последовательной подготовки страны к войне с Советским Союзом. Его позиция по данному вопросу была сформулирована 25 июля того же года в меморандуме, представленном императору Японии и правительству страны.

В «Очерках истории российской внешней разведки», посвященных тому периоду, подчеркивается, что «в документе впервые открывались истинные планы Японии по завоеванию мира. Обозначались этапы осуществления этой задачи: сначала подчинение Маньчжурии и Монголии, затем Китая. После овладения ресурсами Китая Япония должна была перейти к завоеванию Индии, стран бассейна Тихого океана, Малой и Центральной Азии и, наконец, Европы. Одновременно в качестве «программы национального развития Японии» в меморандуме выдвигалась «необходимость вновь скрестить мечи с Россией».

Премьер-министр и министр иностранных дел Японии генерал Танака, в частности, писал:

«Японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и его отношения с иностранными государствами, должна быть проведена нами как можно скорее. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР.

Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение до озера Байкал. Что касается дальнейшего наступления на запад, то это должно быть решено в зависимости от дальнейшей обстановки, которая сложится к тому времени. Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав владений империи.

Япония не сможет устранить свои затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа». Поэтому мы должны установить контроль над Китаем и сокрушить Соединенные Штаты Америки. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны южных морей станут нас бояться и капитулируют перед нами. Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы.

Япония должна завоевать мир, а для этого она должна завоевать Европу и Азию, и в первую очередь — Китай и СССР».

Руководство советской внешней разведки приняло решение опубликовать «меморандум Танаки» через свои возможности в американской печати». Его публикация вызвала грандиозный международный скандал. Япония выступила с опровержениями, однако ей

никто не поверил. После разгрома милитаристской Японии в 1945 году «меморандум Танаки» фигурировал в качестве официального документа на Токийском трибунале, осудившем японских военных преступников.

В 1928 году резидентурой была также получена докладная записка военного атташе Японии в Москве генерала Касахары, представленная им в генеральный штаб, в которой обосновывалась необходимость начала военных действий против СССР. Будучи ярким врагом Советского Союза, но далеко не глупым человеком, Касахара подчеркивал в своей докладной записке, что «воевать с СССР нужно сейчас, или не воевать никогда впоследствии». Позиция генерала была должным образом оценена японским военным руководством: после возвращения из Советского Союза он был назначен на должность начальника 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления генерального штаба японской армии.

На процессе японских военных преступников в Токио в 1946–1948 годах генерал Касахара выступал, благодаря покровительству американцев, не как обвиняемый, а как свидетель. На вопросы трибунала он отвечал уклончиво до тех пор, пока ему не были предъявлены фотокопии его докладной записки. Только после этого он полностью признал не только подлинность документа, но и свое авторство.

За время работы в Китае и других странах Василий Иванович через агентуру и лично путем негласных выемок добыл сотни секретных документов, в том числе около 20 японских и китайских шифров.

В 1930–1931 годах В. Пудин учился на общеобразовательных курсах при ОГПУ. В 1932 году по линии внешней разведки был направлен в Монголию в составе группы советников.

С самых первых дней пребывания советских советников в Монголии они активно участвовали в борьбе против вражеской агентуры, а также внешних и внутренних врагов этой страны. Японский милитаризм являлся в тот период особо опасным врагом для Монголии. Не имея возможности действовать открыто путем вооруженной интервенции, Япония взяла курс на овладение монгольским государством и его ресурсами изнутри, опираясь на феодалов, на ламские монастыри, организуя контрреволюционные заговоры.

Находясь в Монголии, В. Пудин принимал непосредственное участие в разгроме инспирированного японцами ламского мятежа. В 1934 году он вернулся в СССР.

После непродолжительной работы в центральном аппарате разведки в 1936 году В. Пудин направляется в качестве заместителя резидента НКВД в

Болгарию. Используя накопленный ранее опыт оперативной работы по японцам, он завербовал крупного японского дипломата, от которого за вознаграждение получил шифры МИД Японии, которые это внешнеполитическое ведомство применяло в те годы в Европе. Это позволило в первые годы Второй мировой войны читать зашифрованную переписку между Токио и Берлином и быть в курсе их планов в отношении СССР.

В 1938–1941 годах — заместитель, затем начальник отделения центрального аппарата внешней разведки. Окончил Вечерний институт марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б).

Таким образом, уже в 1920-е — 1930-е годы В. И. Пудин зарекомендовал себя блестящим разведчиком, специалистом по добыванию шифров и получению особо важной информации, которая способствовала выработке молодым советским государством своей политики в восточноазиатском регионе.

Великая Отечественная война, в которой Пудин участвовал с первых дней, выявила не только высокие оперативные качества разведчика, но и его личное, человеческое мужество.

3 июля 1941 года из Москвы в Могилев была направлена оперативная разведывательно-диверсионная группа из шести чекистов во главе с капитаном Василием Пудиным. Перед группой была поставлена задача: подготовиться к переходу на нелегальное положение в случае захвата города немцами. Ехали на грузовике, оборудованном небольшой радиостанцией с автономным питанием от аккумулятора машины. Только добрались до Могилева — положение дел на фронте значительно осложнилось. Гитлеровские войска обошли город с севера и с юга, захватили Смоленск, подошли к Ельне, угрожали Вязьме. Советские войска, оборонявшие Могилев, оказались в окружении. Сложная обстановка вынудила группу Пудина принять участие в обороне города.

... Окруженный город горел. Четырнадцатый день на кварталы Могилева сыпались градом вражеские мины и снаряды. Все способные носить оружие находились на оборонительных сооружениях, расположенных на окраинах города. Атаки гитлеровской пехоты сменялись танковыми атаками, а за ними снова и снова на защитников города ползли вражеские цепи.

К этому времени осажденный город лишился связи с Большой землей. В распоряжении обороняющихся была только маленькая портативная радиостанция оперативной группы Пудина, которая прибыла в город за два дня до его окружения. Шестеро чекистов, посланных в Могилев на задание,

сражались в числе его защитников. Четырнадцать дней их маленькая радиостанция информировала Москву о трагедии, которая разыгралась у стен города. А когда сопротивление потеряло стратегический смысл, защитники Могилева пошли на прорыв, чтобы пробиться к лесу и начать оттуда партизанскую войну. Это было в ночь с 26 на 27 июля 1941 года. Группа Пудина находилась в рядах, штурмующих вражеское кольцо.

У деревни Тишовка Василий Иванович был ранен, ему оторвало левую стопу. Очнувшись утром, он пополз в направлении к деревне. Местная жительница Шура Ананьева спрятала его в сарае. Пять дней Шура и ее мать ухаживали за раненым. На шестой день, когда у разведчика началась гангрена, Шура на добытой ею лошади отправила его в могилевскую больницу. В одном из коридоров переполненной больницы Пудин пролежал долгих пять месяцев под видом шофера Попова Василия Ивановича (такой была его легенда).

Гитлеровцы не оставляли в покое раненого, проводили допросы (часто по ночам, особенно когда у него была повышенная температура), пытались выяснить его настоящее имя. И только к концу пятого месяца Пудину удалось убедить гитлеровцев в истинности своей легенды-биографии.

В конце декабря, когда здоровье позволило Пудину самостоятельно ходить на костылях, его выписали из больницы и разрешили жить под надзором полиции в деревне Краснополье, что недалеко от Могилева.

В Краснополье Василия Ивановича приютил бывший учитель Михаил Волчков. Пудин начал сапожничать. Одновременно он приглядывался к окружающим его людям, изучал обстановку. Шаг за шагом создавал разведчик подпольную боевую группу. На его пути попадались и открытые враги, и провокаторы, и просто трусы и шкурники. От рук предателя погиб первый боец его группы — учитель Михаил Волчков, где-то далеко в немецкой неволе томилась его спасительница Шура Ананьева, угнанная в Германию. Однако постепенно вокруг Пудина стали появляться боевые помощники. Начались активные действия: рвались заложенные ими мины, горели вражеские машины, уничтожались немецкие солдаты и офицеры.

В августе 1942 года Пудину удалось установить связь с партизанским отрядом Османа Касаева. К этому времени в его разведывательно-диверсионной группе насчитывалось уже 22 человека. В нее входили две девушки, работавшие у немцев переводчицами, железнодорожные рабочие, служащие комендатуры. Затем была установлена связь с десантной группой с Большой земли, располагавшей рацией. Ценные сведения, собранные группой Пудина, передавались в Москву.

Вскоре к Пудину прибыл связник из Центра. С этого времени

деятельность его группы значительно активизировалась. Сам Пудин перебрался в партизанский отряд, откуда и руководил своими бойцами. Взаимодействуя с партизанскими отрядами, действовавшими в Могилевской области, группа Пудина наносила ощутимые удары по коммуникациям врага, наводила советскую авиацию на его важные объекты. За сбор ценной информации о противнике В. И. Пудин был награжден орденом Ленина.

Однако здоровье Василия Ивановича ухудшалось, нога продолжала гнить. 17 июля 1943 года разведчик вылетел на Большую землю, где ему сделали сложную операцию.

Около года В. И. Пудин лечился в госпитале. Затем находился на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки. После окончания Великой Отечественной войны работал заместителем начальника одного из ее управлений. Неоднократно выезжал за границу для выполнения специальных заданий. Являлся инспектором МГБ СССР при министерстве госбезопасности Народной Республики Болгарии.

В 1952 году по состоянию здоровья вышел в отставку. Написал несколько книг о деятельности советских разведчиков.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности, проявленные при этом мужество и героизм полковник Пудин был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный чекист».

Василий Иванович ушел из жизни в 1974 году. Его прах покоится в колумбарии на Новодевичьем кладбище в Москве.

Нелегал Ахмеров

В сентябре 1939 года на стол наркома НКВД Л. Берии лег рапорт разведчика-нелегала Юнга из Вашингтона. В ответ на указание всесильного наркома законсервировать возглавляемую им резидентуру и всем составом ее оперработников отбыть в Москву, резидент нелегальной разведки просил разрешения... на вступление в брак со связником резидентуры, американкой Хелен Лоури. Случай по тем, да и по нынешним временам редкий. Л. Берия пришел в ярость. Он вызвал начальника внешней разведки П. Фитина и устроил ему разнос, заявив, что «в нелегальную резидентуру НКВД в США пробрались американские шпионы». Нарком приказал «разобраться» с молодым разведчиком. Однако, к счастью, судьба оказалась благосклонной к Юнгу: он не только не погиб в подвалах Лубянки, но возвратился в США и в годы военного лихолетья снабжал советское руководство важнейшей стратегической информацией.

Юнг, он же Исхак Абдулович Ахмеров, родился 7 апреля 1901 года в городе Троицке Челябинской области в бедной татарской семье. Его отец умер, когда будущему выдающемуся разведчику было всего несколько месяцев от роду. Мать мальчика переехала к своему отцу — кустарю-скорняку — в Царевококшайский уезд Казанской губернии, поскольку после смерти кормильца семья осталась без средств к существованию. Однако ей так и не удалось выбиться из бедности: у деда Исхака было и без того много едоков, и все они перебивались, как говорится, с хлеба на квас, да и того вдоволь не хватало. Дед потихоньку обучал мальчика своему ремеслу, которое ему пригодилось в будущем.

С малых лет Исхак познал нужду. Его дед умер, когда мальчику было всего двенадцать лет. Подростку пришлось пойти в батраки к местным богатеям. За пять лет самостоятельной жизни он сменил много профессий: был мальчиком на побегушках в галантерейной лавке, работал подмастерьем, курьером, шлифовальщиком в типографии. Позднее стал учеником электромонтера, затем хлебопеком. Но булочная закрылась, и Исхак вновь отправился в батраки. Когда в России произошла февральская революция, шестнадцатилетний Исхак «выбился в люди» — он был принят приказчиком в мануфактурный магазин.

Октябрьскую революцию, принесшую татарскому народу освобождение от социального и национального гнета, Исхак встретил с воодушевлением. Ему, как и многим его сверстникам, казалось, что скоро

наступит новая, лучшая жизнь. Однако в стране началась Гражданская война. Магазин, где служил Исхак, закрылся из-за отсутствия товаров, и он по путевке Казанского Совета был направлен в Москву на курсы счетоводов. Там, по крайней мере, платили небольшую стипендию и выдавали скромный паек.

В 1918 году после окончания курсов Исхак был рекомендован на работу в Наркомпрод Татарской Республики. Здесь молодой специалист из национальных кадров положительно зарекомендовал себя.

В 1919 году И. Ахмеров был принят в партию. В 1920 году его избрали депутатом Казанского городского совета. В 1920–1921 годах он работал начальником губернского управления снабжения армии, затем — начальником управления снабжения Наркомпроса Татарской Республики.

После окончания Гражданской войны в России И. Ахмеров выразил желание получить высшее образование. Его просьба была удовлетворена: страна остро нуждалась в грамотных специалистах, а незаурядные способности татарского юноши были очевидны. В 1921 году И. Ахмерова направили на учебу в Коммунистический университет народов Востока, где он стал изучать турецкий язык. Это был своего рода подготовительный факультет, где молодежь с разным уровнем знаний получала среднее образование, а в дальнейшем — и высшее. Двадцатилетний Исхак сразу же проявил большие способности в изучении иностранных языков. Уже через год он был переведен на факультет международных отношений в 1-й государственный университет (ныне МГУ).

Помимо общеобразовательных дисциплин, в университете И. Ахмеров упорно изучал турецкий, французский и английский языки. После окончания университета в 1923–1925 годах работал заместителем директора Московского педагогического техникума имени Профинтерна. В те годы это было для выпускников вузов своеобразной «производственной практикой», в ходе которой представители новой интеллигенции осваивали конкретные участки работы и получали необходимые практические навыки.

После двух лет работы на педагогическом поприще И. Ахмеров был направлен на работу в Народный комиссариат иностранных дел. В 1925 году молодого дипломированного специалиста командировали в город Термез, в полпредство СССР в Бухарской Советской Социалистической Республике. В Термезе он занимает первую дипломатическую должность — работает в качестве дипломатического агента. Однако вскоре эта республика была ликвидирована, ее территория вошла в состав трех вновь образованных советских азиатских республик (Узбекистана, Туркмении и

Таджикистана). Молодой дипломат переводится на работу в Турцию в качестве секретаря генконсульства СССР в Стамбуле. В 1928 году И. Ахмеров получает повышение по службе: он назначается временно исполняющим обязанности генерального консула СССР в Трапезунде и работает на этом посту до середины 1929 года.

Именно к этому периоду относится начало сотрудничества Ахмерова с советской внешней разведкой. Находясь в Турции, он не только усовершенствовал знания иностранных языков, но и получил навыки общения с иностранцами, познакомился с основами вербовочной работы. За период работы в Турции он сумел завести обширные связи в иностранной колонии и приобрел в ней ряд ценных источников политической информации.

В то время Стамбул и близлежащие Балканские государства представляли большой интерес для советской внешней разведки. После поражения белогвардейцев в Гражданской войне армия генерала Врангеля была эвакуирована из Крыма в район Стамбула и размещена в лагерях беженцев на Галлиполийском полуострове. Часть белой эмиграции осела в Турции, однако подавляющее большинство бывших офицеров и рядовых Добровольческой армии переселилось в Болгарию, Сербию, Грецию и другие европейские страны.

В сентябре 1924 года русская военная эмиграция объединилась в Русский общевоинский союз (РОВС), насчитывавший в своих рядах до 20 тысяч активных членов. Руководитель РОВС барон Врангель стремился сохранить костяк Добровольческой армии за рубежом для организации интервенции в Советскую Россию. Поэтому Центр крайне нуждался в получении достоверной информации о планах и замыслах контрреволюции. Именно на решение этой задачи были обращены усилия И. Ахмерова и других разведчиков в Турции. Однако в ту пору он еще не числился в кадрах Иностранного отдела ОГПУ, чьи задания выполнял.

По возвращении в Москву И. Ахмеров был назначен на должность референта наркомата иностранных дел. Руководство органов государственной безопасности внимательно присматривалось к молодому дипломату и пришло к выводу о том, что он подходит для работы в ОГПУ.

В марте 1930 года И. Ахмеров зачисляется на работу в контрразведывательное подразделение ОГПУ в качестве оперативного сотрудника и вскоре направляется в Бухару, где активно участвует в борьбе с басмачеством. Ахмеров успешно справляется с поставленными задачами, и руководство ОГПУ принимает решение о переводе его на работу в Иностранный отдел (внешнюю разведку).

Поскольку в то время в ОГПУ еще не было специального учебного заведения для подготовки будущих разведчиков, в 1931 году, по возвращении из Бухары, Ахмеров был направлен на учебу в Институт красной профессуры. На факультете мирового хозяйства и мировой политики он совершенствует знания, необходимые для работы за границей. В 1932 году Ахмеров зачисляется в штат Иностранного отдела ОГПУ, где знакомится с работой внешней разведки и задачами, решаемыми ее заграничными аппаратами.

В январе 1933 года молодой разведчик был приглашен в кабинет начальника ИНО ОГПУ А. Х. Артузова. В начале беседы Артур Христианович сразу же подчеркнул, что перед Ахмеровым ставится новая, исключительно важная задача. Легендарный начальник разведки отметил, что, помимо угрозы с Запада со стороны белогвардейской эмиграции и их покровителей, на Востоке страны вырисовывается дополнительный очаг напряженности. Дело в том, пояснил он, что Япония недавно захватила китайскую провинцию Маньчжурию и создала там марионеточное правительство. Японцы упорно работают над тем, чтобы превратить Маньчжоу-го в плацдарм для агрессии против СССР и Китая. Оперативная обстановка в этом регионе чрезвычайно осложнилась. Белогвардейская эмиграция, окопавшаяся в Маньчжурии, открыто перешла на службу Японии и вынашивает планы агрессии против СССР вместе с японской императорской армией.

— Мы решили направить вас в Китай в качестве нашего нелегального работника, — сказал в заключение Артур Христианович. — Вам предстоит выехать в Пекин под видом турецкого студента-востоковеда, легализоваться там и заняться приобретением источников, которые могли бы информировать нас о положении вещей в этом районе и планах белогвардейцев и японцев.

Предложение руководства разведки было несколько неожиданным для Ахмерова: до сих пор ему никогда не доводилось не только работать в Китае, но даже посещать его. Да и с нелегальной разведкой он прежде не был связан. Однако молодой разведчик, не задумываясь, ответил:

— Получить такое задание считаю честью для себя. Благодарю за доверие и постараюсь его оправдать. Вот только не знаю, сумею ли справиться, но обещаю сделать все от меня зависящее.

Началась кропотливая подготовка разведчика в Центре к роли турецкого студента-востоковеда. Для Ахмерова был приобретен настоящий турецкий паспорт, тщательно отработана легенда-биография. В Китай он должен был ехать через Европу, где «турецко-подданному» предстояло

получить китайскую визу, а затем на пароходе следовать до одного из китайских портов. Конечный пункт назначения — Пекин.

Через некоторое время Юнг (таким стал оперативный псевдоним разведчика-нелегала) оказался в Риме, где обратился в туристическое агентство для организации поездки в Китай. В агентстве выяснилось, что большинство европейцев направляется в Китай через Советский Союз, поскольку это быстрее, безопаснее и дешевле.

В китайском посольстве в Риме Юнг беспрепятственно получил китайскую въездную визу. Одновременно в посольстве его предупредили, что для поездки в Пекин требуется и советская транзитная виза. Это тоже не составило большого труда. Однако после выхода из советского полпредства в Риме Юнг заметил за собой слежку. Поскольку все делалось официально и никаких предосудительных поступков он не совершил, разведчик не стал предпринимать попыток ухода от наблюдения.

Тем не менее, через несколько часов Юнг был задержан итальянскими карабинерами и доставлен в экзекватуру полиции. На недоуменный вопрос разведчика о причинах задержания, полицейский ответил, что, согласно имеющимся у него инструкциям, все посетители советского дипломатического представительства подвергаются обязательной проверке. Убедившись, что причиной визита в полпредство было получение советской транзитной визы, шеф полицейского участка сказал, что претензий к «турецкому студенту» нет. Вместе с тем полицейский отметил, что иностранцу необходимо получить в экзекватуре разрешение на пребывание в Италии и за установленную сумму тут же выписал ему итальянский документ. Так у разведчика-нелегала появилось выданное на законном основании настоящее итальянское удостоверение личности. В дальнейшем этот документ пригодился ему при легализации в Пекине.

Возвратившись в Москву, Юнг подробно доложил своему руководству о небольших происшествиях, случившихся с ним в поездке по Европе. Эти сведения были весьма полезными для нелегальной разведки, особенно для того ее подразделения, которое занималось направлением разведчиков в Китай, Корею и Японию.

Другое испытание ожидало Юнга на советско-китайской границе. На пограничной железнодорожной станции Маньчжурия в вагон зашли японские пограничники. Один из них, ознакомившись с паспортом разведчика, забрал его с собой. Через некоторое время Юнга пригласили к начальнику пограничной охраны. Остальные пассажиры оставались на своих местах. В голове у него мелькнула мысль о возможном «проколе». Однако, к счастью, все оказалось гораздо проще. Японцы, захватившие эту

китайскую провинцию, требовали, чтобы у всех лиц, следовавших через ее территорию в Китай, была проставлена также и виза оккупационных властей.

Но и на этом «испытания на прочность» разведчика не закончились. Беседа с японскими пограничниками велась через эмигранта из России, татарина, владевшего турецким языком. Он переводил беседу с турецкого на русский, поскольку японский офицер-пограничник владел этим языком, и Ахмерову пришлось пустить в ход все свое самообладание, чтобы не показать, что он понимает по-русски. К счастью, все обошлось благополучно, и в Пекин он прибыл без приключений.

В этой императорской столице Китая, расположенной на берегу реки Чанхэ и еще четырех других рек, каналов и озер, Юнг поступил в американский университет, где обучалась большая группа иностранцев. Вскоре он установил неплохие отношения с двумя студентами-европейцами. Один из них, англичанин, поддерживал контакты с посольством Великобритании и в беседах с дипломатами получал информацию о планах Японии в Китае. Ею он на доверительной основе делился с «турецким студентом». Другой студент американского университета, прибывший из Швеции для изучения китайского языка, снабжал разведчика достоверными сведениями о положении в Маньчжурии и действиях там японских оккупантов. Получаемые сведения были весьма актуальны и высоко оценивались в Центре.

В 1934 году Юнг, успешно выполнивший стоявшие перед ним задачи в Китае, возвратился в Москву. Руководство разведки приняло решение направить его на нелегальную работу в США. Руководитель действовавшей там нелегальной резидентуры В. Маркин погиб при невыясненных обстоятельствах. Предполагалось, что он стал жертвой нападения гангстеров. Его преемником стал опытный разведчик-нелегал Борис Базаров (псевдоним — Кин), работавший в нелегальной разведке с 1921 года в Германии, Болгарии, Румынии, Югославии, Австрии и Франции. Юнг был назначен его заместителем.

Завершив непродолжительную подготовку в Центре, Юнг выехал в 1935 году в Европу. Прибыв в Женеву, он обратился в американское посольство за въездной визой в США. Выяснилось, что для ее получения разведчик должен найти поручителя из числа местных граждан. Воспользовавшись тем, что он остановился не в гостинице, а на частной квартире, Юнг назвал консульскому работнику имя ее хозяина. Возвратившись домой, разведчик сообщил об этом хозяину квартиры и извинился перед ним. В ответ швейцарец только рассмеялся и сказал, что

ему уже звонили из посольства США и он поручился за Юнга. На следующий день в турецком паспорте разведчика-нелегала была проставлена американская виза.

Вскоре он отбыл из Шербура в Нью-Йорк на французском скоростном лайнере «Нормандия». Правда, наслаждаться комфортом этого быстроходного судна он не мог, поскольку по легенде был студентом, поэтому приобрел билет в каюту третьего класса, где пассажиров было не меньше, чем сельдей в бочке. Тем не менее через три дня красавец-пароход пришвартовался в нью-йоркской гавани.

Прибыв в США, Юнг, в соответствии с данными ему в Центре инструкциями, устроился на учебу в Колумбийский университет. Помимо легализации, это было необходимо ему для совершенствования знаний английского языка: ведь в дальнейшем он должен был выдавать себя за стопроцентного американца. Хотя разведчик хорошо говорил по-английски, он решил овладеть американским диалектом этого языка. Спустя некоторое время разведчик-нелегал с помощью «легальной» резидентуры ОГПУ в Нью-Йорке приобрел документы уроженца США...

Начинать разведывательную деятельность в США Юнгу было нелегко. Резидент Кин поручил ему восстановить связь с рядом ранее законсервированных агентов. При знакомстве с этими источниками выяснилось, что они утратили необходимыми разведывательными возможностями. Нужно было все усилия резидентуры бросить на приобретение новой надежной агентуры, способной добывать интересующую Центр разведывательную информацию. Справиться с подобной задачей в одиночку было крайне трудно. Вскоре Центр направил в помощь Юнгу молодого, но уже опытного Нормана Бородина, работавшего ранее в нелегальных резидентурах в Норвегии, Германии и Франции, а также ряд других молодых разведчиков. К началу 1936 года в нелегальной резидентуре советской внешней разведки в США было уже шесть сотрудников, в том числе две женщины.

К этому времени резидентуре удалось создать эффективно функционирующий агентурный аппарат, в который входило десять ценных источников. От них в Центр поступала важная информация не только о планах и намерениях американской администрации в отношении СССР и других стран, но и о политике государств оси Рим-Берлин-Токио, которая особенно высоко ценилась в Кремле. Однако в июне 1938 года резидент Кин был отозван в Москву. 3 июля того же года он был арестован по обвинению в шпионаже, а 21 февраля 1939 года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. О трагической судьбе своего

непосредственного руководителя Юнг узнает позднее, когда его также отзовут в Москву.

После отъезда Кина Юнг по указанию Центра возглавил нелегальную резидентуру НКВД в США и успешно руководил работой ее агентурного аппарата. Одним из ценных источников резидентуры Юнга был агент «Аркадий», имевший отношение к деятельности военных учреждений США. Однако он был неопытен в делах разведки, зачастую приносил на встречи сразу большое количество секретных материалов, что было небезопасно. Юнгу пришлось научить «Аркадия» фотографированию секретных документов с тем, чтобы передавать оперработнику информации в непроявленной фотопленке. В случае опасности эту пленку вместе с содержащейся в ней информацией можно было легко засветить.

Ценную военно-политическую информацию Юнг получал от агента «Норда», с которым установил контакт во время обучения американца в одном из престижных университетов США. После завершения учебы «Норд» по совету разведчика устроился на работу в военное министерство США и получил доступ к докладам военных атташе из-за рубежа, а также к принимаемым по этим докладам решениям.

Однако, пожалуй, самым ценным источником политической информации возглавляемой Юнгом нелегальной резидентуры был агент «Корд», занимавший видное положение в государственном департаменте США. Завербован он был на идейно-политической основе. Будучи антифашистом, он отдавал себе отчет в том, что Запад, в том числе США, пытается направить агрессию Гитлера против Советского Союза и что новая мировая война неизбежна. Он понимал, что Гитлер не удовлетворится захватом Европы и попытается вторгнуться в США. На встречах с Юнгом «Корд» неоднократно высказывал мнение о том, что только Советский Союз сможет сломить хребет гитлеровской военной машине. В этой связи он сознательно шел на углубление сотрудничества с советской разведкой.

Поступавшая от «Корда» информация высоко оценивалась на Лубянке и докладывалась высшему советскому руководству. Она позволяла Кремлю быть в курсе позиции США по многим международным проблемам. В числе материалов, получаемых от источника, были, в частности, проекты американских резолюций на международных конференциях, доклады послов США в Берлине, Лондоне, Париже и других европейских столицах.

У нелегальной резидентуры были и другие, не менее ценные источники информации, непосредственную конспиративную связь с которыми осуществлял сам резидент Юнг. Большинство из этих

американцев знало, что работает на Советский Союз. Следует особо отметить, что они отказывались от материального вознаграждения за помощь советской разведке.

Случилось так, что вскоре по приезду в США Юнг привлек к сотрудничеству в качестве содержательницы конспиративной квартиры американку Хелен Лоури (оперативный псевдоним «Таня»), племянницу генерального секретаря компартии США Эрла Браудера. «Таня» оказалась великолепным связником. Работала она смело и энергично: приобрела несколько конспиративных квартир, участвовала в мероприятиях по получению надежных американских документов для вновь прибывавших сотрудников нелегальной резидентуры Юнга. Она также лично добывала интересную информацию из кругов высшей американской администрации, используя личные связи в аппарате Белого дома.

Следует отметить, что «Таня» была молодой и красивой девушкой, и Юнг, часто встречавшийся с ней, влюбился в свою помощницу. Это не удивительно: он не был женат, в США находился один, располагал привлекательной внешностью. Кроме того, общая работа и связанный с ней постоянный риск сблизили их. Стоит ли говорить, что «Таня» ответила ему взаимностью, и молодые люди решили пожениться.

Однако в это время в Советском Союзе вовсю свирепствовали репрессии, получившие название «ежовщина». Десятки разведчиков были отозваны из-за рубежа и репрессированы. От рук подручных наркома внутренних дел Н. Ежова погиб и Кин, предшественник Юнга на посту резидента нелегальной разведки. В течение полугода работа резидентур внешней разведки была практически парализована, а информация действующих заграничных аппаратов не докладывалась советскому руководству. В августе 1939 года Н. Ежова на посту наркома сменил Л. Берия. Репрессии против чекистов пошли на убыль, хотя и не прекратились совсем. По указанию Л. Берии Центр к концу 1939 года отозвал в Москву для «проверки лояльности» почти всех резидентов внешней разведки, уцелевших в кровавой вакханалии расправ.

В ноябре 1939 года и Юнг получил телеграмму из Центра, в которой ему предписывалось выехать в Москву для отчета о работе и получения дальнейших указаний. В ответ разведчик обратился на имя Л. Берии с просьбой разрешить ему вступить в брак с «Таней» и вместе с ней прибыть в Москву. Это вызвало негодование всемогущего наркома. Вызвав к себе начальника внешней разведки П. Фитина, Л. Берия без обиняков заявил, что Юнг, по-видимому, завербован американскими спецслужбами и теперь вместе с их «шпионкой» едет в Москву. Логика его рассуждений была

проста: резидент-нелегал В. Маркин пропал при невыясненных обстоятельствах, сменивший его на этом посту Б. Базаров оказался «американским шпионом» и был расстрелян. Следовательно, и Юнг завербован ФБР США. Нарком приказал «разобраться» с разведчиком.

Павлу Михайловичу Фитину пришлось затратить много сил и энергии, чтобы разубедить наркома. По его указанию была подготовлена справка о работе Юнга в качестве резидента-нелегала, в которой давалась высокая оценка поступающей от него информации. Было особо отмечено, что «Таня» является племянницей лидера американских коммунистов Э. Браудера, которого высоко ценит сам И. Сталин. Очевидно, именно этот аргумент сыграл важную роль в том, что Юнг уцелел: Л. Берия опасался вызвать гнев вождя и дал «добро» на этот брак.

Правда, в дальнейшем Л. Берия отыгрался на Юнге. В январе 1940 года разведчик прибыл в Центр. Находившаяся у него на связи агентура была частично передана «легальной» резидентуре, частично законсервирована. Л. Берия распорядился понизить Юнга в должности до... стажера американского отделения внешней разведки. Его заместитель Норман Бородин был вообще уволен из разведки. Последовали почти два года «проверок» Юнга. Его богатые оперативные возможности оставались нереализованными.

С началом Великой Отечественной войны советское руководство приняло решение резко активизировать деятельность нелегального подразделения внешней разведки органов государственной безопасности не только в Германии и оккупированных ею странах, но и в США, Англии и других государствах. В соответствии с этим решением, руководство внешней разведки выступило с предложением ввести в действие законсервированную нелегальную резидентуру в США и срочно возвратиться туда Юнга. Л. Берия не возражал, и в июле 1941 года утвердил его кандидатуру на должность руководителя нелегальной резидентуры в США, а также подготовленный руководством внешней разведки план вывода Юнга и «Тани», которая к этому времени приняла советское гражданство и стала сотрудницей внешней разведки, за океан.

Супруги должны были по канадским документам поселиться в московской гостинице «Националь». По легенде они являлись канадскими туристами, которые якобы задержались в Москве из-за начала войны. Юнгу предстояло обратиться в посольство США за транзитными визами, чтобы добраться до Канады. По прибытии в США супруги должны были перейти на старые американские паспорта, по которым они уже там жили. За океан предполагалось следовать через Китай, Сингапур, а оттуда — в США.

Разведчикам предстояло осесть в одном из городов недалеко от Вашингтона, чтобы можно было регулярно встречаться с наиболее важными источниками, большинство из которых работало в американской столице.

В соответствии с намеченным планом, в августе 1941 года Юнг собрался пойти в посольство США для получения транзитных виз. Он уже спустился по лестнице гостиницы, как вдруг у выхода на улицу столкнулся лицом к лицу с новым постояльцем, который назвал его турецким именем. С этим человеком Юнг учился в американском университете в Пекине. Мгновенно сориентировавшись в обстановке, Юнг крепко пожал ему руку и выразил сожаление, что не может побеседовать с иностранцем, так как спешит в аэропорт. Эту сцену разведчик разыграл так естественно, что у бывшего его однокашника по университету не возникло никаких сомнений. Они дружески расстались, после чего Юнг срочно связался со своими кураторами.

Было решено перевести нелегальную пару из гостиницы в другое место и установить наружное наблюдение за пекинским приятелем разведчика, чтобы исключить их повторную случайную встречу. К счастью, все обошлось благополучно, и в тот же день Юнг получил американские транзитные визы. Через неделю разведчики-нелегалы отбыли к месту работы в США.

Несмотря на военное время, путешествие прошло в целом благополучно. Однако и в Нью-Йорке, куда прибыли супруги, у Юнга произошла случайная встреча, которая чуть было не привела его к провалу.

В ноябре 1941 года Юнг сообщил в Центр, что вскоре после прибытия в Нью-Йорк, где супруги перешли на старые американские документы, он неожиданно столкнулся на улице с бывшим профессором американского университета в Пекине, который знал его в качестве турецкого студента-востоковеда и даже приглашал к себе в гости. Однако и на сей раз разведчик не растерялся. Изобразив радость по поводу этой встречи, он сумел убедительно объяснить свое якобы временное пребывание в США и сказал, что скоро уезжает обратно в Турцию.

Благодаря хладнокровию и находчивости разведчика все обошлось благополучно.

Генерал-лейтенант внешней разведки В. Г. Павлов, который в 1939–1942 годах являлся куратором в Центре разведывательной работы на Американском континенте, а после войны работал вместе с Юнгом и поддерживал с ним дружеские отношения, писал позже в своих мемуарах:

«После встречи с профессором И.А.Ахмеров испытал чувство страха, впоследствии он даже не скрывал этого. Он боялся за судьбу нелегальной резидентуры, которая во время войны была так нужна внешней разведке.

Позже, когда мы встретились в Москве, И.А.Ахмеров пояснил, что никто, в том числе и самый бесстрашный разведчик, не гарантирован от чувства страха. Важно не то, что ты испытываешь страх, а то, как ты способен его подавить, мобилизовать волю и все свои душевные и физические силы на противодействие, преодоление причин, вызвавших страх.

Получив телеграмму резидента, мы могли только благодарить Исхака Абдуловича за его стойкость и хладнокровие, которые спасли его самого и дело в очередной раз».

Юнг приступил к работе. Он обосновался в Балтиморе — городе, находящемся в часе езды от Вашингтона, где жили и работали почти все его источники. Они занимали видное положение в аппаратах Белого дома и государственного департамента, в министерстве финансов, Управлении стратегических служб (УСС, политическая разведка), ФБР, ряде других министерств и ведомств.

В качестве прикрытия Юнг использовал небольшую фирму по пошиву готового платья, которая принадлежала его агенту. Он стал совладельцем фирмы, вложив туда небольшой капитал, и фактически руководил ею. Каждый день он приходил в офис к десяти утра, читал финансовые документы, отвечал на поступившие письма. Вскоре он решил расширить дело и перейти на пошив одежды из меха — курток, шуб, пальто. Здесьгодились ему навыки скорняка, полученные от деда.

Два-три раза в месяц Юнг выезжал в Вашингтон для встреч с источниками. Его жена, оперативный работник Таня, также ездила в столицу США для того, чтобы получать разведывательные материалы. Информация разведчиков-нелегалов имела исключительную ценность: наладить поступление важных разведывательных материалов непосредственно из Германии и оккупированных ею стран Европе Центру не удалось. В этой связи в годы войны основные сведения стратегического характера поступали в Москву от «легальных» и нелегальных резидентур в США и Англии.

Условия для работы разведки в США в этот период значительно

осложнились. В стране активно действовала «пятая колонна» гитлеровцев, поэтому вездесущее ФБР обращало повышенное внимание на граждан США, имеющих доступ к секретам, фиксировало их контакты с иностранцами и местными гражданами, брало на заметку малейшие моменты, вызывающие подозрения. Работа Юнга осложнялась еще и тем, что он, как американский гражданин, подлежал призыву в армию. В начале 1942 года Юнг прошел военную регистрацию. Правда, она завершилась благополучно: имевшиеся у разведчика на руках документы не вызвали подозрений. Как семейный человек и владелец небольшой коммерческой фирмы, Юнг был причислен к призывной категории 3-а. Хотя лица этой категории пользовались отсрочкой от призыва в армию, в условиях военного времени такая возможность не исключалась. Поэтому Юнг стал искать пути получения медицинской справки, освобождавшей его от военной службы. Эта задача была успешно решена, и Юнг полностью сосредоточился на разведывательной работе.

Вскоре ему удалось расширить разведывательные возможности резидентуры за счет привлечения к сотрудничеству с ней лиц из администрации министерства зарубежной экономики, департамента юстиции. Один из его источников добывал информацию по атомной проблематике (проект «Манхэттен»). Только за 1943–1945 годы от резидентуры Юнга было получено 2500 пленок с информационными материалами на более чем 75 тысячах машинописных листах. За высококвалифицированную разведывательную работу в нелегальных условиях Юнг и его жена были удостоены правительственных наград. В 1943 году разведчик был награжден орденом «Знак Почета», а в следующем году — орденом Красного Знамени. Таня была удостоена ордена Красной Звезды.

Сведения из возглавляемой Юнгом нелегальной резидентуры шли, действительно, важные. 17 сентября 1944 года газета «Правда» опубликовала сообщение собственного корреспондента в Каире, в котором говорилось со ссылкой на «заслуживающие доверия круги» о состоявшейся встрече министра иностранных дел Германии И. фон Рибентропа с английскими руководящими деятелями с целью выяснения условий сепаратного мира. В основе этого сообщения лежали документальные материалы, полученные Юнгом. От его источника в Управлении стратегических служб (внешняя разведка США) были также получены и доложены И. Сталину сведения о сепаратных переговорах регионального резидента УСС А. Даллеса с генералом СС К. Вольфом в Берне.

После окончания войны перед резидентурой Юнга были поставлены

новые задачи, в том числе по поиску нацистских преступников, укрывшихся за океаном. За работу по «Манхэттенскому проекту» Юнг был удостоен второго ордена Красного Знамени.

Однако в конце 1945 года в связи с предательством источника «легальной» резидентуры Элизабет Бентли, имевшей некоторое касательство к одному из звеньев резидентуры Юнга, деятельность нелегальной резидентуры пришлось свернуть. Созданная Юнгом и его помощниками агентурная сеть была законсервирована, а он сам и его супруга «Таня» в начале 1946 года окончательно возвратились в СССР.

Исхак Абдулович еще долгие годы плодотворно работал в управлении нелегальной разведки. Был заместителем начальника этого важнейшего подразделения ПГУ КГБ. Неоднократно выезжал в краткосрочные спецкомандировки для восстановления связи и оказания помощи разведчикам-нелегалам. Выполнял и другие ответственные задания руководства.

В 1955 году полковник Ахмеров был уволен из КГБ в отставку по выслуге лет. Однако еще многие годы он продолжал участвовать в подготовке молодых разведчиков-нелегалов. И. А. Ахмеров никогда не кичился своими заслугами в нелегальной разведке, предпочитая не распространяться о работе за рубежом, даже в кругу близких товарищей. В то же время в «Очерках истории российской внешней разведки», посвященных его нелегальной деятельности, подчеркивается:

«В итоговых документах о работе внешней разведки в 1941–1945 годах сказано: «Особенно успешно в годы войны в США действовал резидент нелегальной резидентуры, видный советский разведчик И.А.Ахмеров». Редко кому из разведчиков удавалось заслужить такую высокую оценку».

Исхак Абдулович скончался 18 июля 1976 года. Его жена, Елена Ивановна, умерла в 1981 году. Супруги похоронены в Москве на Химкинском кладбище.

От Дальнего Востока до Адриатики

В ноябре 1922 года Красная Армия освободила от японских и американских интервентов Дальний Восток. Гражданская война в России закончилась. Остатки белогвардейской армии отступили в Маньчжурию, Китай и Корею. Однако на территории Приморья и Дальнего Востока осталась американская и японская агентура, продолжали действовать подпольные террористические формирования белогвардейцев, занимавшиеся бандитизмом. Аресты белогвардейцев показали, что во главе этих формирований стоит некий «Таежный штаб», получающий деньги из Харбина. Было принято решение разгромить его, создав специальную боевую группу. Подготовку группы к операции осуществлял будущий известный советский разведчик Дмитрий Георгиевич Федичкин.

Дмитрий Федичкин родился 2 ноября 1902 года в деревне Марлеево Московской губернии в крестьянской семье. Позже его отец служил фельдфебелем в царской армии.

Через несколько лет после рождения Дмитрия его родители по делам службы отца переехали на Дальний Восток. Там будущий разведчик окончил двухклассную школу, а затем учительскую семинарию. Участь в семинарии, посещал большевистский кружок.

В 1919 году за отказ пойти добровольцем в Белую армию Дмитрий был брошен в тюрьму. После оккупации Дальнего Востока японцами находился на нелегальном положении, вел разведку противника.

С начала 1921 года Д. Федичкин учился во Владивостокской совпартшколе. В апреле того же года стал членом РКП(б).

После захвата власти во Владивостоке белогвардейцами в мае 1921 года, Д. Федичкин по поручению партии выехал в село Анучино, где в то время находился центральный штаб партизанского движения Приморья, и стал рядовым бойцом партизанского отряда. Вскоре он был назначен комиссаром комендантской группы отряда.

В течение восьми месяцев находился Дмитрий во вражеском тылу, где руководил созданной им агентурной сетью. В одном из боев он был взят белогвардейцами в плен и заключен в лагерь. Сумел совершить побег и укрыться у сельского родственника, в крестьянском хозяйстве которого некоторое время работал.

С весны 1922 года Дмитрий являлся разведчиком партизанского отряда Топоркова, известного в те годы партизанского командира, боровшегося

против интервентов в Приморье.

В конце 1922 года Д. Федичкин становится сотрудником органов госбезопасности. Двадцатилетнего партизанского разведчика назначают помощником уполномоченного Никольско-Уссурийского подотдела Госполитохраны (контрразведки) Дальневосточной Республики. К концу 1924 года он уже заместитель начальника отделения Приморского губотдела ОГПУ во Владивостоке.

Уже в начале 1923 года контрразведывательное подразделение Приморского губотдела ГПУ-ОГПУ начало вести разведку за кордоном. Одним из первых со специальными заданиями в сопредельную Маньчжурию направлялся и Д. Федичкин.

... После эвакуации белогвардейцев из Владивостока, в городе продолжали оставаться бандиты, терроризировавшие население. Один из них, переодевшись в милицейскую форму, убивал советских работников и чекистов. Активные поиски преступника результатов не приносили, так как в городе он был практически неизвестен.

После тщательного изучения обстановки выяснилось, что товарищ Федичкина знал бандита в лицо. Им и было поручено задержать белогвардейца. Через некоторое время чекисты вышли на его след. В завязавшейся перестрелке товарищ Федичкина сумел убить преступника, однако и сам погиб. Дмитрий не пострадал.

... Владивостокские чекисты установили, что местные бандиты были тесно связаны с русской белогвардейской организацией — военным отделом Харбинского монархического центра, которым руководил генерал Кузьмин. Деньги на подрывную работу против Советской России ему выделял японский резидент Такаяма. Москва поручила только что созданной резидентуре ОГПУ в Харбине проникнуть в военный отдел с целью получения информации о его деятельности. С большим трудом чекисты завербовали одного из его сотрудников по фамилии Сомов, однако он не имел непосредственного доступа к секретным планам отдела.

Вскоре стало известно, что у Сомова есть близкий знакомый, также работавший в военном отделе монархического центра. Этим знакомым был подполковник Сергей Михайлович Филиппов, служивший во время гражданской войны в армии Кочака. Было установлено, что Филиппов отрицательно относится к зверствам таежных бандитов, за что кое-кто из офицеров считает его чуть ли не пособником «красных». Выяснилось также, что во Владивостоке у него остались жена и дочь.

На одну из встреч с оперработником Сомов принес местную эмигрантскую газету, в которой сообщалось, что семья С. М. Филиппова

расстреляна. Агент сообщил, что Филиппов решил лично пойти в рейд через границу, чтобы отомстить большевикам. Сомов назвал время и место перехода границы.

Отряд белогвардейцев беспрепятственно проник на советскую территорию. Чекисты его надежно контролировали. Когда белогвардейцы удалились на несколько километров в глубь от границы, в короткой схватке отряд был разгромлен. Филиппова удалось взять в плен. На допросах он молчал. Но однажды подполковник заговорил:

— Вы со мной ничего не сделаете. Самое страшное, что может испытать человек, я уже испытал — насильственную смерть близких мне людей.

В ответ чекист встал, подошел к двери и открыл ее:

— Елена Петровна, Ирочка, идите сюда.

Когда С. М. Филиппову стала известна правда, он без колебаний согласился сотрудничать с советской разведкой. Подполковник благополучно возвратился в Харбин. Выполняя поручение чекистов, Филиппов представил своему руководству план получения информации из России, который был одобрен. Военный отдел выделил в его распоряжение несколько связных, которые регулярно переправлялись через границу. Получаемые от них сведения С. М. Филиппов передавал во Владивосток.

... Чекистам стало известно, что в верховьях Амура белогвардейцы концентрируют силы для рейда в Приморье. Однако время и место операции первоначально установить не удалось. Один из агентов получил эти сведения буквально накануне операции. Личная встреча с ним исключалась. Агенту дали указание, чтобы он коротко изложил имеющуюся у него информацию на бумаге и вложил ее в спичечный коробок. По дороге на пристань он должен был незаметно бросить коробок в траву у пешеходного мостика.

За действиями агента наблюдал Д. Федичкин, сидевший на скамейке в парке. Он видел, как агент подошел к мостику, вынул из кармана пачку папирос, закурил и проследовал дальше. Через некоторое время спичечный коробок был уже в руках у чекиста. В записке сообщались подробные сведения о предстоящем рейде белогвардейцев. Операцию удалось пресечь.

А в 1925 году «Таежный штаб» был полностью разгромлен. Во Владивостоке состоялся судебный процесс над заговорщиками, планировавшими поднять вооруженное восстание в Приморье. Свой вклад в разгром белогвардейских банд внес и Дмитрий Федичкин, являвшийся в то время заместителем начальника особого отдела 9-й кавалерийской

дивизии.

В апреле 1925 года Д. Федичкин был направлен на работу в качестве руководителя резидентуры ОГПУ в городе Сахалин (Маньчжурия). Являясь по прикритию сотрудником советского консульства, он выполнял задания командования Особой Дальневосточной армии.

Советское военное руководство было крайне заинтересовано в проведении топографической съемки Малого Хинганского перевала в районе Маньчжурии. В случае военных действий этот перевал приобретал стратегическое значение. Дмитрий Федичкин успешно решил эту проблему. Под видом представителя треста Дальзолота, он установил контакт с китайским банкиром и заключил с ним договор на разведку золотоносных песков в этом районе, а затем лично возглавил поисковую партию. В результате советское военное командование получило необходимые сведения, которые через двадцать лет сыграли важную роль при разгроме Квантунской армии Японии.

В июле 1926 года, после возвращения из командировки, в оперативном деле Д. Федичкина появилась запись:

«Осуществил ряд важных вербовок, провел серию мероприятий по нейтрализации устремлений иностранных разведок в отношении нашей страны».

Возвратившись из командировки, Д. Федичкин работал начальником отделения, а затем заместителем начальника Особого отдела Постоянного представительства ОГПУ в Хабаровске.

В 1929 году Д. Федичкин вновь направляется в Маньчжурию, на этот раз — резидентом внешней разведки в город Цицикар. По прикритию занимает дипломатическую должность сотрудника советского консульства. Он ведет активную разведывательную работу по белогвардейской эмиграции, выявляет замыслы китайских милитаристов и их японских покровителей. Разведчику, в частности, удалось через агентуру проникнуть в ряд белогвардейских организаций, а также в созданный японцами Русский фашистский союз.

Однако вскоре Д. Федичкину пришлось прервать столь успешную разведывательную деятельность. Разведчик был опознан генерал-губернатором Цицикара Ху Венцзо. Дело в том, что во время конфликта на КВЖД этот китаец, будучи еще полковником, попал в плен и Федичкин его допрашивал в Хабаровске. Во избежании ареста Д. Федичкин был вынужден срочно покинуть Маньчжурию.

В апреле 1931 года Д. Федичкин был откомандирован в Москву, где до февраля 1932 года работал преподавателем Центральной школы ОГПУ.

Затем он был переведен в Иностранный отдел ОГПУ и направлен в качестве резидента «легальной» резидентуры в Таллин. По прикрытию занимал должность дипломатического сотрудника полпредства СССР в Эстонии.

Перед отъездом в командировку Д. Г. Федичкина пригласил к себе на беседу начальник внешней разведки А. Х. Артузов. Он ознакомил резидента с задачами, которые предстояло решать его резидентуре.

Артур Христианович пояснил, что в Таллине обосновался прибалтийский филиал главной организации белогвардейской вооруженной эмиграции — Русского общевойскового союза. Филиалом руководил из Берлина генерал фон Лампе. В самом же Таллине активно действовал полковник Борис Энгельгардт, который во время Гражданской войны возглавлял контрразведку генерала Юденича.

Перед таллинской резидентурой ОГПУ ставилась задача дискредитировать Б. Энгельгардта в глазах его западных хозяев. «Видимо, платят они ему не очень щедро, и этот бывший полковник вынужден торговать папиросами собственной набивки в ларьке на рынке Таллина», — отметил А. Х. Артузов.

Дмитрию Федичкину было поручено осуществить «вербовку в лоб» этого деятеля белогвардейской эмиграции. Он должен был явиться к Энгельгардту на дом и, назвавшись чекистом, предложить ему работать на Советский Союз. Расчет делался на то, что полковник доложит своим хозяевам об этом визите и постарается доказать свою «неподкупность». Однако англичане и французы, напуганные чекистскими операциями «Синдикат» и «Трест», не поверят ему и станут подозревать Энгельгардта в нечестной игре. «Чем больше Энгельгардт будет доказывать свою невиновность, тем меньше ему будет веры», — подчеркнул А. Х. Артузов.

В Таллин Д. Федичкин отбывал пароходом из Ленинграда. В соответствии с заданием, в этом городе он навестил свояченицу некоего Карла, от которой должен был передать письмо ее сестре в эстонской столице, бывшей замужем за этим господином. Письмо должно было облегчить выход разведчика на Б. Энгельгардта. По прибытии в Таллин Федичкин вышел на Карла, а через некоторое время привлек его к сотрудничеству с внешней разведкой.

Через Карла, являвшегося заместителем председателя немецкого землячества в Эстонии, Д. Федичкин начал разработку Б. Энгельгардта. Зная о материальных затруднениях последнего, Карл предложил этому

руководителю эстонского отделения РОВС... работать на германскую разведку и сообщать ему все сведения о деятельности этой организации, разумеется, за соответствующее материальное вознаграждение. Отныне советская внешняя разведка была в курсе повседневной деятельности эстонского отделения РОВС по засылке в нашу страну шпионов и террористов и успешно срывала эти замыслы. Это не осталось незамеченным в штаб-квартире РОВС в Париже. Доверие руководства организации к Энгельгардту упало.

Развивая разработанную Артузовым операцию по дискредитации Энгельгардта, Федичкин зашел в табачный ларек, куда тот поставлял свою продукцию, и приобрел крупную партию папирос. Под предлогом регулярного получения товара он выяснил у генерала Шаховского, содержавшего ларек, адрес Б. Энгельгардта и, не теряя времени, направился к нему на дом. Здесь он представился чекистом, прибывшим из Москвы с деловым предложением к полковнику. Д. Федичкин пояснил, что Б. Энгельгардт должен прекратить враждебную деятельность против Советского Союза. На размышление ему отводилось две недели.

О визите чекиста Б. Энгельгардт рассказал Карлу, через которого внешняя разведка отслеживала дальнейшие шаги полковника. Затем о беседе с чекистом он подробно проинформировал руководителя РОВС генерала Евгения Миллера. А дальше все развивалось в соответствии с разработанным в Центре планом. Руководство РОВС перестало доверять Б. Энгельгардту, считая его «агентом ОГПУ», и полковник был вынужден отойти от активной антисоветской деятельности. План А. Х. Артузова был успешно реализован благодаря своей простоте.

Позднее Д. Г. Федичкин вспоминал, как руководитель Иностранного отдела А. Х. Артузов рекомендовал молодым разведчикам готовиться к работе за рубежом. Он говорил, что подготовка по оперативным вопросам и знание страны, ее политики, экономики, роли в международных делах, нравов и обычаев — это вещи одинаково важные, без которых вербовочная работа не будет иметь успеха. А. Х. Артузов рекомендовал молодым разведчикам активно использовать «чужой флаг» для вербовки иностранцев.

... Через Карла, являвшегося предпринимателем, Д. Федичкин вышел также на местную германскую колонию и сумел завербовать ряд немцев, проживавших в Таллине, в том числе входивших в пронацистскую группировку «Балтийское братство». В связи с приходом Гитлера к власти вербовка этих лиц представляла значительный интерес. В июле 1934 года в связи с завершением командировки Д. Федичкин возвратился в Москву и

был повышен в должности до помощника начальника отделения ИНО. В его оперативном деле появилась новая запись:

«... Занимался активной разработкой эмигрантских белогвардейских организаций. Добился конкретных вербовочных результатов среди местных немцев».

Однако в те годы разведчиков в численном отношении было мало, а задачи перед разведкой стояли большие, особенно с учетом агрессивных планов Германии. Поэтому уже в сентябре 1934 года тридцатидвухлетнего Дмитрия Федичкина направляют в очередную заграничную командировку, на этот раз — заместителем резидента внешней разведки ОГПУ в Варшаве. В польской столице он находился под прикрытием должности секретаря консульского отдела полпредства СССР. В июне 1936 года польская контрразведка подвела к Д. Федичкину провокатора. Разведчик был арестован и попал в тюрьму. В том же году обменян на польского разведчика, задержанного с поличным в Киеве.

Позднее Д. Г. Федичкин вспоминал:

«Мне приходилось выполнять задания в разных условиях. Наряду с успехами, пришлось испытать и горечь поражения. В панской Польше провокатор выдал меня, и я попал в тюрьму. Находясь в камере, проводя бессонные ночи на вшивой подстилке, я ни разу не сомневался, что меня не оставят в беде. Так оно и получилось. Через полтора месяца я был обменян на польского разведчика, пойманного в СССР с поличным. А через четыре месяца уже работал в Италии».

В Рим Д. Г. Федичкин выехал в январе 1937 года. В итальянской столице он был сначала помощником резидента, а с 1938 года — резидентом внешней разведки НКВД. По прикрытию занимал должность заведующего консульским отделом полпредства СССР.

Из руководимой Д. Г. Федичкиным резидентуры в Центр на постоянной основе поступала важная разведывательная информация, в том числе — документальная.

В связи с присоединением Италии в ноябре 1937 года к «Антикоминтерновскому пакту» внутривосточная обстановка в стране значительно осложнилась. В частности, резко активизировалась деятельность контрразведки. Д. Г. Федичкин направил в Центр служебную записку, в которой предложил основной упор в разведывательной деятельности в Италии сделать на работу с нелегальных позиций. Для этого, считал он, необходимо создать нелегальные резидентуры НКВД в

Риме и Милане и отработать каналы связи с ними через Турцию. Москва не поддержала этой инициативы. Однако время подтвердило обоснованность предложений резидента. Уже в апреле 1940 года «легальная» римская резидентура перестала функционировать, а агентура была законсервирована.

В 1940–1941 годах Д. Г. Федичкин являлся начальником отделения в Контрразведывательном отделе НКВД. Работал по «польской линии». Непосредственно накануне войны находился во Львове, выполняя специальные задания Центра. В июне 1941 года был ранен при бомбежке города. С начала Великой Отечественной войны занимался организацией польских воинских формирований на территории СССР.

В январе 1942 года Д. Г. Федичкина переводят в 4-е управление НКВД, где он в качестве заместителя начальника 1 отдела занимается организацией разведывательно-диверсионной работы в тылу немецких войск.

В ноябре 1943 — сентябре 1944 годов Д. Г. Федичкину пришлось работать в особо сложных условиях в оккупированной немцами Болгарии. Он был назначен руководителем «легальной» резидентуры в Софии под прикрытием должности советника советской дипломатической миссии.

Еще в конце 1930-х годов работавший в Софии в качестве заместителя резидента В. Пудин завербовал видного японского дипломата, от которого за вознаграждение получил шифры МИД Японии, которые это внешнеполитическое ведомство применяло в переписке с европейскими странами, в частности, — с Германией. Это позволило в первые годы Второй мировой войны читать зашифрованную переписку Токио.

Больших результатов в работе добилась и резидентура, возглавляемая Д. Г. Федичкиным. В частности, ее сотрудники приобрели ценные источники информации в окружении царя Бориса и в болгарском правительстве.

По заданию Центра софийская резидентура в годы войны провела большую работу по организации связи Председателя Исполкома Коминтерна Г. Димитрова с подпольным ЦК Болгарской коммунистической партии.

Работать в Болгарии, оккупированной гитлеровской Германией, было нелегко. К тому же, вскоре после ее вступления во Вторую мировую войну начались бомбежки болгарской столицы союзной авиацией. Для организации связи с агентурой использовались поездки за город, моментальные встречи в условленных местах на окраинах Софии.

После возвращения из Болгарии в сентябре 1944 года Д. Г. Федичкин

работал в центральном аппарате разведки. В 1945 году был назначен резидентом внешней разведки в Румынии, где находился до середины 1947 года.

Работа Д. Г. Федичкина в Бухаресте была высоко оценена Центром: по возвращении в Москву он был назначен заместителем начальника управления в Комитете информации при СМ СССР, как тогда называлась внешняя разведка. В этой должности находился до 1951 года.

В 1951 году Д. Г. Федичкин вновь назначается резидентом внешней разведки в Италии. И вновь возглавляемая им римская резидентура добивается значительных результатов, в том числе в области научно-технической разведки.

С 1957 года Д. Г. Федичкин в течение двадцати лет работал преподавателем сначала в Высшей разведывательной школе (ВРШ, или, как ее называли, Школа N 101. — Прим. авт.), а затем в Краснознаменном институте КГБ СССР, готовивших кадры для внешней разведки.

В 1977 году Д. Г. Федичкин вышел в отставку.

За плодотворную деятельность в органах государственной безопасности полковник Федичкин был награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, многими медалями. Его труд был также отмечен орденами и медалями Болгарии и Румынии.

Д. Г. Федичкин являлся автором ряда книг о деятельности советских чекистов, в частности: «У самого Тихого...» и «Чекистские будни».

Скончался Дмитрий Георгиевич 28 октября 1991 года. Его оперативная и разведывательная деятельность широко отражена в экспозиции Кабинета истории Службы внешней разведки России.

Куратор «Кембриджской пятерки»

В октябре 1940 года в Лондон, подвергавшийся ежедневным воздушным налетам германского люфтваффе, после полугодового пребывания в Москве возвратился Анатолий Горский. 33-летний оперативный работник, ранее находившийся в этой стране в качестве шифровальщика и помощника резидента, недавно был назначен резидентом «легальной» резидентуры. Перед молодым резидентом стояла задача восстановить связь со знаменитой «Кембриджской пятеркой», прерванную в феврале того же года. В Европе уже полыхала Вторая мировая война. Под натиском стальных армий гитлеровской Германии пала Франция. Ее союзница Англия, ранее проводившая курс на «умиротворение» агрессора, пожинала плоды своей недалекновидной политики и каждый день ожидала вторжения вермахта на Британские острова. Новому резиденту довелось работать в стране в условиях, близких к фронтовым.

Анатолий Вениаминович Горский родился в 1907 году в деревне Меньшиково Канского округа Енисейской губернии. В городе Канске получил среднее образование.

В 1928 году Анатолий был принят на работу в Особый отдел ОГПУ. В дальнейшем работал в Экономическом управлении органов госбезопасности.

В 1936 году Анатолий Горский был переведен во внешнюю разведку — Иностранный отдел Главного управления государственной безопасности НКВД СССР — и в том же году направлен на оперативную работу в Лондон в качестве шифровальщика «легальной» резидентуры (оперативный псевдоним Кап). В британской столице он находился под прикрытием должности технического сотрудника полпредства СССР.

В 1937 году нашу страну потряс так называемый «заговор генералов», состряпанный наркомом внутренних дел Николаем Ежовым по указанию Сталина. По ложному навету из Лондона был отозван и расстрелян военный атташе при советском полпредстве комбриг Витовт Путна, облыжно обвиненный в качестве участника «заговора генералов». Ниточка от него потянулась к другим военачальникам Красной Армии — маршалам Тухачевскому, Егорову, Блюхеру...

По указанию Николая Ежова летом 1937 года был отозван в Москву и руководитель «легальной» резидентуры НКВД Адольф Сигизмундович

Чапский (оперативный псевдоним Клим, в Лондоне находился под именем Антона Вацлавовича Шустера и под прикрытием должности второго секретаря полпредства СССР в Великобритании). 4 ноября того же года «за связь с врагами народа» он был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В декабре 1938 года Николая Ежова на посту наркома внутренних дел сменил Лаврентий Берия. Репрессии против сотрудников внешней разведки пошли на убыль, однако полностью не прекратились. По указанию Л. Берии был отозван в Москву и осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей «за связь с троцкистами» резидент НКВД в Лондоне Григорий Борисович Графпен (оперативный псевдоним Сэм, в стране находился под фамилией Бланк), сменивший А. С. Чапского. Анатолий Горский остался в Лондоне единственным оперативным работником и одновременно — шифровальщиком резидентуры.

На связи у Капа было 19 агентов, включая членов знаменитой «Кембриджской пятерки». Однако часто встречаться с последними он не мог просто физически. Тем не менее, в 1939 году Кап поддерживал периодическую связь с Антони Блантом через другого члена «пятерки» Кима Филби и с Гаем Берджесом («Медхен»). Информация Г. Берджеса, получившего доступ к докладам МИД Англии, в преддверии мировой войны имела первостепенное значение для Кремля. Так, 3 августа 1939 года, накануне приезда в Москву англо-французской делегации для ведения переговоров о заключении договора о коллективной обороне, Кап получил от «Медхен» следующую информацию, основанную на сведениях, исходивших непосредственно от личного секретаря премьер-министра Гораса Вильсона:

«Британские начальники штабов твердо убеждены, что войну с Германией можно выиграть без труда и поэтому британскому правительству нет необходимости заключать пакт об обороне с Советским Союзом. Во всех правительственных департаментах... высказывается мнение, что мы никогда не думали заключать серьезный пакт с СССР. Канцелярия премьер-министра открыто заявляет, что Британия сможет уйти от русского пакта».

Эта информация «изнутри», доложенная Сталину начальником внешней разведки П. М. Фитиным, только лишь укрепила его уверенность в том, что британское и французское правительства не имеют серьезной

заинтересованности в достижении соглашения о взаимной обороне с Советским Союзом и, по существу, проводят пронацистский внешнеполитический курс. Двумирие Лондона и Парижа, желавших натравить Гитлера на СССР, побудило Сталина пойти на заключение договора о ненападении с Германией в августе 1939 года («пакт Риббентропа-Молотова»).

Над Европой сгустились тучи новой мировой войны. Москве крайне необходима была информация о политике Великобритании. Ее можно было получить через «Кембриджскую пятерку», в частности, через Бланта и Берджеса. 10 августа 1939 года Кап направляет в Москву письмо, в котором ставит вопрос о наиболее рациональном использовании А. Бланта в предвидении близившейся войны. Кап писал, что, по словам агента, перед ним открываются две возможности: зачисление в офицерский резерв или работа в штабной армейской разведке. Разумеется, Центр предпочел второй вариант.

1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. А уже 16 сентября А. Блант получил назначение в Службу военной разведки и был направлен для обучения в разведывательную школу. Полную программу занятий в ней он передал Капу. В ноябре того же года от агента был получен ценный материал о структуре секретных служб Великобритании, реорганизованных в связи с началом войны. Эти материалы также представили большой интерес для Лубянки.

Тем не менее, несмотря на начавшуюся в Европе войну, в феврале 1940 года по указанию наркома внутренних дел Лаврентия Берии резидентура НКВД в Лондоне была ликвидирована, как «не вызывающая политического доверия». Официальным мотивом, послужившим закрытию резидентуры, была выбрана «дезинформация», якобы поставляемая ее агентурой. Исполняющий обязанности резидента Кап был отозван в Москву. К счастью, репрессии обошли оперработника стороной, поскольку вменить ему какую-либо вину за «дезинформацию» Берия не решился в силу очевидной абсурдности подобного предположения.

Прибыв в Москву в марте 1940 года кружным путем через Швецию и Прибалтику, А. Горский некоторое время работал в английском отделении внешней разведки НКВД. Однако в условиях мирового пожара советское руководство не могло обходиться без надежной разведывательной информации с мест. И возглавивший в мае 1939 года внешнюю разведку Павел Михайлович Фитин предпринял энергичные усилия по восстановлению ее заграничных аппаратов. В результате этих мер к началу

Великой Отечественной войны были воссозданы 40 резидентур НКВД, в том числе в Германии, Англии, Италии, США, Китае и других странах.

В разведке катастрофически не хватало оперативно грамотных кадров, тем более имеющих опыт заграничной работы. В этой связи в августе 1940 года было принято решение о направлении Анатолия Горского в Лондон в качестве руководителя «легальной» резидентуры под прикрытием должности атташе, а в дальнейшем — второго секретаря полпредства СССР в Великобритании. В стране он находился под фамилией Громов. Ему был присвоен оперативный псевдоним Вадим. Главной задачей Вадима являлось восстановление связи с законсервированной ранее агентурой. Прибыв в британскую столицу в октябре того же года, он предпринял энергичные усилия по выполнению задания Центра.

Помимо самого Вадима, в состав резидентуры входили еще два молодых оперработника — Боб и Джерри. В ноябре 1940 года Вадим направил в Центр оперативное письмо. Говоря в нем об условиях работы резидентуры НКВД в Англии в военное время, он, в частности, писал:

«Хотя Боб (Борис Крешин) и Джерри (Владимир Барковский) делают все, что могут, они не являются еще опытными разведчиками. У каждого из нас на связи до двадцати агентов. Все мы перегружены встречами, причем эта беготня с явки на явку может крайне отрицательно отразиться на работе».

Резидент поставил вопрос о расширении своей резидентуры. Центр внял просьбам Вадима, и в конце 1940 года на помощь ему было направлено еще четыре оперативных работника, которые вскоре восстановили связь с законсервированной ранее агентурой и начали вести активную разведку в стране.

Важнейшей задачей лондонской резидентуры было получение информации о сроках возможного нападения Германии на Советский Союз. Ответ на этот вопрос могли дать только члены «Кембриджской пятерки», особенно те из них, кто работал в британских спецслужбах и Форин оффисе. Поэтому в первую очередь Вадим восстановил оперативный контакт с Кимом Филби, Антони Блантом, Дональдом Маклейном, Гаем Берджесом и Джоном Кернкроссом. Встречаться с агентами ему приходилось буквально под грохот бомб германской авиации, которая регулярно бомбила Лондон.

Первый, с кем была восстановлена связь, был Антони Блант («Тони»).

Уже в декабре 1940 года Вадим пишет в Центр, что «Тони» произвел на него «хорошее впечатление». Резидент сообщал, что «в настоящее время агент служит в чине капитана в британском Генштабе, что является прикрытием для его должности в службе британской контрразведки. Имеет доступ к различным документам военной разведки, в том числе к агентурным данным о дислокации и перемещениях частей Красной Армии».

В январе 1941 года «Тони» передал своему куратору документы британской контрразведки, включающие материалы допросов предателя Вальтера Кривицкого. Из них следовало, что сбежавший в 1939 году из Нидерландов и опубликовавший в США мемуары под названием «Я был агентом Сталина» В. Кривицкий, являвшийся ранее сотрудником нелегальной резидентуры НКВД в Лондоне, в ходе допросов, проведенных британской контрразведкой, выдал противнику имена известных ему советских агентов в Великобритании. Эта информация представляла особую ценность для Москвы. К счастью, о «Кембриджской пятерке» предатель ничего не знал, и Центр решил продолжить работу с этими источниками.

В марте 1941 года «Тони» сообщил Вадиму, что перешел в отдел «В» британской контрразведки, где занимается проникновением в дипломатические представительства зарубежных стран в Лондоне. Это значительно расширило разведывательные возможности агента, а в годы войны имело принципиально важное значение для внешней разведки органов госбезопасности. Забегая вперед, скажем, что составленная Вадимом в апреле 1942 года справка о материалах, полученных от «Тони», показывает, насколько ценной была его информация именно в тот период, когда советская внешняя разведка лишилась многих своих источников информации в Европе.

Ким Филби, работавший в британской разведке, регулярно сообщал Вадиму имевшиеся в ее распоряжении сведения о планах и намерениях Гитлера в отношении нашей страны. Как показал дальнейший анализ, британские спецслужбы, имевшие надежную агентуру в Германии, в том числе и в окружении Гитлера, ожидали вторжения на Британские острова и только к весне 1941 года пришли к окончательному выводу о том, что очередной целью Берлина будет Советский Союз, а не Англия.

В марте 1941 года К. Филби передал Вадиму информацию об антисоветской фальшивке, сострепанной британской разведкой. В частности, в начале того года агенты МИ-6 подбросили в германское посольство в Вашингтоне материалы, в которых сообщалось:

«Из в высшей степени надежного источника стало известно, что СССР намерен совершить военную агрессию в тот момент, когда Германия предпримет какие-либо крупные военные операции».

Одновременно англичане по дипломатическим каналам доводили до советского руководства информацию о том, что Германия вскоре нападет на Советский Союз и давали понять, что Великобритания «не займет в отношении СССР враждебную позицию». Перехваченный советской разведкой документ был немедленно доложен Сталину, который в свете получаемой из Лондоном «официальной» информации сделал верный вывод о том, что англичане провоцируют войну между СССР и Германией, чтобы самим оказаться в положении «третьего радующегося».

Недоверие Сталина к политике Англии объяснялось еще и тем, что из донесений того же Кима Филби ему было известно содержание допросов заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса, перелетевшего 10 мая 1941 года на самолете в Шотландию и интернированного британскими властями. Шифровка, составленная на основании сведений на этот счет, полученных от К. Филби, поступила в Центр 14 мая. В ней сообщалось, что Гесс, по словам агента, прибыл в Англию для заключения компромиссного мира и добивается создания англо-германского союза в борьбе против СССР.

Центр немедленно разослал телеграфные запросы в Берлин, Лондон, Стокгольм, Вашингтон и Рим. Вскоре от источника в госдепартаменте США («Гит»), находившегося на связи у агента-групповода резидентуры НКВД в Вашингтоне «Звука», в Москву поступило следующее сообщение:

«Гесс прибыл в Англию с полного согласия Гитлера, чтобы начать переговоры о перемирии. Поскольку для Гитлера было невозможно предложить перемирие открыто без ущерба для немецкой морали, он выбрал Гесса в качестве своего тайного эмиссара».

Источник берлинской резидентуры «Юн» сообщал:

«Заведующий американским отделом Министерства пропаганды Айзендорф заявил, что Гесс находится в отличном состоянии, вылетел в Англию с определенными заданиями и предложениями от германского правительства».

Другой источник («Франкфурт») докладывал из Берлина:

«Акция Гесса является не бегством, а предпринятой с ведома Гитлера миссией с предложением мира Англии».

В информации, полученной берлинской резидентурой от «Экстерна», говорилось:

«Гесс послан Гитлером для переговоров о мире, и в случае согласия Англии Германия сразу выступит против СССР».

Несмотря на то, что Гитлер отмежевался от Р. Гесса и назвал его «сумасшедшим», английский министр иностранных дел Энтони Иден и лорд Бивербрук посетили нацистского эмиссара и провели зондаж его намерений. Хотя консервативный кабинет У. Черчилля не откликнулся на предложения Гитлера поделить территорию СССР между обеими странами, Сталин не исключал в будущем сговора между ними на антисоветской основе. Он обратил внимание на то, что англичане формально отвергли предложения Берлина, однако не поставили в известность Москву об их сути.

Сталин имел все основания не доверять Великобритании, несмотря на неоднократные предупреждения Лондона о возможной агрессии Гитлера. Однако в этой связи он не вполне доверял и сообщениям британских источников внешней разведки, сведения которых говорили о близящейся войне, считая, что речь может идти о британской или германской провокации. В результате этого недоверия к донесениям разведки жертвы советского народа в первый период Великой Отечественной войны были громадными.

Точной даты нападения Германии на СССР лондонская резидентура не смогла получить, хотя о ее приближении сообщали все источники. Так, Вадим получил от «Тони» перехваченную британскими спецслужбами шифртелеграмму японского генконсула в Вене от 9 мая 1941 года в свой МИД. 30 мая начальник советской внешней разведки доложил ее Сталину. В шифровке, в частности, говорилось:

«Германские руководители понимают сейчас, что для обеспечения Германии сырьевыми материалами... для длительной войны необходимо захватить Украину и Кавказ. Они ускоряют свои приготовления с тем, чтобы спровоцировать

конфликт, вероятно, во второй половине июня, до уборки урожая, и надеются закончить всю кампанию в 6–8 недель. В связи с этим немцы откладывают вторжение в Англию».

В японском документе говорилось о нападении Германии на нашу страну во второй половине июня. Поэтому 22 июня 1941 года Анатолий Горский встретил в большом напряжении. Рано утром эту горестную новость сообщило британское радио. Вечером того же дня с обращением к британскому народу по радио выступил премьер-министр У. Черчилль. Он заявил, что Англия окажет Советскому Союзу всю необходимую помощь в разгроме врага, «какая будет в ее силах».

Молодой резидент собрал весь оперативный состав своей немногочисленной резидентуры, чтобы мобилизовать его на выполнение разведывательных заданий военного времени. Сотрудник лондонской резидентуры того периода Владимир Борисович Барковский, которому 15 июня 1996 года было присвоено высокое звание Героя России, позже вспоминал:

«Памятное воскресенье 22 июня я встретил в загородной резиденции нашего посольства, где — подальше от немецких бомбежек — размещались семьи наших сотрудников. Известие о нападении фашистской Германии на Советский Союз прозвучало приказом отправиться в резидентуру и немедленно приступить к выполнению всего того, что потребует Родина. Резидентура в то время напряженно работала над восстановлением и реорганизацией агентурной сети, оставленной нашими предшественниками в конце 1930-х годов.

Основные оперативные и информационные задачи резидентуры в те первые дни войны потребовали сравнительно небольшой корректировки. Зато трудовой темп возрос настолько, что сейчас не без удивления вспоминаешь, как только успевали справляться, работая с многочисленными агентами разного профиля, находившимися на связи, и выполняя другие оперативные обязанности. Но все трудности оттеснялись на второй план сознанием огромной опасности, нависшей над нашей страной, страстным стремлением, хотя и вдали от Родины, встать на ее защиту всеми доступными средствами».

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Центр

направил в «легальную» резидентуру НКВД в Лондоне ряд директив о перестройке работы на военный лад. В них подчеркивалось, что вся разведывательная работа в этой стране должна подчиняться главной задаче — оказанию реальной помощи Красной Армии в разгроме врага. Лубянку в первую очередь интересовали разведывательные данные по Германии и оккупированным ею странам. Немалый интерес для Кремля представляли реальные планы английского правительства в отношении нашей страны, в частности, вопрос о том, насколько искренним является заявление У. Черчилля о военном сотрудничестве. Сталин исходил из того, что на протяжении последних лет Великобритания проводила прямо противоположную политику, всячески натравливая Гитлера на СССР, а в кабинете У. Черчилля было немало «мюнхенцев».

12 июля 1941 года премьер-министр Великобритании У. Черчилль посетил Москву. Он подписал с советскими руководителями соглашение о совместных действиях правительств двух стран в войне против Германии. Однако его визит не рассеял подозрений Сталина в отношении истинных целей Лондона в войне. Вскоре информация, полученная Вадимом от Гая Берджеса, подтвердила сомнения Сталина на этот счет.

После встречи в начале августа 1941 года британского премьера с президентом США Ф. Рузвельтом в гавани Арджентия на острове Ньюфаундленд (Канада) обе стороны подписали так называемую «Атлантическую хартию» о целях, которые они преследуют в войне. В ней были зафиксированы, в общем-то, приемлемые для Москвы формулировки. Однако в ходе личных бесед У. Черчилль убеждал американского президента в том, что в послевоенном мире должны доминировать Великобритания и США, причем Лондон должен играть первую скрипку в этом дуэте. Ф. Рузвельт, по сведениям Берджеса, «без особого энтузиазма» отнесся к идее У. Черчилля, поскольку имел несколько иное мнение на этот счет.

Москву также интересовали отношения Лондона с Вашингтоном по основным международным проблемам и возможные их разногласия. Одновременно Центр обязал резидентуру следить за развитием отношений Лондона с эмигрантскими правительствами Польши, Чехословакии, Югославии и других стран, нашедших убежище на территории Великобритании, а также за целым рядом других вопросов, связанных с ведением войны. Важное значение придавалось возможности сговора Англии и Германии на антисоветской основе и заключения сепаратного мира между ними. События последних месяцев войны показали, что Сталин был в целом прав, поскольку в конце войны англичане за спиной

своего советского союзника вели в Риме, Берне и Стокгольме сепаратные переговоры об условиях выхода Германии из вооруженного конфликта на западе Европы и продолжении его на Востоке.

Следует отметить, что в начале Второй мировой войны в Великобритании действовала только одна, «легальная», резидентура, возглавляемая Вадимом, в которой на 22 июня 1941 года было четыре оперработника. Для решения вышеперечисленных разведывательных задач этих сил было явно недостаточно. Поэтому уже в конце 1941 года начальник внешней разведки П. М. Фитин направил в Великобританию еще двух сотрудников. В первые месяцы Великой Отечественной войны лондонская резидентура добывала важную внешнеполитическую информацию, значение которой трудно переоценить.

В частности, как уже отмечалось, благодаря «Кембриджской пятерке», внешняя разведка имела постоянный доступ к секретным документам военного кабинета Англии, была в курсе переписки премьер-министра У. Черчилля с президентом США Ф. Рузвельтом и другими главами государств и правительств. Лондонская резидентура НКВД читала переписку министра иностранных дел Э. Идена с британскими послами в Москве, Вашингтоне, Стокгольме, Мадриде, Анкаре, Тегеране и других столицах стран мира. Через А. Бланта она получила доступ к секретным сводкам английской разведки. Таким образом в резидентуру стекалась достоверная информация непосредственно из правительственных кругов Англии и ее спецслужб. Накануне своих переговоров с британским премьер-министром У. Черчиллем И. Сталин детально ознакомился с разведывательными сообщениями из Лондона, что позволяло ему правильно ориентироваться в темных лабиринтах политики английского кабинета.

В самый тяжелый начальный период войны, когда разведывательная работа в других странах была парализована или велась слабо, руководимая Вадимом лондонская резидентура стала основным источником информации советского руководства по Германии и антигитлеровской коалиции. Ею было добыто и направлено в Центр около 8 тысяч документальных материалов по политическим, свыше 100 — по экономическим и 715 — по военным вопросам. Одновременно из резидентуры поступило 50 документальных материалов о деятельности разведывательных органов Англии и других стран. В условиях острого дефицита достоверной информации эти сведения представляли для Москвы исключительную ценность. А всего за годы Великой Отечественной войны из Лондона было направлено около 20 тысяч

информационных сообщений по различной тематике.

Однако помимо военно-политических вопросов Центр волновали и другие, не менее важные проблемы. Еще в конце 1940 года из Москвы по инициативе начальника научно-технического подразделения разведки Леонида Романовича Квасникова в лондонскую резидентуру, а также в резидентуры в США и Германии, поступила директива приступить к получению сведений о возможных работах в этих странах по созданию атомного оружия. Проблема эта была новой, неизвестной. Кроме того, лично Л. Берия на первом этапе считал ее явно надуманной и расценивал как попытку отвлечь разведку от решения основных задач в условиях начавшейся в Европе войны. Но уже в сентябре 1941 года Вадим направляет в Центр доклад «Уранового комитета» премьер-министру У. Черчиллю. В этом документе говорилось о начале работ по созданию в Великобритании и США атомной бомбы, о ее предполагаемой конструкции и о перенесении в США центра тяжести исследований и производства в связи с военной обстановкой в Европе. Документ был получен Вадимом от Джона Кернкросса («Лист») и в дальнейшем сыграл важную роль в том, что в Москве всерьез отнеслись к проблеме создания атомного оружия.

Благодаря упорному труду Вадима и всех сотрудников его резидентуры, уже в 1942 году Центру стало ясно, что работа с «Кембриджской пятеркой» представляет особый интерес для внешней разведки. В связи с тем, что резидент был перегружен вопросами, связанными с руководством заграничным аппаратом, а также встречами с другими важными источниками, в Центре было принято решение о подключении к организации встреч с членами «пятерки» сотрудника резидентуры Бориса Михайловича Крешина. Он проводил конспиративные встречи с агентами, получал от них документальную разведывательную информацию, обрабатывал ее и на следующий день возвращал документы. Такая организация работы позволила значительно увеличить результативность источников и разгрузить резидента. Сам Вадим периодически проводил контрольные встречи с членами «Кембриджской пятерки» и руководил их работой.

Однако не все было безоблачно в работе с этими выдающимися разведчиками. В середине 1942 года Центр засомневался в искренности «пятерки». А дело заключалось в том, что А. Блант, являясь сотрудником британской контрразведки, с течением времени получил доступ к материалам ее дешифровальной службы — сверхсекретного отдела ISOS — Intelligence Source Oliver Srtachey, — что можно перевести как «Источник разведанных Оливера Стрейчи». Эта спецслужба была названа так по

имени легендарного британского дешифровальщика времен Первой мировой войны О. Стрейчи, который в дальнейшем являлся экспертом британского МИД по кодам и шифрам, а в годы войны возглавлял ISOS.

Накануне нападения Германии на Польшу польской разведке удалось получить образец немецкой шифровальной машины «Энигма». С началом оккупации страны поляки передали машину англичанам, которые, используя ее, получили доступ ко всей зашифрованной переписке гитлеровской Германии, в том числе к шифровкам абвера. Эта операция получила название «план «Ультра»». Руководил ею начальник ISOS О. Стрейчи. Материалы операции были совершенно секретными и не поступали в другие отделы британской контрразведки (МИ-5). Однако благодаря А. Бланту Москва была в курсе переписки германских вермахта и абвера.

В одном из оперативных писем в Центр Б. Крешин упомянул о том, что А. Блант «связан с начальником русского отделения МИ-5 Шилитто, который утверждает, что британская контрразведка против нас фактически не работает». Эта фраза насторожила Центр и, как показало дальнейшее развитие событий, негативно отразилась на работе лондонской резидентуры с агентами. В ответ на донесение Б. Крешина о встречах с А. Блантом 26 августа 1942 года в Лондон пришло оперативное письмо, в котором Центр проанализировал всю его работу с «Кембриджской пятеркой». В нем отмечалось, что Ким Филби и Антони Блант «подозрительно преуменьшают работу английской разведки и контрразведки против советских представителей в стране». Центр считал это «абсурдом», поскольку, согласно материалам того же Бланта, МИ-5 «активно разрабатывает югославскую и шведскую дипломатические миссии, а нас — нет».

В последующих письмах с Лубянки отмечалась «неискренность» Бланта, поскольку-де в передаваемых им сводках наружного наблюдения британской контрразведки не фигурируют советские разведчики. Сотрудник Центра, который вел дело «пятерки», видимо, исходил из простой логики: если советская контрразведка держит под плотным «колпаком» британских представителей в Москве, то и британские спецслужбы обязаны поступать аналогичным образом.

Недоверие Центра к «Кембриджской пятерке» объяснялось еще и тем, что до лета 1943 года, когда во внешней разведке было создано отдельное информационное подразделение, все донесения агентов докладывались непосредственно Сталину. Верховный Главнокомандующий знал, что с тремя членами «пятерки» работал лично известный ему разведчик-нелегал

Александр Орлов (Швед), который летом 1938 года отказался возвратиться в Москву из Мадрида и сбежал в США. Он направил личное письмо Сталину, в котором заявил, что не выдаст никого из известной ему агентуры (а знал он около 60 агентов), если НКВД не тронет его мать. Свое слово Швед, кстати, сдержал. Поэтому Сталин, пользуясь информацией «пятерки», одновременно высказывал сомнения насчет ее искренности. Слова вождя, естественно, воспринимались сотрудниками разведки как «руководство к действию».

Исчерпывающий ответ на этот вопрос был дан в октябре 1942 года. А. Блант пояснил на встрече с оперработником, что для британских спецслужб приоритетной является борьба с германским шпионажем. Поскольку немецких представителей в стране нет, контрразведка разрабатывает посольства нейтральных стран и их сотрудников, которые могут работать на абвер. Английская служба наружного наблюдения насчитывает всего 36 сотрудников, которые ведут слежку за дипломатами нейтральных стран, которые подозреваются в сборе информации по Англии для гитлеровской разведки. К таковым МИ-5 относил Швецию, Испанию, Португалию и Ирландию.

Что же касается советского полпредства, то оно разрабатывается британскими спецслужбами путем активного проникновения в компартию Великобритании: в МИ-5 были глубоко убеждены в том, что Москва использует Коминтерн для ведения разведки за рубежом. В 1943 году по предложению Сталина Коминтерн был распущен.

Эти разъяснения, направленные Вадимом в Москву, на некоторое время успокоили Центр. В апреле 1943 года он запрашивает лондонскую резидентуру о том, где США и Великобритания намереваются высадить свои войска в Европе — на Балканах или в Италии. Это было, своего рода, проверкой искренности агентов «Кембриджской группы». Ответ, полученный от А. Бланта, был однозначным: вторжение союзников в Европе начнется 8 сентября высадкой в Неаполе (операция «Аваланч») и на юге Италии — в районе Сицилии и Сардинии (операции «Баттресс» и «Байтаун»). Сведения совпадали с имевшимися в Центре.

Одновременно от Дж. Кернкросса, служившего в Школе правительственной связи в Блетчли-парке, которая занималась дешифровкой германских шифртелеграмм по «плану «Ультра», пришло сообщение о том, что в 1943 году немцы предпримут летнее наступление в районе Курской дуги. Эти сведения получили высокую оценку советского командования и вскоре блестяще подтвердились на практике. Начальник ГРУ Генерального штаба Советской Армии генерал-лейтенант Кузнецов в

письме на имя начальника внешней разведки П. Фитина сообщил, что «получаемые сведения приносят большую пользу» и что «желательно пересылать их как можно быстрее».

Информация А. Бланта и Дж. Кернкросса о планах немецкого командования на лето 1943 года удержала руководство внешней разведки от поспешных действий в отношении «Кембриджской пятерки», однако только на время. В конце 1943 года, когда резидентом НКГБ в Лондоне был уже Константин Михайлович Кукин, прежние подозрения в отношении их искренности возникли вновь. Причиной послужила полученная от К. Филби шифртелеграмма японского МИД от 4 октября без последнего абзаца, который британские спецслужбы не сумели дешифровать. По мнению Центра, в этом абзаце должна была содержаться весьма важная, но невыгодная Лондону информация. Центр опять сделал неверный вывод о том, что вся «пятерка», или, по крайней мере, отдельные ее члены, работает под контролем британских спецслужб.

Анатолию Горскому, работавшему в то время уже в Центре, и новому резиденту пришлось затратить немало сил и труда, чтобы доказать обратное. С целью проверки надежности К. Филби они подготовили в октябре 1943 года задание для агента достать материалы о сотрудничестве между британской и советской разведками. Сравнительный анализ материалов, полученных от К. Филби и имевшихся в Центре, показал, что «тексты отдельных документов полностью совпадали». И только после этого Центр окончательно убедился в том, что «Кембриджская пятерка» абсолютно искренне сотрудничает с советской разведкой.

В мае 1943 года на смену Анатолию Горскому в Лондон в качестве резидента внешней разведки прибыл Константин Кукин. Передав ему дела, Горский отбыл на Родину. В январе 1944 года он был назначен заместителем начальника отдела Первого управления НКГБ СССР. За получение упреждающей информации о летнем наступлении вермахта в районе Курской дуги А. Горский был отмечен в 1943 году орденом «Знак Почета». А. Блант и Дж. Кернкросс были награждены советскими боевыми медалями. В 1944 году он был награжден нагрудным знаком «Заслуженный работник НКГБ».

В служебной характеристике, составленной на Анатолия Вениаминовича в связи с назначением его на должность заместителя начальника отдела, отмечалось:

«В долгосрочной загранкомандировке находился с 1936 по март 1940 и с октября 1940 по июнь 1943 г. Несмотря на то,

что в течение первых четырех лет был единственным работником в резидентуре, успешно справился с работой. Последние годы работал в условиях военного времени. Сумел добиться хороших результатов».

Это была высокая оценка труда А. В. Горского и возглавляемой им «легальной» резидентуры. Работая в Центре, он руководил деятельностью резидентур в Англии, США и Канаде, анализировал поступающую из заграничных аппаратов политическую, научно-техническую и экономическую информацию.

Однако вскоре было принято решение о направлении А. В. Горского резидентом НКГБ в Вашингтон. Помимо всего прочего, оно объяснялось еще и тем, что в США на дипломатическую работу был переведен Дональд Маклейн, с которым Горский работал в Лондоне в предыдущие годы. Кроме того, в США полным ходом шли работы по созданию атомного оружия, и из Англии в ядерный центр, расположенный в Лос-Аламосе, выехал надежный агент советской разведки Клаус Фукс, работу с которым ранее вела лондонская резидентура.

На новое место работы Анатолий Вениаминович прибыл в октябре 1944 года. В США он курировал разведывательную деятельность сотрудника посольства Великобритании в Вашингтоне, члена «Кембриджской пятерки» Д. Маклейна, а также агентурную сеть Якова Голоса (оперативный псевдоним «Звук»).

К приезду Горского в Вашингтон в США находилось 18 оперативных работников и действовало три резидентуры. Внешняя разведка органов госбезопасности имела на связи несколько десятков агентов, что позволяло Кремлю быть в курсе всех основных политических, военных и научно-технических проблем этой страны. С целью обеспечения безопасности в работе все агенты были сведены в ряд агентурных групп, возглавляемых агентами-групповодами. Это значительно упрощало работу с источниками информации, поскольку до этого у каждого сотрудника «легальной» резидентуры на связи находилось до двадцати агентов. Одним из таких групповодов был Я. Н. Голос.

Наша справка:

Яков Наумович Голос («Звук») — уроженец России, активно участвовал в революционном движении, был сослан в Сибирь,

откуда сбежал и через Японию прибыл в США. Здесь женился на местной гражданке и приобрел американское гражданство. С внешней разведкой начал сотрудничать в 1930 году. По заданию резидента Петра Гутцайта приобрел ряд ценных источников информации в наиболее важных министерствах США, в немецких организациях в этой стране, в американских и британских спецслужбах. Информация, поступавшая от агентурной сети «Звука», имела исключительное значение для Центра и позволяла Москве быть в курсе внешней и внутренней политики американской администрации. Она учитывалась при выработке политики СССР в отношении США, проведении внешнеполитического курса советского правительства, а также способствовала укреплению обороноспособности нашей страны и повышению эффективности ее экономики.

Руководимая А. В. Горским резидентура внешней разведки в Вашингтоне имела источники информации в важнейших государственных учреждениях этой страны. В 1944 году она добыла ряд ценных документов правительств США и Великобритании по вопросам послевоенного устройства в Германии и других странах гитлеровского блока, материалы переписки Черчилля с Рузвельтом о предстоящей оккупации Европы и многие другие ценные сведения. 23 и 28 января 1945 года руководитель внешней разведки П. М. Фитин доложил Сталину основные документы правительств США и Англии, подготовленные ими к Крымской конференции глав правительств, на которой обсуждались вопросы окончания войны и послевоенного устройства. Эти документы получили высокую оценку и позволяли Сталину успешно отстаивать интересы Советского Союза и Польши на переговорах с Черчиллем и Рузвельтом о будущих границах в Европе.

В начале 1943 года в США была создана самостоятельная резидентура по добыванию научно-технической информации. Ее возглавил Леонид Квасников, ранее руководивший подразделением научно-технической разведки, входившим в состав отдела, заместителем начальника которого являлся А. В. Горский. В 1944 году возглавляемая Квасниковым резидентура НТР направила в Центр свыше 400 материалов, в том числе отчеты по работам крупнейших научных учреждений США в области атомной энергии (т. н. «Манхэттенский проект»). Резидентурой НТР, в частности, был получен проект первого американского уранового котла, данные о строительстве завода по производству урана-235 и другие, не

менее важные, сведения. Эти материалы представили громадный интерес и большую ценность для советских ученых и позволили им создать советскую атомную бомбу в кратчайшие сроки.

Помимо материалов по «Манхэттенскому проекту» резидентура НТР в США получила ценные данные по радиолокации, сведения по реактивным двигателям и самолетам различных фирм, представившие большой интерес для советских авиаконструкторов, а также другие материалы, получившие высокую оценку советских ученых. Примерно треть из них нашла применение в народном хозяйстве СССР. Немалая заслуга в этом была и А. В. Горского, осуществлявшего общее руководство деятельностью советских разведчиков как по линии политической, так и научно-технической разведки.

В Вашингтоне Анатолий Вениаминович находился до 1946 года, когда в США из Японии перебежал работавший там сотрудник советской внешней разведки Растворов. Поскольку предатель лично знал А. В. Горского, Центр принял решение отозвать резидента на Родину. Анатолий Вениаминович был назначен начальником 1-го (англо-американского) отдела Первого главного управления МГБ СССР. Он руководил работой резидентур внешней разведки в США, Англии и Канаде. В 1947–1950 годах неоднократно выезжал в кратковременные заграничные командировки для выполнения ответственных разведывательных заданий.

В 1953 году А. В. Горский был переведен на руководящую работу во Второе главное (контрразведывательное) управление МГБ СССР, где трудился до выхода в отставку в 1967 году. Выполнял ответственные оперативные поручения по линии контрразведки.

Выйдя в отставку, в соавторстве с другим бывшим сотрудником внешней разведки Л. П. Василевским перевел книгу известного британского писателя-историка Рафаэля Саббатини «Одиссея капитана Блада», которая до сих пор пользуется большой популярностью у читателей.

Анатолий Вениаминович скончался 28 августа 1980 года в Москве.

За достигнутые положительные результаты в разведывательной работе полковник Горский был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета», а также многими медалями.

Команданте Грегорео

Летом 1938 года в мадридскую резидентуру НКВД ушла телеграмма с Лубянки, в которой старшему военному советнику 14-го специального республиканского корпуса, старшему майору НКВД Григорию Сыроежкину предписывалось отбыть в Москву. Прибыв в столицу в конце того же года, он поселился в гостинице «Москва». Однажды вечером в его уютном номере раздался телефонный звонок. Звонил старый приятель по Иностранному отделу, который доверительно сообщил Григорию, что недавно подписан и объявлен «кому надо» закрытый Указ Президиума Верховного Совета СССР о его награждении в группе других чекистов за особые заслуги в борьбе с фашизмом в республиканской Испании. Приятель намекнул, что это дело неплохо бы отметить. Григорий на радостях спустился в дежурный ночной буфет, купил бутылку отборного коньяка и поспешил на встречу с товарищем. Однако у дверей гостиничного номера разведчик столкнулся с тремя незнакомыми людьми, которые предъявили ему ордер на арест...

25 января 1900 года в крестьянской семье Сергея Лаврентьевича Сыроежкина, проживавшей в селе Волково тогдашнего Балашовского уезда Саратовской губернии, родился сын, которого родители назвали Гришей. В 1905 году, после начала русско-японской войны, отца забрали в армию и направили в Закавказье — младшим каптенармусом Тифлисского кадетского корпуса. Дослужив до конца войны, Сергей Сыроежкин уволился в запас и остался на этой же должности. Сняв небольшую квартирку, он вызвал к себе семью. Его жена Агафья Кирилловна собрала нехитрый скарб, заколотила дом и отправилась к мужу в Тифлис с Гришей и его младшим братом Константином.

Отец отдал Григория учиться в городскую гимназию. Однако с малых лет мальчик мечтал о военной службе: любил смотреть на строевые занятия, с удовольствием, когда ему разрешали, карабкался на спину оседланной лошади, долгие часы проводил в местной оружейной мастерской.

Григорий рос крепким и не по годам сильным. Когда ему пошел четырнадцатый год, он увлекся цирком. Это было настолько сильное увлечение, что Сыроежкин стал учеником знаменитых борцов Ивана Поддубного и Ивана Лебедева, гастролировавших в то время в Тифлисе. В неполные шестнадцать лет Григорий начал выходить на арену, чтобы

померяться силами со зрителями. Помимо борьбы, в цирке он овладел искусством фокусника, научился джигитовке и многому другому, что могло пригодиться в жизни артиста. Но в одном из поединков противник сломал Григорию правую руку, и с карьерой борца пришлось расстаться.

Началась Первая мировая война, и Григорий решил во что бы то ни стало попасть на фронт. В начале 1915 года, приписав себе несколько лет, он вступил добровольцем в 1-й Кавказский стрелковый полк. Всего месяца длилась солдатская служба Григория. Разобравшись в его метриках, военное начальство отправило несовершеннолетнего солдата домой, в Тифлис.

Возвратившись в семью, Григорий устроился на должность письмоводителя в управление Закавказской железной дороги. Экстерном сдал экзамены за четырехклассный гимназический курс.

После Октябрьской революции 1917 года семья Сыроежкиных решила вернуться в родное село Волково, где начался раздел помещичьей земли. Однако крестьянская жизнь не прельщала Григория, и летом 1918 года он добровольно вступает в Красную Армию — становится рядовым красноармейцем 6-го Заамурского кавалерийского полка 4-ой партизанской армии, которой командовал известный революционер Василий Киквидзе и которая в августе 1918 года была преобразована в регулярную дивизию. Воевал Григорий на Южном фронте, участвовал в героической обороне Царицина. Позже, в своей автобиографии Сыроежкин скромно отмечал:

«Находясь в составе Красной Армии, участвовал в перестрелках на Южном фронте в районе Елани и в районе станции Мачеха, будучи красноармейцем дивизии Киквидзе (6-й Заамурский полк и особая рота)».

В октябре 1918 года приказом Реввоенсовета была образована 9-я армия, в которую вошла дивизия Киквидзе. С созданием армии был организован и ее реввоентрибунал, в котором вскоре пришлось служить Сыроежкину.

... Однажды вместе с группой красноармейцев Григорий отправился в соседний район за фуражом. Документы этой группы были оформлены неправильно, и красноармейцы были задержаны военным патрулем по подозрению в мародерство и доставлена в реввоентрибунал. К счастью, работники трибунала во всем тщательно разобрались и освободили красноармейцев из-под стражи. Григорию и здесь повезло: в трибунале требовался грамотный писарь, и ему предложили эту должность. Работая в

трибунале, Сыроежкин получил основы юридических знаний. В декабре 1919 года он был назначен комендантом Реввоентрибунала 9-й армии. В том же году вступил в члены РКП(б).

Весной 1920 года следует новое назначение: Сыроежкин был откомандирован на работу в Новочеркасскую чрезвычайную комиссию. Один из коллег Сыроежкина по работе в реввоентрибунале и в Новочеркасской ЧК вспоминал:

«Я не погрешу против истины, если скажу, что в оперативной работе чрезвычайной комиссии он находил полное удовлетворение своим наклонностям. Он был сообразительным, быстрым в движениях, сильным физически. Ему импонировало то, что результаты его оперативной работы получались тут же, сразу и полностью зависели от того, как он построит и приведет в исполнение задуманный им оперативный план».

Однако работа Григория в ЧК длилась недолго. Через четыре месяца его направили следователем в реввоентрибунал Кавказского фронта. А в январе 1921 года Сыроежкин был вызван в Москву и назначен следователем Ревтрибунала Российской Республики. Служил в трибунале на различных должностях до августа месяца. В этот же период направлялся в Тамбовскую губернию для подавления антоновского мятежа. Там, руководя специальной группой, Григорий Сыроежкин провел успешную совместную операцию с эскадроном, которым командовал будущий маршал Советского Союза Георгий Жуков. Участвовал Сыроежкин и в ликвидации банды Попова с своим родном Балашовском уезде Саратовской губернии.

В сентябре 1921 года Григорий Сыроежкин был переведен из Реввоентрибунала Республики в Контрразведывательный отдел (КРО) ВЧК. Принимал непосредственное участие в операции «Синдикат-2», направленной на разгром савинковской террористической организации «Союз защиты Родины и свободы».

... От Менжинского и Артузова Сыроежкин получил задание: под фамилией Серебрякова он должен был пересечь польскую границу, выйти на контакт с польской разведкой и от имени легендарной чекистами организации «Либеральные демократы» передать ей ряд документов, подтверждающих наличие в Советской России влиятельной группы заговорщиков, готовых свергнуть при иностранной помощи советскую власть.

Советско-польскую границу разведчик преодолел без труда и

благополучно добрался до Вильно, отторгнутого панской Польшей у Литвы. Однако на оживленной улице города Сыроежкин столкнулся с неким Стржелковским, с которым он ранее работал в ревтрибунале 9-й армии и которого не без его участия отчислили оттуда за моральное разложение. Поляк сразу же узнал разведчика. В беседе он рассказал, что недавно переселился в Польшу, но остался без работы и бедствует. Григорий в ответ наспех придумал, будто он разочаровался в советской власти, порвал с ней и решил уйти «куда глаза глядят».

Расстались они нормально, договорившись о новой встрече. Тем не менее вскоре после этого случая Григорий был задержан и доставлен в полицию. Там уже находился Стржелковский, донесший на него. Разведчик в ответ на предъявленные обвинения заявил, что Стржелковский — полностью разложившийся элемент, пьяница и наркоман, который мстит ему по личным мотивам. Зная Стржелковского с самой отрицательной стороны, полицейские отпустили Сыроежкина и даже извинились перед ним. Успешно прошла и его встреча с капитаном польской разведки Секундой. Поляк выразил удовлетворение полученной информацией и принес извинения за «недоразумение с полицией».

Вернувшись в Москву, Сыроежкин подробно доложил о происшествии. После всестороннего обсуждения проблемы было принято решение вновь направить его с заданием за кордон. На этот раз Сыроежкину-Серебрякову предстояло доставить в Вильно два пакета. В одном из них находилось письмо полковника Павловского Борису Савинкову, в котором последнему предлагалось посетить Россию, чтобы лично возглавить антисоветскую оппозицию. Другой пакет содержал фотокопию секретного приказа народного комиссара по военным и морским делам о проведении маневров вблизи польской границы. По просьбе руководства ОГПУ этот «приказ» был специально подготовлен в единственном экземпляре для дезинформации противника. Он содержал все необходимые атрибуты настоящего документа.

Однако в Вильно Сыроежкина встретил не капитан Секунда, а другой офицер польской офензивы (разведки) капитан Майер. Когда Сыроежкин передал ему привезенные материалы, Майер откровенно обрадовался липовому приказу. Григорий, видя такую реакцию, намекнул ему об оплате полученных сведений. Капитан, не колеблясь, выложил кругленькую сумму и сказал:

— Только вот распишитесь здесь, пожалуйста, пан Сыроежкин.

— Я уж и забыл, когда был Сыроежкиным, — обиженно сказал Григорий. — И называть меня этим именем — большой грех, пан

капитан. — Где тут расписаться?

И аккуратно расписался: «Серебряков».

Майер не возражал и согласился передать Б. Савинкову пакет от полковника Павловского.

Подготовленные чекистами «разведданные» получили высокую оценку польских спецслужб и представителя Второго бюро (военной разведки) генштаба французской армии Готье, на связи у которого находился Б. Савинков в качестве агента французской разведки. Ознакомившись с документом, Готье поздравил Б. Савинкова с большим успехом его организации.

В тот же день Сыроежкин отправился в Москву. Он отчитался о результатах своей поездки перед Артузовым и Менжинским. О его работе по «Синдикату-2» было доложено Дзержинскому. В дальнейшем Сыроежкин еще не раз выезжал с ответственными и опасными поручениями в Польшу, рискуя своей жизнью.

В результате операции «Синдикат-2» чекистам удалось заманить Бориса Савинкова в Москву. Против этой поездки возражал даже близкий друг Савинкова — Бурцев, прославившийся разоблачением провокатора Департамента полиции Азефа. Он заявил, что Савинков идет на верную гибель, так как неизбежно попадет в расставленные чекистами сети.

После консультаций с сотрудником британской разведки Сиднеем Рейли и обсуждения всех деталей предстоящей поездки, Борис Савинков и ряд его сподвижников в начале августа 1924 года выехали из Парижа. В ночь на 15 августа они нелегально перешли советскую границу, были арестованы и доставлены на Лубянку. 29 августа Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла Б. Савинкову смертный приговор. Президиум ВЦИК заменил его на лишение свободы сроком на десять лет. В мае 1925 года Б. Савинков выбросился из окна кабинета следователя, находившегося на пятом этаже здания на Лубянке.

По результатам операции «Синдикат-2» группа чекистов была награждена орденами. В представлении к награждению, подготовленном заместителем начальника КРО Р. А. Пилляром, в частности, говорилось (стиль оригинала сохранен):

«... Тов. Сыроежкин Григорий Сергеевич принимал активное участие в разработке дела Савинкова, неоднократно рискуя жизнью.

Состоял официально сотрудником ОГПУ, посылался неоднократно в Польшу. Во время поездок, чрезвычайно

рискованных, проявив огромную находчивость и смелость.

Лишь благодаря этому ему удалось избежать почти неминуемого ареста, влекшего за собой неминуемый расстрел и провал разработки дела.

Ходатайствую о награждении его орденом Красного Знамени».

Вместе с другими чекистами Григорий Сыроежкин продолжал активно бороться с белогвардейским подпольем в Советском Союзе. В сентябре 1925 года он участвовал в операции «Трест» по выводу в СССР и аресту английского разведчика и авантюриста Сиднея Рейли. Последний был замешан, в частности, в так называемом «заговоре послов», направленном сразу же после Октябрьской революции на свержение советского правительства, в 1918 году заочно судим и объявлен «врагом трудящихся, стоящим вне закона РСФСР».

В операции «Трест» Сыроежкин действовал под именем Щукина — боевика ранее разгромленной чекистами «Монархической организации Центральной России» (МОЦР). Операция завершилась арестом Сиднея Рейли. Приговор, вынесенный международному авантюристу в 1918 году, был приведен в исполнение 5 ноября 1925 года.

Работая в основном по делам «Синдиката-2» и «Треста», Сыроежкин одновременно систематически привлекался к выполнению и других заданий. В частности, в 1924 году Григорий Сергеевич руководил ликвидацией банды Даниила Иванова, перешедшей на территорию Белоруссии в районе Столбцов.

Осенью 1925 года Сыроежкин был направлен в распоряжение полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В те времена, как и сегодня, в этом регионе широко распространился бандитизм. Бандиты нападали на нефтепромыслы, поезда, убивали советских работников, учителей, женщин. Вооруженные налеты они совершали и на предместья Грозного. В составе оперативно-разведывательного отряда Сыроежкин участвовал в выявлении и ликвидации наиболее активных головорезов. Опираясь на помощь бойцов местной самообороны, отряд чекистов сумел успешно провести ряд операций по разоружению бандформирований.

В 1928 году Г. Сыроежкин был командирован в Якутию, где японские агенты из числа бывших белогвардейцев готовили вооруженное восстание с целью создания марионеточного правительства и отделения Якутии от СССР. Благодаря успешной контрразведывательной операции, проведенной

Сыроежкиным и его подчиненными, заговор был ликвидирован.

... Имена заговорщиков чекистам были хорошо известны, однако жили они в прекрасно охраняемых торговых факториях. Свой оперативный отряд Сыроежкин разделил на несколько групп, чтобы операцию по задержанию заговорщиков провести одновременно. Сам он с помощником и проводником-якутом направился в факторию, где укрывался руководитель заговора — бывший кадровый офицер царской и колчаковской армий штабс-капитан Шмидт. Представившись ревизором Потребсоюза и предъявив соответствующие документы, Григорий начал знакомиться с делами фактории. На третий день, попросив Шмидта проводить его до околицы, Сыроежкин, обладавший огромной физической силой, арестовал его.

В 1929 году вспыхнул вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), кратчайшим путем связывавшей Сибирь с Дальним Востоком. Сыроежкин был направлен в Бурятию, где возглавил оперативный отряд по борьбе с местными бандитами. Одновременно чекисты совершали рейды по тылам китайских войск.

В 1930–1931 годах по просьбе монгольских коллег Сыроежкин участвовал в операциях против банд в Ойратии, на севере Монголии.

В 1932 году коллегия ОГПУ наградила Сыроежкина именным оружием. В том же году, как имеющий большой опыт борьбы с белогвардейским подпольем, он получает назначение на ответственную работу в Белоруссию, где руководит ликвидацией подпольных националистических организаций. За проявленное мужество награждается золотыми часами.

После Белоруссии Г. С. Сыроежкин получает новое назначение, на этот раз — в Ленинград. Там он участвует в контрразведывательных операциях по ликвидации созданных германской разведкой ряда шпионских и террористических групп. Эти группы действовали под прикрытием нескольких германских коммерческих представительств. При проведении оперативных мероприятий Сыроежкин выезжал по линии ИНО ОГПУ в Германию, Норвегию, Финляндию и Швецию для проведения встреч с агентурой. В Хельсинки, например, он провел конспиративную встречу с одним из бывших руководителей Кронштадского мятежа Степаном Петриченко, который подробно информировал разведчика о военных приготовлениях на финско-советской границе.

В 1936 году Г. С. Сыроежкину за «особые оперативные заслуги и боевые подвиги» было присвоено звание майора госбезопасности, что соответствовало воинскому званию генерал-майора.

В 1936 году в Испанском Марокко вспыхнул фашистский мятеж. Вскоре мятежникам удалось высадиться на территории Испании, и в стране началась гражданская война. Со всего мира в Испанию на помощь республиканцам спешили добровольцы. Среди них были и советские чекисты, в том числе будущие герои Советского Союза С. Ваупшасов, К. Орловский, Н. Прокопюк, А. Рабцевич.

Григорий Сыроежкин написал три рапорта на имя руководства НКВД, прежде чем получил разрешение на отъезд в Испанию.

Используя свой богатый оперативный опыт, Сыроежкин, являвшийся сотрудником резидентуры НКВД, занимается подготовкой специальных партизанских и диверсионных групп республиканской армии для ведения борьбы в тылу франкистов. По его инициативе были созданы партизанские отряды, батальоны, бригады. Осенью 1937 года они были объединены в знаменитый 14-й специальный корпус, который осуществлял боевые операции на всех фронтах вплоть до окончания гражданской войны в стране. Сыроежкин стал старшим военным советником командира корпуса Доминго Унгурия. Он организовал разведывательно-диверсионную школу, в которой бойцы обучались премудростям партизанской борьбы.

В одном из докладов резидента НКВД в Испании А. М. Орлова в Центр от 9 декабря 1937 года, в частности, отмечалось:

«Проводимая в тылу «Д» работа (литерой «Д» в служебной переписке того времени обозначалась разведывательно-диверсионная деятельность партизанских подразделений на фронтах и в тылу противника. — Прим. авт.) привела к серьезному расстройству отдельных участков тыла франкистов и значительным материальным убыткам и людским потерям. Бесперывные и последовательные действия наших «Д» групп, применение ими самых разнообразных, быстро меняющихся и постоянно совершенствующихся методов, охват нами почти всех решающих участков фронта, продвижение «Д» действий в глубокий тыл вызвали большую панику в фашистских рядах. Об этом говорят все донесения разведки и нашей агентуры, это подтверждается также и рядом известных нам официальных материалов (газетные статьи, приказы фашистов, радиопередачи.

Это состояние фашистского тыла, пребывание франкистов в постоянном напряжении, непрерывно преследующий их страх перед «проделками красных динамитчиков», подчас преувеличенный и раздуваемый всевозможными слухами, мы считаем основным достижением в «Д» работе.

Нам точно известно, что для борьбы с диверсиями фашисты

вынуждены держать в тылу значительные воинские силы и вооруженные группы фалангистов. Все, даже незначительные, объекты усиленно охраняются. В августе 1937 года командующий Южным фронтом фашистов генерал Кьяппо де Льяно издал приказ, объявляющий на военном положении провинции Севилья, Уэльва и Бадахос. Мероприятия фашистского командования, связанные с реализацией этого приказа, предусматривают отвлечение с фронта значительных воинских сил».

Сам Григорий Сыроежкин неоднократно лично участвовал в выполнении специальных заданий командования в тылу врага. За проявленное мужество он был награжден орденом Ленина.

В Испании Сыроежкин встретил сына Бориса Савинкова. Лев Борисович Савинков вырос в эмиграции, работал шофером во Франции. С началом гражданской войны в Испании направился добровольцем на фронт против франкистов. Отважно сражался в Интернациональной бригаде. Сыроежкин способствовал тому, что Лев Савинков стал капитаном Республиканской армии. Осенью 1938 года, накануне поражения республиканцев, Сыроежкин переправил его во Францию. Во время оккупации Франции Лев Савинков участвовал во французском движении Сопротивления и героически сражался с врагом. В августе 1944 года он в составе группы из отряда «Союза русских патриотов» водрузил красный флаг над зданием советского посольства в Париже.

В 14-м специальном корпусе республиканцев Сыроежкина называли Грегорео Грандэ — Григорий Большой. Бойцы обращались к нему: команданте Грегорео. Сыроежкин был всеобщим любимцем. Товарищи по вооруженной борьбе с фашизмом ценили его за смелость, честность, профессиональное мастерство, доброе, человеческое отношение к людям, бескорыстие. Григорий, например, был готов поделиться последним сухарем с бойцом, прикрыть его в бою. Он умел подбодрить, развеселить бойцов, был богат на выдумку. Вспомнив, например, свое прежнее мастерство фокусника, он любил развлекать друзей различными трюками.

В 1937 году на военнотружущих и чекистов обрушились репрессии. Нарком внутренних дел Н. Ежов и его подручные сфабриковали так называемый «заговор генералов». От «ежовщины» погибли десятки тысяч невинных людей, руководство Красной Армии было практически обезглавлено. Однажды в 1938 году в тесном кругу Г. Сыроежкин высказал свое мнение о невиновности Тухачевского и других военачальников. Он отметил, что многих из них он лично знает как честных и преданных командиров и готов головой ручаться за них.

Однако круг оказался не таким уж узким. На Лубянку полетел донос

на разведчика. В конце 1938 года Сыроежкин был отозван в Москву под предлогом вручения ему очередного ордена.

8 февраля 1939 года Г. С. Сыроежкин был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши и участии в контрреволюционной организации. Основанием для ареста послужил случай с задержанием Сыроежкина в Вильно в связи с доносом Стржелковского. Следователь заявил, что Сыроежкин выдал польской разведке материалы, содержащие государственную тайну, и что поляки завербовали его. На замечание разведчика, что он действовал по заданию своего руководства, последовал ответ, что прежние руководители Сыроежкина также оказались польскими шпионами. Действительно, 21 августа 1937 года бывший руководитель Сыроежкина Артур Артузов по ложному доносу был приговорен «тройкой», как «шпион польской и других разведок», к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Такая же судьба постигла и старшего майора госбезопасности Григория Сергеевича Сыроежкина. 26 февраля 1939 года он был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Лишь 15 февраля 1958 года приговор в отношении Сыроежкина был отменен и дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Имя Г. С. Сыроежкина занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Из разведки в... кино

В Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, что на Поклонной горе в Москве, в экспозиции, посвященной истории внешней разведки нашей страны, внимание посетителей привлекает необычный экспонат — «Маузер» с прикрепленной к нему серебряной пластинкой, на которой выгравирована надпись: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». Этим почетным именованным оружием был награжден в начале 1930-х годов сотрудник советской внешней разведки Артур Баевский. Что же это был за человек, удостоившийся столь высокой, по тем временам, награды?

Артур Матвеевич Баевский родился 3 мая 1892 года в Мелитополе Таврической губернии в семье типографского наборщика. Позже его отец перебрался в городок Валуйки, расположенный недалеко от Воронежа, где открыл небольшую собственную типографию. Там же, в Валуйках, Артур окончил четырехклассное городское училище. В 1911 году продолжил свое образование в Екатеринославле, поступив в частное музыкальное училище по классу вокала.

В марте 1914 года Артур Баевский был призван в царскую армию. Служил рядовым 150-го Таманского полка 38-й пехотной дивизии. Принимал участие в боях Первой мировой войны. В октябре того же года на австро-венгерском фронте в Галиции, где воевала его дивизия, молодой солдат попал в плен, который длился четыре года. Находясь в лагере военнопленных в Венгрии, Баевский в совершенстве овладел немецким и венгерским языками, что пригодилось ему в дальнейшем. В плену Артура застала весть о революции в России и приходе к власти большевиков. А осенью 1918 года революция произошла и в Венгрии, и все русские военнопленные были отправлены на родину.

После возвращения из плена в декабре 1918 года Артур некоторое время работал делопроизводителем уездного здравотдела в Валуйках. Одновременно усиленно занимался самообразованием, готовясь сдать экзамены за курс гимназии экстерном.

В стране уже вовсю полыхала Гражданская война. И в июле 1919 года А. Баевский добровольцем вступает в ряды Красной Армии. Служит уполномоченным в управлении снабжения 8-й армии, воевавшей на Северном Кавказе. В марте 1920 года был принят в члены РКП(б). После того, как 8-я армия взяла Грозный, 27-летний Баевский некоторое время

был начальником грозненского гарнизона.

Гражданская война окончилась, и из Москвы пришло распоряжение об откомандировании Баевского в органы военной цензуры. Артур Матвеевич служил в отделе военной цензуры полевого штаба Реввоенсовета Республики (Симферополь, Ростов-на-Дону). После передачи военной цензуры в ведомство Ф. Дзержинского, в августе 1921 года А. М. Баевский был направлен на работу в ВЧК и назначен старшим цензором-контролером Информационного отдела чрезвычайной комиссии.

Однако в начале 1923 года служба Артура Матвеевича в органах госбезопасности неожиданно прервалась. Вместе с большой группой чекистов Баевский направляется на укрепление советского кинематографа. С января 1923 года по июнь 1924 года он являлся коммерческим директором созданного в то время объединения Госкино, с июля 1924 года по февраль 1925 года — членом правления акционерного общества «Межрабпомфильм», а с марта 1925 года по сентябрь 1926 года — главным инспектором акционерного общества «Пролеткино». Одновременно он учится на литературном факультете 1-го Московского государственного университета.

В октябре 1927 года А. М. Баевский возвращается на работу в центральном аппарате органов государственной безопасности. На этот раз его назначают уполномоченным 8-го (немецкого) отделения Контрразведывательного отдела ОГПУ. Служил под началом опытных чекистов Отто Оттовича Штейнбрюка и его заместителя Карла Ивановича Силли, с которым позднее вместе работал во внешней разведке и дружил.

Начальник отделения немец Отто Штейнбрюк был бывшим капитаном австро-венгерской армии, позже руководителем военного аппарата компартии Германии. В органах госбезопасности с 1920 года. Находился на нелегальной работе, являлся резидентом ОГПУ в Швеции.

Биография Карла Силли была схожа с биографией Артура Баевского, только в «зеркальном отражении». Венгр по происхождению, Силли в 1914 году был призван младшим унтер-офицером в австро-венгерскую армию. В одном из боев в марте 1915 года попал в русский плен. Содержался в лагере в Красноярске. В апреле 1918 года вступил в РКП(б) и в Красную гвардию, а спустя два года был направлен на работу в органы ВЧК.

Трудясь бок о бок в течение нескольких лет с этими видными чекистами, Артур Баевский многому у них научился в профессиональном плане. В декабре 1927 года за успехи в службе он был награжден почетным нагрудным знаком «10 лет ВЧК-ОГПУ».

Из воспоминаний старшего сына А. М. Баевского — Георгия:

«Отец много работал, домой приходил поздно. Уже в то время запомнилось его увлечение музыкой, особенно классической — Чайковский, Бородин, Бетховен... Это увлечение осталось у него с юношеских лет, когда он совмещал занятия в средней школе с музыкальным образованием.

В одной из комнат стояло пианино, на стене висели портреты Бетховена и Вагнера. На пианино играла мама.

У отца был хороший голос, и во время дружеских застолий он любил петь арии из опер, песни из репертуара Ф.И.Шаляпина. Увлекался папа и фотографией.

Мать — Валентина Юльевна — некоторое время работала машинисткой в редакции популярного тогда журнала «Огонек».

В начале 1930 года А. М. Баевский был зачислен в Иностраннный отдел ОГПУ и почти сразу же направлен на работу в берлинскую резидентуру под прикрытием должности сотрудника полпредства.

Из воспоминаний старшего сына А. М. Баевского — Георгия:

«В Берлин выехали всей семьей: отец, мать и мы с младшим братом Владимиром. В те годы о работе отца мы знали только одно: он сотрудник советского полпредства.

Жизнь в Германии периода Веймарской республики была поначалу сравнительно спокойной. Много нового, необычного пробуждало у нас живейший интерес. Уже в первые дни отец показал нам берлинское метро, на котором, казалось, можно было проехать в любую точку этого большого города.

Вместе с отцом мы часто гуляли по Берлину. Обращало на себя внимание большое количество народа на улицах, все куда-то спешили, множество автомашин, движущихся с большой скоростью, и шуцманы (шупо) — полицейские на перекрестках. Поднятый жезл шупо был строгим знаком-предупреждением для каждого пешехода и водителя. Чистота и порядок, особое уважение к немногим еще военным (отец подчеркивал: к тем, кто проиграл Первую мировую войну), повышенное внимание вообще к мундиру, униформе».

В Берлине разведчику Баевскому пришлось действовать в довольно сложных условиях.

Уже в начале 1930-х годов внутривластная обстановка в

Германии, где к власти рвались фашисты, стала значительно осложняться. Началась милитаризация страны, в ее руководящих кругах откровенно поговаривали о необходимости реванша. В германской внешней политике наметилась активизация антисоветских настроений. Германское правительство во главе с рейхсканцлером фон Папеном и министром иностранных дел фон Нейратом все больше склонялось на сторону Англии и Франции, вынашивавших планы борьбы с Советской властью и коммунизмом в целом.

Вот что говорится во 2-м томе «Очерков истории российской внешней разведки» относительно этого периода:

«В 1931 году Центр поставил перед берлинской резидентурой задачу по проникновению и получению информации во всех политических партиях Германии, в финансовых и промышленных кругах, в военных организациях и группировках, в различных культурных объединениях, научных организациях по изучению Востока (СССР), в разведке и других спецслужбах.

Оценивая в 1932 году работу берлинской резидентуры, Центр отмечал: «Мы имеем весьма ценное агентурное и документальное освещение внешней политики германского правительства... Кроме политической информации, к нам регулярно поступает информация о деятельности германской разведки, проводимой через МИД, с указанием конкретных лиц, ведущих эту работу».

Из воспоминаний старшего сына А. М. Баевского — Георгия:

«С приходом к власти Гитлера в Берлине многое изменилось. Назначение нацистского фюрера канцлером Германии фактически означало установление фашистской диктатуры, конец Веймарской республики. Начались массовые облавы, аресты коммунистов и демократов в рабочих кварталах. По улицам Берлина проходили факельные шествия молодчиков в коричневой форме — штурмовиков. Быстро увеличивалось количество молодых ребят в организации «гитлерюгенд», щеголявших в новой форме со свастикой на рукаве. Отношение к нам многих немецких знакомых резко ухудшилось».

... Еще в 1925 году берлинской резидентурой ОГПУ, руководимой Владимиром Владимировичем Бустремом, был привлечен к сотрудничеству директор частного детективного бюро пан Ковальчик. Родился он на Украине в 1878 году в семье немецкого колониста и носил немецкую

фамилию Шмидт. Учился на агронома в Киеве, Данциге и Брюсселе. До Первой мировой войны занимался фермерством на Украине, владел мельницей и маслобойней.

В 1914 году его как немца выслали из Киева в Одессу. Но с приходом на Украину германских войск мобилизовали в полевую полицию и зачислили переводчиком к начальнику киевского уголовного розыска. Затем Шмидт служил на сыскной работе в одесском уголовном розыске. Приобретя опыт сыщика, уехал в Польшу. Владел польским, украинским, французским, немецким и русским языками.

В начале 1920-х годов он под фамилией Ковальчика обосновался в Берлине, где и открыл частное детективное бюро. Имел устойчивые связи в полицай-президиуме, полицейских участках и консульствах.

Прибыв в Берлин, Артур Баевский принял Ковальчика на связь. Работа с агентом успешно продолжалась до окончания командировки разведчика. От детектива, в частности, были получены списки русских эмигрантов, активно сотрудничавших с гестапо.

... Как отмечалось выше, одним из важных направлений деятельности берлинской резидентуры являлось проникновение в местные спецслужбы, в том числе и в армейскую разведку Германии — абвер. Решить эту задачу удалось оперативному работнику резидентуры Карлу Силли, который привлек к сотрудничеству с советской внешней разведкой ответственного сотрудника контрразведывательного подразделения абвера майора Вера (оперативный псевдоним «Янычар»). После отъезда Силли в Москву связь с «Янычаром» поддерживал Баевский.

Артур Баевский внес большой вклад в успешную деятельность берлинской резидентуры. В столице Германии он проработал по май 1933 года. Добился конкретных вербовочных результатов. В 1932 году за успешную работу был награжден Грамотой ОГПУ и почетным именованным оружием.

После завершения командировки А. М. Баевский около года работал в центральном аппарате внешней разведки.

С июля 1934 по август 1937 года он находился в заграничной командировке в Стокгольме, где возглавлял «легальную» резидентуру (оперативный псевдоним Гаиб). По прикрытию являлся сотрудником одного из отделов торгпредства СССР в Швеции.

Из воспоминаний старшего сына А. М. Баевского — Георгия:

«Не прошло и года, как отец был командирован на работу в Швецию, в Стокгольм. После Берлина — с его бурными

митингами, ночными факельными шествиями, драками и стрельбой — Стокгольм показался нам тихим и спокойным, жизнь в шведской столице текла размеренно. Однако работа у отца в Стокгольме была не менее напряженной и активной, чем в Берлине».

Перед стокгольмской резидентурой НКВД в этот период стояли ответственные задачи. Один из руководителей внешней разведки предвоенного и военного периода П. А. Судоплатов по этому поводу писал в своих мемуарах:

«В середине 1930-х годов важнейшим направлением работы Иностранного отдела было признано приобретение надежной агентуры и внедрение ее на жизненно важные объекты буржуазных государств с целью получения достоверной информации политического, экономического и научно-технического характера».

Швеция сохраняла по отношению к Советскому Союзу традиционный нейтралитет, хотя порой и отступала от него. В то же время в соседней Финляндии было заметно немецкое влияние как в политике, так и в экономике. Особенно оно стало проявляться после прихода к власти в Германии фашистов. В этой связи перед резидентом в Стокгольме была поставлена задача через агентурный аппарат способствовать сохранению Швецией нейтралитета и внимательно отслеживать действия руководства Финляндии, направленные на сближение с гитлеровской Германией.

Находившееся в те годы у власти правительство лидера шведских социал-демократов П. А. Ханссона в борьбе с затронувшим страну мировым экономическим кризисом активно проводило ряд экономических и социальных реформ. В результате развития государственно-монополистического капитализма в стране активизировалась деятельность местных промышленных предприятий.

Стокгольмская резидентура успешно использовала это обстоятельство для ведения экономической и научно-технической разведки. Ее сотрудниками были получены важные материалы, сыгравшие заметную роль в техническом прогрессе отечественной промышленности, в том числе — военной.

По прибытии в Швецию Гаиб по указанию Центра возобновил связь с паном Ковальчиком, который специально для встреч с разведчиком

приезжал в Стокгольм. В донесениях последнего, которые он подписывал псевдонимом «Фон дер Гольц», содержалась, как правило, ценная информация. В частности, он сообщил, что в моторизованные части гестапо приняты на службу представители русской эмиграции. Эти данные были успешно использованы в годы войны для разоблачения гитлеровской агентуры, которая забрасывалась в тылы советских войск.

Регулярные поездки в Стокгольм Ковальчик умело конспирировал, хотя в этом были определенные трудности. Так продолжалось до августа 1937 года, когда Гаиб выехал в Москву и связь с агентом прекратилась.

В 1941 году, непосредственно перед войной с Германией, начальник немецкого отделения внешней разведки Павел Матвеевич Журавлев составил подробную справку на пана Ковальчика, в которой, в частности, подчеркивалось:

«Наши задания Ковальчик выполнял с большим мастерством, и его работа с нами очень высоко оценивалась в Центре. Ни одного провала агентуры, к которой в той или иной степени имел отношение Ковальчик (а через него непосредственно перед вербовкой проверялась практически вся агентура берлинской резидентуры. — Прим. авт.), не было».

Восстановить связь в Ковальчиком помешала война. И только в июне 1945 года это удалось сделать. Но агенту было уже под семьдесят лет...

С позиций Стокгольма Гаиб продолжил работу и с «Янычаром».

Возвратившись в Москву в августе 1937 года, Артур Матвеевич Баевский вновь работал в центральном аппарате разведки. В подписанной руководством разведки аттестации отмечалось, что «руководимая им резидентура добилась значительных результатов в оперативном и информационном плане».

Однако как и многие другие разведчики, вернувшиеся в то время из заграничных командировок, он попал под подозрение. К этому времени были уже арестованы и расстреляны непосредственные начальники резидента Баевского Артузов и Штейнбрюк. В мясорубке репрессий погиб и его товарищ Карл Силли. В январе 1938 года А. М. Баевский уволился из органов государственной безопасности по выслуге лет и состоянию здоровья.

Место Артура Матвеевича в рядах защитников Отечества занял его старший сын Георгий Артурович. И занял его достойно. Вот что говорится о нем в кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза»:

«Баевский Георгий Артурович родился 11 июля 1921 года в Ростове-на-Дону. Член КПСС с 1943 года. Окончил среднюю школу в Москве. С 1940 года начал службу в советской армии. и в том же году окончил Серпуховскую военную авиационную школу. Затем служил в ней летчиком-инструктором.

На фронтах Великой Отечественной войны — с апреля 1943 года. Штурман эскадрильи 5-го гвардейского истребительного авиационного полка (11-я гвардейская авиационная дивизия, 1-й гвардейский смешанный авиационный корпус, 17-я воздушная армия, 3-й Украинский фронт).

Гвардии старший лейтенант Г.Баевский к концу 1943 года произвел 144 боевых вылета, в 45 воздушных боях сбил 16 самолетов противника. 4 февраля 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1951 году окончил Военно-воздушную инженерную академию, а в 1962 году — Военную академию Генерального штаба.

Генерал-майор авиации (1964 год). Заслуженный военный летчик, военный летчик-испытатель 1-го класса. Кандидат военных наук, доцент. Заместитель начальника одной из кафедр Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е.Жуковского.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, четырьмя орденами Красной Звезды, многими медалями».

После увольнения из органов госбезопасности Артур Матвеевич вернулся на свое гражданское место работы — в кинематографию, которая была затронута репрессиями гораздо слабее. Боец незримого фронта снова стал деятелем самого зрелищного из искусств. С февраля по май 1938 года он являлся заведующим актерским бюро «Мосфильма», с июня 1938 года по июль 1940 года — начальником реквизиторского цеха, а с августа 1940 года по июнь 1941 года — сменным диспетчером. Принимал непосредственное участие в создании знаменитого киношедевра Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». Причем это участие не ограничивалось только изготовлением реквизита. Хорошо знакомый с германским менталитетом, который почти не изменился с 13-го века, бывший сотрудник берлинской резидентуры выступал в качестве консультанта режиссера и актеров.

С первых дней Великой Отечественной войны А. М. Баевский — переводчик стрелкового полка на Западном фронте. Однако в сентябре 1942 года, после того как ему исполнилось пятьдесят лет, Баевского отзывают с фронта и назначают заместителем начальника отдела кадров Центральной объединенной киностудии, находившейся в то время в городе Алма-Ате.

Служба А. М. Баевского на различных должностях в кинематографии продолжалась до середины 1944 года. Затем он длительное время работал в «Союзэкспортстрое».

Скончался Артур Матвеевич Баевский в Москве в 1971 году.

Резидент в Великобритании

Летом 1918 года из Брянска в район небольшого городка Речица Гомельской губернии вместе с группой военнослужащих-большевиков прибыл двадцатилетний боец Красной Армии Константин Кукин. На территории губернии в то время хозяйничали немецкие интервенты, которые свергли советскую власть в Белоруссии и жестоко расправлялись с коммунистами и всеми сочувствующими им. Перед группой посланцев Красной Армии была поставлена задача развернуть партизанское движение в тылу у немцев. Константин Кукин принимал активное участие в выполнении задания командования по формированию в Речицком уезде вооруженных групп сопротивления и организации связи с партизанскими отрядами. Действиями подпольщиков руководил будущий знаменитый разведчик-нелегал Евгений Мицкевич, который в дальнейшем сыграл важную роль в судьбе Кукина.

Константин Михайлович Кукин родился 23 ноября 1897 года в городе Курске в рабочей семье. В 1916 году окончил Курское реальное училище и поступил вольноопределяющимся в 12-й Калишский полк. Участвовал в Первой мировой войне, дослужился до офицерского звания.

После демобилизации из армии в 1917 году Кукин возвратился в Курск. Там его застало известие о победе Октябрьской революции. Это событие молодой человек встретил с радостью и сразу же записался добровольцем в Красную Армию. В 1918 году он был принят в ряды РКП(б).

Так уж произошло, что вскоре Кукин оказался в самом водовороте борьбы за Советскую власть. После отказа Л. Троцкого подписать мирный договор с Германией в Брест-Литовске кайзеровская армия начала беспрепятственное наступление на территорию России, захватывая один город за другим. Она оккупировала Украину и Белоруссию. В феврале 1918 года германские интервенты были с большим трудом остановлены разрозненными отрядами Красной Армии под Нарвой и Псковом. На территории России линия германской оккупации проходила в ста километрах к западу от Брянска.

Летом 1918 года боец Красной Армии Константин Кукин вместе с группой военнослужащих прибыл в белорусский город Речицу для организации сопротивления кайзеровским интервентам. Красная Армия была еще слаба для лобового столкновения с сильнейшей в Европе армией.

Поэтому на оккупированных немцами территориях приходилось действовать партизанскими методами. Созданные при участии Константина Кукина вооруженные группы сопротивления и партизанские отряды нападали на отдельные подразделения оккупантов, совершали диверсии на железной дороге Брянск-Гомель, уничтожали обозы неприятеля.

В ноябре 1918 года в Германии вспыхнула революция. Кайзер Вильгельм II был вынужден отречься от престола и эмигрировать в Голландию. Советское правительство сразу же аннулировало навязанный ему неравноправный Брестский мир. По примеру России немецкий пролетариат создал в Берлине, Гамбурге и других городах Советы рабочих и солдатских депутатов. Подобные же Советы возникли и в германской армии на территории Белоруссии. Они постановили прекратить все боевые действия против России и потребовали скорейшего возвращения на Родину. В декабре 1918 года началась эвакуация германской армии с территории Белоруссии.

25 марта 1919 года речицкий чрезвычайный военно-революционный штаб назначает Константина Кукина командиром речицкой караульной роты. Одновременно ему поручается сформировать эту роту. Некоторое время Кукин находится также на партийной работе в уездной организации, о чем свидетельствует выданное ему 9 июня 1919 года удостоверение Речицкого комитета РКП(б) за N 427 (стиль документа сохранен):

«Настоящим удостоверяется, что т. Кукин — член Речицкой орг. Р.К.П. и ему разрешается ношение и хранение при себе револьвера системы «Наган» за N 37460, что и удостоверяется».

Секретарь У.К. (уездного комитета, — прим. авт.)

В Белоруссии Константин Кукин вел борьбу с бандами «зеленых», выполнял другие ответственные поручения уездного комитета партии. В стране шла Гражданская война, и молодой человек решил навсегда связать свою жизнь с армией. В сентябре 1919 года Кукин вступает в ряды регулярной Красной Армии и одновременно выдвигается в ней на партийную работу. Политотдел 9-й кавалерийской дивизии 12-й армии назначает его заместителем политического комиссара 53-го кавалерийского полка.

19 сентября 1919 года политотдел 9-й кавалерийской дивизии, штаб которой находился в городе Клинцы, ныне Брянской области, выдал Кукину

следующее удостоверение:

«Дано сие тов. КУКИНУ в том, что он является заместителем Военно-политического комиссара 53-го кавалерийского полка».

Политический комиссар Подпись (неразборчиво).

Впоследствии Кукин становится помощником заведующего политотделом 9-й кавалерийской дивизии. В этой должности он пребывал по декабрь 1919 года. Как следует из выданного ему мандата, подписанного заместителем заведующего политотделом, Константину Кукину вменялось в обязанность «строго следить за деятельностью ком. ячеек частей, собирать печатный материал противника и ежедневно доносить политсводкой в политотдел о всем происходящем в частях дивизии».

В январе 1920 года Кукин назначается заведующим отделом управления Лубенского ревкома Полтавской губернии. Удостоверение за N 147, подписанное Председателем ревкома Коржем, предписывает «всем военным и гражданским властям оказывать т. Кукину всякое содействие при исполнении им возложенных на него обязанностей».

В 1920 году войска армии Фрунзе очищают Крым от войск генерала Врангеля. Константин Кукин, находившийся в действующей армии, занимает пост председателя Бахчисарайского ревкома Крыма. Одновременно он ведет активную борьбу с бандитизмом в Крыму, являясь командиром отряда частей особого назначения (ЧОН). За мужество и героизм награжден орденом Красного Знамени. В том же году поступает на 1 курс медицинского факультета Крымского университета, где учится без отрыва от основной работы.

В октябре 1920 года К. Кукин командировается в родной Курск на совещание командиров отрядов частей особого назначения. Куряне, узнав, что их земляк является председателем Бахчисарайского ревкома, настойчиво добиваются его перевода в родной город. В 1922 году Константин Кукин назначается на должность заместителя Курского губернского военкома и одновременно возглавляет его политический секретариат. Он переводится на медицинский факультет Харьковского университета, однако вскоре прекращает учебу из-за большой загруженности по работе.

В 1923 году 26-летний Константин Кукин назначается военкомом города Курска и избирается членом бюро райкома РКП(б) 1-го городского

района. Но и в Курске Константин Михайлович проработал недолго. В 1924 году он был назначен военным комиссаром Зарайского уезда Московской губернии. На этом посту он проработал полтора года. А затем последовало новое назначение: приказом Реввоенсовета СССР по личному составу за № 193 от 20 марта 1926 года он демобилизуется из РККА и откомандировывается в распоряжение Управления фабрично-заводскими предприятиями военно-воздушного флота «Промвоздух» с зачислением на воинский учет по городу Москве.

После ухода из рядов Красной Армии К. М. Кукин целиком посвящает себя партийной работе. В 1926 году его избирают секретарем парткома завода «Красный богатырь» в Москве. Работая на посту секретаря парткома, он ведет активную борьбу с троцкизмом. Здесь проявились такие качества будущего разведчика, как организаторские способности, чуткость и внимательное отношение к простому рабочему человеку. Вскоре он становится членом бюро РК ВКП(б) Сокольнического района. Большим событием в жизни Константина Михайловича Кукина стало избрание его делегатом 16-й конференции ВКП(б), состоявшейся в апреле 1929 года в Москве. В том же году он становится депутатом Моссовета и избирается членом Московского городского комитета ВКП(б).

В конце 1929 года К. М. Кукин переводится на работу в Московский городской комитет ВКП(б) на должность заведующего сектором партийного строительства. Для получения высшего образования МГК направляет Кукина на учебу в Институт красной профессуры, где он успешно овладевает английским языком. На учебе Кукин зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, и после окончания института в 1931 году он был распределен на работу в Наркомат иностранных дел. После непродолжительной стажировки в аппарате НКВД Кукин был командирован в Англию в качестве управляющего отделением «Резиноимпорта» при акционерном обществе «Аркос».

Спустя некоторое время К. М. Кукин совершенно случайно столкнулся в Лондоне со своим старым знакомым по военной службе в Речице Евгением Петровичем Мицкевичем — разведчиком-нелегалом, ранее работавшим в Германии и Италии. В Англии Мицкевич возглавлял нелегальную резидентуру и имел паспорт на имя гражданина чужой страны. Обрадовавшись внезапной встрече, они вспомнили совместную борьбу с германскими оккупантами в Белоруссии, боевых товарищей, поинтересовались делами друг друга. Узнав, что в Англии Кукин работает по линии Всесоюзного объединения «Резиноимпорт», Мицкевич неожиданно сделал ему предложение перейти на работу во внешнюю

разведку. Он подчеркнул, что готов рекомендовать его начальнику ИНО ОГПУ А. Артузову.

Это предложение, как говорится, застало Константина Михайловича врасплох. Вначале он отметил, что пока не готов к работе в разведке. Однако после некоторого размышления дал согласие и поинтересовался, что он должен предпринять для перехода на работу в ОГПУ.

— Ничего. Ты только никому не говори о моем предложении, а дальше мы сами тебя найдем, — сказал Мицкевич в конце беседы.

Неожиданное предложение резидента-нелегала Мицкевича, конечно же, не было случайным. 27 октября 1929 года начальник внешней разведки органов госбезопасности М. А. Трилиссер был освобожден от занимаемой должности за открытое выступление против Председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды. 30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело на своем заседании вопрос о деятельности внешней разведки и наметило приоритетные направления ее работы. В принятом Постановлении констатировалось, что Советский Союз находится на пороге новой мировой войны и рекомендовалось усилить разведывательную работу. К числу задач, поставленных перед внешней разведкой, были, в частности, отнесены: выявление планов руководящих кругов Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии по финансово-экономической блокаде страны; добывание для нашей промышленности сведений о научных открытиях, изобретениях и т. д.

Иностранный отдел ОГПУ подвергся очередной реорганизации. Были увеличены ассигнования на разведку, расширены ее штаты. 1 августа 1931 года начальником внешней разведки стал выдающийся чекист Артур Христианович Артузов, лично разработавший и осуществивших около пятидесяти (!) крупных чекистских операций, таких, как «Трест» и «Синдикат».

Для решения поставленных Политбюро ЦК ВКП(б) задач внешняя разведка нуждалась в пополнении грамотными кадрами, в том числе имеющими опыт партийной и зарубежной работы, владеющими иностранными языками. В тот период еще не было специальной разведывательной школы, и кадры для ИНО готовились различными путями, в том числе за счет обучения в высших учебных заведениях и индивидуальной подготовки каждого кандидата на работу в ИНО ОГПУ. Константин Кукин, как следует из его биографии, по своим качествам идеально подходил на роль кандидата для работы во внешней разведке, поэтому с его переходом на новое место проблем не возникло.

Так в конце 1931 года К. М. Кукин был зачислен в кадры внешней

разведки и включен в состав «легальной» резидентуры ОГПУ в Лондоне. Ему был присвоен оперативный псевдоним Кин. Пребывание в Лондоне Кукин использовал для своей оперативной подготовки, учась у сотрудников резидентуры тайнам разведывательного мастерства. Коллеги по зарубежной работе Кукина отмечали такие его личные качества, как целеустремленность, выдержка, собранность, верность слову, аккуратность в работе. Его стажировка в лондонской резидентуре длилась один год.

В 1932 году К. М. Кукин завершил работу в Англии и возвратился в Москву. Руководство ИНО ОГПУ приняло решение направить его на работу в одну из наиболее активных точек внешней разведки — в харбинскую резидентуру. Резидентура ОГПУ в Харбине освещала деятельность в Маньчжурии японцев, захвативших эту провинцию Китая еще в 1931 году, и в первую очередь — штаба Квантунской армии, а также США и стран Запада в отношении Советского Союза. Важность работы советской внешней разведки на Северо-Востоке Китая объяснялась также и тем, что в этом регионе имелаась многочисленная колония белогвардейской эмиграции, тесно связанной с японской и английской разведками. Эти разведки активно засылали завербованную ими агентуру на территорию Советского Союза.

В Харбине Константин Кукин находился под прикрытием должности генерального представителя Госстраха. Он активно включился в работу резидентуры, завел ряд интересных связей. Однако в 1934 году серьезно заболел и был вынужден вернуться в СССР.

Кукин проболел почти год, а затем в 1935 году был зачислен в так называемую «группу Яши» (группу, которую возглавлял Яков Серебрянский, — прим. авт.), являвшуюся боевым органом внешней разведки и подчинявшуюся непосредственно наркому внутренних дел СССР. Кукин был назначен руководителем спецмероприятий против японской разведки и выехал в Забайкалье. В задачу его подчиненных входило физическое устранение засылаемых японской разведкой на территорию Забайкалья разведывательно-диверсионных групп из числа русской белогвардейской эмиграции.

В 1937 году в Москве был арестован, а затем расстрелян выдающийся чекист Артур Артузов. По приказу наркома внутренних дел Н. Ежова К. М. Кукина отзывают в Москву для допроса как лицо, связанное с «врагом народа». Однако допросить его следователям НКВД не удалось: у Кукина обострилась болезнь сердца, надолго приковавшая его к постели, и он был уволен из органов госбезопасности «по болезни».

Чекисту Кукину было в ту пору сорок лет. Он был женат, имел двоих

детей, но устроиться на работу нигде не мог. Как только кадровики узнавали, что он уволен из НКВД за «связь с врагами народа», двери любых учреждений захлопывались перед ним. Лишь благодаря личному вмешательству А. Слуцкого, сменившего А. Артузова на посту начальника внешней разведки органов госбезопасности и знавшего Константина Михайловича по совместной работе в Сокольническом райкоме партии, Кукин был восстановлен в рядах НКВД.

Однако личное дело Кукина не было возвращено во внешнюю разведку. Это означало, что ему по-прежнему выражалось политическое недоверие, и в любой момент могла последовать кара. Узнав об этом, А. А. Слуцкий пишет следующий рапорт на имя заместителя наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновского:

«Прошу вас дать указание в отдел кадров НКВД о направлении в сектор кадров внешней разведки личного дела офицера Кукина Константина Михайловича. С 1931 г. он работал в ИНО, с 1935 — в «группе Яши». В 1937 г. уволен за связь с Артузовым.

Учитывая большой опыт закордонной работы т. Кукина и хорошее знание английского языка, полагал бы возможным использовать его на работе в одной из загранрезидентур, не задерживая в аппарате 7 отдела.

Комиссар госбезопасности II ранга А.Слуцкий

26 октября 1937 г.»

Расчет А. Слуцкого строился на том, что К. Кукина предполагалось не задерживать в центральном аппарате, а сразу же направить за кордон и тем самым «убрать его с глаз» ретивых следователей. Надо сказать, что этот план полностью удался. Заместитель наркома НКВД М. П. Фриновский наложил на рапорт следующую резолюцию:

«Согласен. Прошу доложить страну загранкомандировки т. Кукина и легенду его прикрытия».

Оформление Константина Михайловича в загранкомандировку было произведено молниеносно, и уже после 7 ноября 1937 года он отбыл в США под прикрытием второго секретаря советского полпредства в

Вашингтоне. В этой должности по прикрытию он был утвержден лично наркомом иностранных дел В. М. Молотовым. В дальнейшем К. М. Кукину пришлось не раз общаться с В. М. Молотовым по служебным делам и даже сопровождать его в поездках по США.

Внешнеполитическая обстановка в мире в 1937 году была отнюдь не благоприятной для Советского Союза. В связи с приходом к власти в Германии Гитлера в Европе явно вырисовывался очаг новой мировой войны. Страны Запада, включая США, прилагали максимум усилий к тому, чтобы направить агрессию Гитлера на Восток. Не лучше была обстановка и на Дальнем Востоке, где милитаристская Япония, оккупировав Маньчжурию, создала плацдарм агрессии против СССР и Монголии. В 1936 году между Германией и Японией был подписан так называемый Антикоминтерновский пакт. В 1937 году к нему присоединилась Италия. США проводили откровенно изоляционистский курс, не вмешиваясь в европейские дела. Однако не исключалось, что Вашингтон может изменить свою позицию под воздействием внешнеполитических обстоятельств.

Перед резидентурой НКВД в Вашингтоне стояла задача получения достоверной информации о позиции США по международным проблемам. Между тем в Москве к руководству органами безопасности пришел Лаврентий Берия, который сразу же приступил к перестройке работы всех загранточек внешней разведки, включая американские. По приказу Центра К. М. Кукин был переведен из Вашингтона в Нью-Йорк, где руководимая Николаем (оперативный псевдоним Петра Давыдовича Гутцайта, необоснованно обвиненного в троцкизме, отозванного в Москву и расстрелянного) резидентура была разгромлена по приказу всемогущего наркома и нуждалась в срочном укреплении кадрами.

В Нью-Йорк на имя нового резидента НКВД Геннадия (Гайка Бадаловича Овакимяна) ушло распоряжение за подписью начальника внешней разведки Павла Фитина:

«Просим встретить на аэродроме Игоря (К.Кукина, — прим. авт.). Пароль и ответ на него вам известны. Приметы Игоря: рост высокий, телосложение нормальное, нос прямой, глаза голубые. Одет: серое кепи и пальто-реглан. В левой руке — газета «Вашингтон пост». О прибытии Игоря прошу сообщить.

Виктор».

Прибыв в Нью-Йорк, Константин Михайлович быстро освоился с

обстановкой и активно включился в работу. Через полгода ему удалось привлечь к сотрудничеству двух источников политической информации, от которых поступали важные сведения о политике правящих кругов США в отношении нашей страны. Резидент Гайк Овакимян передал оперработнику на связь еще семь законсервированных агентов, с которыми ранее работал его предшественник Петр Гутцайт.

Следует отметить, что половину из них Центр отнес к числу «сомнительных» и предложил работу с ними прекратить.

Однако Кукин продолжил встречаться с источниками, получая от них ценную документальную информацию по политическим и экономическим вопросам. Забегая вперед, можно сказать, что работа с этими источниками велась и в годы Великой Отечественной войны. Она была весьма эффективной, а все подозрения в отношении агентов оказались построенными на песке. Резидент Г. Б. Овакимян высоко оценил активность в работе Константина Михайловича. В оперативном письме в Центр он писал:

«... Работа Игоря заслуживает поощрения. Убедительно прошу назначить его заместителем генерального консула и моим заместителем. Это позволит значительно разгрузить меня по политической линии и ряду других вопросов.

Геннадий.»

В Центре с вниманием отнеслись к столь высокой оценке оперативной деятельности Кукина. Однако вместо того, чтобы удовлетворить просьбу Овакимяна, в 1940 году Константина Михайловича отозвали в Москву и назначили на руководящую должность в центральном аппарате внешней разведки. Такое решение было продиктовано тем, что после учиненного Н. Ежовым и продолженного Л. Берией разгрома резидентур внешней разведки ее центральный аппарат и закордонные точки оказались обезглавлены. Новый начальник внешней разведки Павел Фитин предпринимал колоссальные усилия по восстановлению ее работоспособности, и в этой связи каждый сотрудник, имевший опыт заграничной работы, был, как говорится, на вес золота.

Великая Отечественная война застала Константина Михайловича Кукина в Москве. Он занимал должность заместителя начальника 1-го отдела внешней разведки (США и Канада). Однако и в Центре разведчика поджидала очередная неприятность. Не успел Кукин освоиться со своими

новыми обязанностями, как из Лондона на него поступил донос от некоего «русского эмигранта». Эмигрант обвинял Кукина в принадлежности к контрреволюционной организации, якобы созданной при акционерном обществе «Аркос». Помимо самого К. Кукина, в письме упоминались фамилии еще 14 человек. Проверкой было установлено, что все эти лица были давно арестованы и осуждены, а четверо из них даже расстреляны. Причастность Константина Михайловича к деятельности этих лиц следствием не была установлена, а его имя не упоминалось на допросах.

Павел Михайлович Фитин ломал голову над тем, как вывести Кукина из-под удара, который мог последовать в любой момент. И тут, как говорится, разведчику повезло. 16 июля 1941 года на имя начальника разведки из Лондона пришла шифровка, в которой резидент Анатолий Горский просил командировать к нему дополнительно четырех оперработников для пополнения кадров резидентуры. В телеграмме отмечалось, что на связи у каждого сотрудника лондонской резидентуры находится по 12 и более агентов, что превышает все предельные нагрузки и отражается на качестве работы.

Доложив шифровку наркому государственной безопасности СССР В. Н. Меркулову, П. М. Фитин предложил направить в Лондон среди прочих работников и К. М. Кукина. Получив согласие, он в тот же день подготовил на имя Меркулова следующий рапорт за своей подписью:

«Прошу вашей санкции на командирование в Англию на должность советника посольства СССР в Великобритании заместителя начальника 1 отдела старшего лейтенанта госбезопасности Кукина К.М. Тов. Кукин накопил к этому времени достаточный опыт руководящей работы в центральном аппарате и разведывательной — за рубежом (в США и Китае), отличался всегда умением правильно подбирать кандидатов на вербовку, строить с ними хорошие деловые отношения, обеспечивать постоянный успех при решении самых сложных задач. Как руководитель пользовался непререкаемым авторитетом у сотрудников.

*Начальник 1 Управления — старший майор
госбезопасности Фити*

16.07.1941 г.»

Однако на прием к Меркулову Фитину удалось попасть только в начале следующей недели. А 20 июля 1941 года было объявлено, что НКВД и НКГБ объединяются в Народный комиссариат внутренних дел СССР под общим руководством Л. Берии. В. Меркулов стал заместителем наркома внутренних дел. Берия, которому был доложен рапорт, отложил решение по нему до тех пор, пока не закончится проверка участия Кукина в деятельности «троцкистской организации».

Тогда П. М. Фитин срочно откомандировал К. М. Кукина в особую группу сотрудников НКВД, выполнявших задание Командования в прифронтовых и фронтовых районах по выявлению немецких шпионов и диверсантов. В удостоверении N 2254/б/УД-7 от 23 июля 1941 года, подписанном заместителем наркома внутренних дел В. Н. Меркуловым, предлагалось всем военным властям, командирам войсковых частей, партийным и советским организациям оказывать К. М. Кукину и его группе всемерное содействие в выполнении порученного ему задания.

К. М. Кукин успешно справился с поставленным перед ним задачами. Вскоре все выдвинутые против него обвинения отпали, и он продолжил работать в центральном аппарате внешней разведки. В июле 1942 года К. М. Кукин сопровождал наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова во время его визита в США.

К рапорту на имя Всеволода Меркулова Павел Фитин возвратился только в апреле 1943 года, когда был вновь образован наркомат государственной безопасности. Исправив в рапорте дату, начальник разведки доложил его Всеволоду Меркулову. Ознакомившись с документом, нарком неожиданно предложил Фитину:

— А если мы его назначим резидентом? Он же пострадал ни за что ни про что. Да и опыт руководящей работы у него имеется.

Павел Фитин не возражал. Дело в том, что уже было принято утвержденное наркомом решение о переводе Анатолия Горского резидентом в Вашингтон, и в Лондоне освобождалась должность руководителя резидентуры под прикрытием советника посольства. Было срочно подготовлено письмо за подписью В. Меркулова на имя наркома иностранных дел В. Молотова о том, что К. Кукин назначается резидентом НКГБ в Лондоне под прикрытием должности советника посольства. После получения согласия Молотова на это назначение соответствующее уведомление было направлено послу СССР в Лондоне И. Майскому.

Накануне отъезда в Лондон Константин Михайлович был принят наркомом Всеволодом Меркуловым. Последний кратко обрисовал его задачи в Англии:

«Товарищ Сталин поставил перед разведкой обязательную задачу быть в курсе планов наших союзников по антигитлеровской коалиции, в том числе Англии. Поэтому мы ставим перед вами четыре задачи. Первое: добывание достоверных сведений о целях англичан в войне против Германии. Второе: их точка зрения на послевоенное устройство в Европе и на отношения с Советским Союзом. Третье: получение информации о сроках открытия второго фронта. Четвертое: обеспечение наших ученых разведывательными материалами по созданию новых вооружений, особенно по урановой проблеме.»

Руководство внешней разведки не случайно поручило возглавить резидентуру в Лондоне именно К. М. Кукину. К тому времени он накопил немалый опыт руководящей работы, отличался умением правильно подобрать и расставить людей, организовать их оперативную деятельность. В Лондоне ему предстояло работать со знаменитой «Кембриджской пятеркой», от которой в годы Великой Отечественной войны поступала информация стратегической важности.

После беседы с наркомом госбезопасности Константин Михайлович в тот же вечер отбыл к месту нового назначения. Из Москвы он вместе с семьей выехал поездом в Мурманск, а оттуда — морским путем проследовал в Лондон.

В британскую столицу К. М. Кукин прибыл в середине мая 1943 года и сразу же включился в работу. Он принял на связь членов «Кембриджской пятерки». Москву интересовал вопрос о том, насколько серьезно обещание У. Черчилля и Ф. Рузвельта открыть второй фронт в августе-сентябре 1943 года. 5 мая резидент направляет в Центр добытые агентурным путем в министерстве авиации сведения о военно-стратегическом плане Англии на 1943 год. В нем ни слова не говорилось о высадке союзных войск во Франции. Из документа следовало, что англичане намерены изгнать немецко-итальянские войска из Туниса, оккупировать итальянские острова Сицилию и Сардинию, а основные сухопутные операции против нацистской Германии перенести на 1944 год.

В августе того же года в Квебеке (Канада) состоялась встреча У. Черчилля и Ф. Рузвельта, в которой приняли также участие руководители Комитетов начальников штабов Англии и США. К. М. Кукин проинформировал Лубянку о том, что военные руководители обеих стран направили главам своих правительств письменный доклад, в котором предлагали начать вторжение на континент из Британии в мае 1944 года

при условии, если «русские не достигнут самостоятельного успеха». Предполагаемая операция получила кодированное наименование «Оверлорд». В случае необходимости они предусматривали также досрочную высадку союзных сил в Европе (план «Рэнкин») с целью не допустить слишком глубокого проникновения русских на Запад. По полученным от Г. Берджеса сведениям, Ф. Рузвельт заявил 23 августа 1943 года в Квебеке, что «англо-американские войска должны быть готовы достичь Берлина не позднее русских».

Разумеется, Сталин был в курсе планов своих западных союзников в Европе. На Тегеранской конференции «Большой тройки» 30 ноября 1943 года он добился от союзников письменного обязательства открыть второй фронт в мае 1944 года. На самом же деле операция «Оверлорд» началась высадкой союзнических сил в Нормандии 6 июня 1944 года, когда англо-американцам стало ясно, что Советская Армия может и самостоятельно разгромить гитлеровскую Германию. Союзники поспешили к дележу германского пирога...

К. М. Кукин и руководимые им разведчики работали в Лондоне в условиях, приближенных к фронтовым. Британская столица почти ежедневно подвергалась бомбардировкам германского люфтваффе.

Случалось и так, что если тот или иной оперработник не мог возвратиться в резидентуру из района, подвергшегося налету, сам Константин Михайлович, не задумываясь, садился за руль автомашины и мчался на выручку своего боевого товарища и доставлял его в посольство.

Много сил и внимания Кукин уделял работе с агентурой. Узнав однажды, что один из членов «Кембриджкой пятерки» Гай Берджес якобы проявляет неискренность, склонен к панике, не имеет порой внутренних тормозов, резидент запросил из Центра характеризующие материалы на него. Тщательно ознакомившись с поступившими документами, он провел несколько встреч с Гаем Берджесом с целью более глубокого его изучения. В процессе общения с иностранцем он пришел к выводу, что Берджес честен, «однако считает, что делает слишком мало для нас и поэтому чувствует угрызения совести, думает, что мы не полностью доверяем ему».

В дальнейшем в работе с Берджесом Кукин проявлял максимум такта и внимания, тщательно контролировал его разведывательную деятельность, добиваясь от источника точности и аккуратности в выполнении поручений. В результате резиденту удалось значительно повысить его результативность, особенно по освещению внешнеполитических шагов Форин оффиса, в том числе по отношению к своему советскому союзнику. Его информация по военно-политическим вопросам, получаемая

непосредственно из военного кабинета У. Черчилля, имела большое значение для Москвы. Однако в 1944 году Гай Берджес был назначен на пост второго секретаря посольства Великобритании в Вашингтоне, и дальнейшую работу с ним продолжил А. Горский, назначенный к тому времени резидентом НКГБ в США. Лондонская резидентура в годы войны, наряду с вашингтонской, стала важнейшей резидентурой внешней разведки. Для успешного решения стоящих перед ней задач Центр принимает решение о ее расширении. В конце 1943 года из Москвы на имя Кукина пришла шифровка, в которой сообщалось о направлении в его резидентуру восьмерых новых оперработников. Одновременно резиденту предлагалось доложить в Центр соображения по их задействованию в выполнении стоявших перед точкой задач. Кукин в то время тяжело болел и не смог своевременно ответить Центру. У разведчика обострилась язвенная болезнь, приковавшая его к постели. Он работал на дому, лежа в кровати. От приступов острой боли он даже сидеть не мог.

Лишь в начале 1944 года, не обмолвишись ни словом о своей болезни, резидент изложил план использования каждого оперработника в деятельности точки и попросил Центр переговорить с заместителем наркома иностранных дел А. Вышинским об освобождении его от излишних нагрузок по дипломатической линии. Константин Михайлович пояснил, что он, помимо основной работы, загружен по линии посольства организацией связи с английскими комитетами помощи СССР, поддержанием контактов с лейбористами, участием в заседаниях англо-русского парламентского комитета, представительством в межправительственном комитете помощи беженцам и т. д.

Однако вскоре из Центра поступил неожиданный ответ на эти, в общем-то, разумные соображения. Их смысл сводился к тому, что куратор Кукина попросил проинформировать центр о том, как он использует свое участие в различных комитетах по линии посольства в интересах разведки. Резиденту было также предложено направить в Центр подробные отчеты о работе каждого нового оперработника, направленного в резидентуру. Касаясь реальной помощи, в документе сообщалось о том, что в Лондоне решено создать параллельную «легальную» резидентуру во главе с Джоном (Иваном Андреевичем Чичаевым), которому Москва поручила наладить сотрудничество с британской разведкой и организовать совместную с ней заброску агентуры на территории оккупированных Германией стран.

Прикованный к постели Кукин продиктовал письмо в Центр:

«Работа по-новому нами развивается... в соответствии с

планами Центра. Вести ее более ускоренно мешает война: работаем под обстрелами снарядами и ракетами с немецких самолетов. Из-за частых бомбардировок с трудом удается поддерживать связь с агентами. Некоторые из них из-за этого покидают Лондон, а те, которые оставались в нем, неохотно и с опаской за свою жизнь шли на явки. Если же и приходили, то разговор не всегда клеился: люди больше прислушивались к шуму летящих ФАУ-1...

Коротко о вербовках. Несмотря на заметный рост симпатий рядовых англичан к Советскому Союзу в связи с его успешной освободительной миссией в Европе, оперативные контакты в интересующей нас государственной и общеполитической среде находить стало намного труднее. Дело в том, что в высших кругах английского общества растет подозрительное отношение к СССР из-за его большого влияния в Европе. Это все к тому, чтобы показать вам наши трудности, а не для того, чтобы оправдать нашу якобы слабую работу.

Должен вам прямо сказать: мы не согласны с вашей оценкой. В истекшем году нами завербовано двадцать агентов, восстановлена связь с шестью из них. Высокая отдача достигнута от работы «Кембриджской пятерки». Резидентура постоянно обеспечивала Центр военной, политической, экономической и научно-технической информацией, особенно по урановой проблеме.

Игорь 21 февраля 1945 г.»

Письмо Кукина сразу же было доложено начальнику внешней разведки П. Фитину. Ознакомившись с ним, он написал на отдельном листке бумаги и подколол к документу резолюцию следующего содержания:

«т. Клеру.

1. Оценка деятельности любой заграничной резидентуры и ее сотрудников должна основываться на знании дел, а не на эмоциях. Впредь без моего ведома прошу этого не делать.

2. Тов. Кукин, к вашему сведению, сумел не только сохранить достигнутый высокий уровень оперативной работы, но и обеспечить получение важных документальных материалов по всем интересующим Центр вопросам. Из лондонской

резидентуры мы постоянно получали и сейчас получаем ценнейшую политическую развединформацию, а также сведения о ведущихся в Великобритании работах по созданию ядерного оружия. Руководимая Кукиным резидентура регулярно информировала наше правительство о послевоенных планах Англии и США в отношении мирного устройства в Европе.

Учитывая все это, прошу лично вас подготовить представление на Кукина и его сотрудников к награждению правительственными наградами.

П.Фитин. 23 февраля 1945 года».

Куратор лондонской резидентуры, конечно же, не знал всех нюансов ее работы, поскольку многие ее материалы, особенно получаемые от «Кембриджской пятерки», докладывались прямо «наверх». Поэтому начальник внешней разведки П. Фитин решил внести окончательную ясность в вопросы руководства работой резидентуры, чтобы не отвлекать К. Кукина на второстепенные проблемы чисто бюрократической переписки, и сорентировал оперработника соответствующим образом. Это сыграло свою положительную роль и благоприятно сказалось на всей работе «пятерки». А уже в 1960-е годы, когда о деятельности членов «Кембриджской группы» стало широко известно на Западе, бывший Директор ЦРУ А. Даллес назвал «пределом мечтаний любой разведки мира» информацию, поступавшую от них в годы Второй мировой войны.

Однако вернемся к концу февраля 1945 года. Куратор выполнил указание начальника разведки, и вскоре в лондонскую резидентуру ушла поздравительная телеграмма, сообщавшая о том, что К. Кукин, В. Барковский и ряд других разведчиков награждены боевыми орденами. А спустя два месяца наступила Победа. Работа лондонской резидентуры в годы Великой Отечественной войны получила высокую оценку в Центре. В этом была немалая личная заслуга самого Константина Михайловича, отдававшего все свои силы, опыт и организаторский талант разведывательной и дипломатической работе в Великобритании, где он находился до 1949 года.

Был резидент отмечен и по линии МИД. 7 февраля 1946 года Указом Президиума Верховного Совета СССР К. М. Кукину был присвоен дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса. В начале 1947 года Константин Михайлович Кукин в качестве поверенного в делах СССР в Великобританиим устроил в резиденции

посольства прием в честь находящейся в Англии делегации Верховного Совета СССР во главе с А. А. Фадеевым. Как сообщала газета «Правда» от 3 апреля 1947 года, на этом мероприятии присутствовали члены британского кабинета во главе с премьер-министром лейбористом Эттли, члены обеих палат английского парламента, а также члены дипломатического корпуса, политические и общественные деятели, ученые и артисты.

В конце мая 1947 года прошла очередная реорганизация внешней разведки. 30 мая был образован Комитет информации (КИ) при Совете министров СССР, который возглавил В. М. Молотов. Резидент КИ в Лондоне К. М. Кукин стал главным резидентом и одновременно Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Великобритании. В этом качестве он посещал различные протокольные мероприятия с участием членов королевской семьи. Британские газеты поместили в 1947 году его фотографию, на которой Константин Михайлович запечатлен сидящим в ложе на ипподроме с британской королевой, посетившей традиционное дерби.

Сохранились также фотографии официальных приемов в советском посольстве, на которых К. М. Кукин в парадной форме посла принимает бывшего командующего британскими войсками в годы Второй мировой войны фельдмаршала Монтгомери. Доводилось ему также встречаться с премьер-министром Великобритании лейбористом Эттли и членами его кабинета, вести с ними деловые беседы. Английские министры глубоко ценили глубокое знание им проблем Великобритании, умение ориентироваться в сложной международной обстановке, отстаивать интересы своего государства. Константин Михайлович во всех отношениях достойно представлял нашу страну на берегах туманного Альбиона.

После завершения служебной командировки в мае 1949 года и возвращения в Москву К. М. Кукин был назначен на должность начальника 1-го (англо-американского) Управления Комитета информации при МИД СССР, как тогда называлась внешняя разведка. На этом посту он проработал до ноября 1951 года, когда Комитет информации был упразднен, а внешняя разведка была возвращена в структуру органов государственной безопасности. К сожалению, долго поработать в новой структуре внешней разведки К. М. Кукину не пришлось. Уже в 1952 году у Константина Михайловича обострились старые болезни, и он был вынужден выйти в отставку по состоянию здоровья в возрасте 55 лет.

За плодотворную работу в разведке полковник Кукин был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами

Отечественной войны, орденом Красной Звезды и многими медалями.

25 ноября 1979 года Константин Михайлович Кукин скончался и был похоронен в Москве на Новокунцевском кладбище.

Командир ОМСБОН

Шла Великая Отечественная война. Начальный ее период был особенно трудным для советского народа. Гитлеровская Германия, покорившая всю Европу, использовала ее военный потенциал для того, чтобы уничтожить советское государство. Красная Армия отступала, нанося урон врагу в кровопролитных сражениях.

27 июня 1941 года Политбюро ВКП(б) и СНК СССР принимают решение о создании Особой группы войск при Народном комиссариате внутренних дел, предназначенной для выполнения особых заданий Верховного командования на фронте и в тылу врага. В октябре 1941 года на базе Особой группы войск была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН), состоявшая из двух полков. Командиром 1-го полка, а с августа 1942 года — командиром бригады был кадровый сотрудник внешней разведки полковник Гриднев.

Вячеслав Васильевич Гриднев родился 9 октября 1898 года в деревне Гридьково (ныне Михневский район Московской области) в крестьянской семье. В 1910 году окончил сельскую земскую школу. С 1912 по 1917 год работал на заводе в Петрограде подручным элекромонтера.

В январе 1917 года Вячеслав Гриднев был призван в армию. Служил рядовым 5-ой роты запасного электротехнического батальона, который дислоцировался в Петрограде и в ходе октябрьских событий в полном составе перешел на сторону советской власти.

Из воспоминаний В. В. Гриднева, находящихся в Кабинете истории внешней разведки:

«К вечеру 24 октября 1917 года Петроград напоминал военный лагерь. Все с напряжением ждали сигнала к выступлению. Поздно ночью из Смольного в запасной электротехнический батальон прибыл представитель Военно-революционного комитета. Собрав членов солдатского комитета, он объявил:

— Товарищи! Ваш батальон должен принять участие в захвате телеграфа!

Через некоторое время послышалась команда:

— Подъем! В ружье!

Солдаты построились во дворе казармы. Выслушав приказ,

мы быстро двинулись в центр города.
Телеграф был взят с ходу».

Электротехнический батальон, в котором продолжал служить рядовой Гриднев, был передислоцирован в Саратов. В составе этого батальона он участвовал в Гражданской войне. Являлся рядовым красноармейцем 238-й полевой радиостанции штаба Восточного фронта, действовавшей в районе Симбирск-Уфа. В декабре 1918 года был принят в ряды РКП(б). С июля 1920 года — военный комиссар радиостанции поезда связи Управления связи Красной Армии полевого штаба Революционного Совета Республики. Поезд связи находился на Южном фронте, а также в войсках, принимавших участие в подавлении восстания банд Антонова в Тамбовской губернии.

В сентябре 1921 года, когда положение на фронтах Гражданской войны стабилизировалось и вопрос победы Красной Армии над белогвардейскими формированиями и войсками иностранных интервентов не вызывал сомнения, многих членов партии стали отзывать из рядов Красной Армии и направлять на другие участки работы. Московский городской комитет партии большевиков рекомендовал В. Гриднева на работу в Московскую ЧК. В качестве уполномоченного секретной оперативной части МЧК он принимал участие в разгроме подпольной анархистской организации «Набат», готовившей ряд террористических актов в Москве.

В 1923 году В. Гриднев поступил на учебу в Высшую пограничную школу ОГПУ, которую успешно окончил в 1924 году. В том же году он был направлен для прохождения службы в Закавказский пограничный округ комендантом участка 42-го пограничного отряда. Этот отряд охранял советско-иранскую границу, проходившую по реке Аракс. В автобиографии, составленной в середине 1970-х годов, В. Гриднев, касаясь этого периода, в частности, отмечал: «Принимал участие в ликвидации бандформирований, пресечении каналов контрабанды золота и драгоценностей из нашей страны».

За скупыми строчками официальной биографии чекиста скрывается крупная операция советской внешней разведки.

Нашей резидентурой в Тегеране было установлено, что иранские купцы, пользуясь договором с Советской Россией о приграничной торговле, вывозят из СССР большое количество золота, драгоценных камней, иностранной валюты. Эти средства поступают на счета организации мусавватистов, а также белогвардейской эмиграции, тесно связанной с басмаческим движением. Необходимо было выявить и пресечь каналы незаконной утечки валютных средств из СССР.

Обычный таможенный досмотр не выявил ничего подозрительного. Иранские купцы вывозили из Азербайджана шелк-сырец и шелковые ткани, изделия местной промышленности. Предъявляемые к досмотру грузы полностью соответствовали таможенным декларациям. Так продолжалось довольно долго, пока В. Гриднев не обратил внимание на то, что товары перевозятся иранцами в новых шерстяных мешках, на которых кое-где нашиты заплаты. Проверка показала, что именно под этими заплатами были спрятаны драгоценности и немалые суммы в иностранной валюте. Канал валютной контрабанды был пресечен.

Комендатура, которой командовал Гриднев, состояла из шести застав, охранявших 170 километров границы. Обстановка была сложной. На участке комендатуры действовали многочисленные банды, организаторами и главарями которых были бежавшие из Азербайджана в Иран беки (помещики). Они мечтали вновь вернуться в свои поместья и периодически совершали налеты на советскую территорию: грабили банки, почту, кооперативы, население, убивали партийных и советских активистов. Эти же банды активно использовались иностранными разведками, в первую очередь — английской, для заброски агентуры на территорию СССР и для организации связи с ней.

Особую активность проявляла банда Кябила Касум-Оглы. Она неожиданно появлялась в аулах на нашей территории и так же неожиданно исчезала. Гриднев решил внедрить в эту банду разведчика.

Операция прошла успешно, и вскоре комендант стал получать точные сведения о всех намерениях басмачей. В ходе одного из очередных грабительских рейдов банда была окружена и полностью разгромлена. Ну а «человеку Гриднева» удалось осесть в Иране и приобрести с нашей помощью небольшое торговое заведение. Еще многие годы, находясь на нелегальном положении, он сотрудничал с советской внешней разведкой, принося ей огромную пользу.

За мужество и героизм, проявленные при защите советской границы, приказом по Закавказскому пограничному округу В. Гриднев дважды награждался почетным боевым оружием.

В октябре 1932 года В. В. Гриднев был командирован в Монгольскую Народную Республику, где помогал монголам создавать пограничные войска и службу охраны государственной границы. Вместе с другим видным советским разведчиком В. И. Пудиным, находившимся в командировке в МНР, он принимал непосредственное участие в ликвидации белогвардейских банд, укрывшихся на территории Монголии.

Одновременно Вячеслав Васильевич, являясь сотрудником

резидентуры внешней разведки в Монголии, вел активную разведывательную работу по белой эмиграции в Маньчжурии. Привлек к сотрудничеству с внешней разведкой ряд иностранцев, от которых поступала информация о деятельности японцев в этой провинции Китая, а также о планах белогвардейцев в отношении СССР.

Из воспоминаний В. В. Гриднева:

«Однажды из Маньчжурии пришло сообщение о том, что в городе Хайларе появился бывший комендант штаба одного из руководителей контрреволюции в Забайкалье и Монголии генерал-лейтенанта Унгерна полковник Сипайло, и что он набирает команду добровольцев из числа русских эмигрантов. В сообщении отмечалось, что Сипайло намерен проникнуть на территорию Монголии, чтобы разыскать клад драгоценностей в районе озера Буир-Нур. Экспедиция финансировалась японцами.

Нам было известно о золоте и других драгоценностях, похищенных бароном Унгерном и закопанных где-то на монгольской территории. Это произошло летом 1921 года, когда разбитые Красной Армией белогвардейские войска барона Унгерна уходили с боями в Китай через Монголию. Покидая Советскую Россию, унгерновцы похитили часть ценностей Иркутского казначейства, которые навьючили на 200 верблюдов и увезли с собой. Этот караван охранял отряд забайкальских казаков-бурят под командованием сотника Макеева. Опасаясь, что золото и другие драгоценности могут быть конфискованы китайцами, барон Унгерн приказал коменданту своего штаба полковнику Сипайло закопать их в районе озера Буир-Нур. Полковник Сипайло выполнил приказание. А чтобы место, где был закопан клад, осталось в тайне, он, в свою очередь, приказал расстрелять всех казаков-бурят, принимавших участие в этой операции. Данные о расстреле этих людей были подтверждены нашей агентурой из близкого окружения Унгерна. Ну а сам барон Унгерн 21 августа 1921 года был захвачен монгольскими революционными войсками, передан партизанскому отряду П.Е.Щетинкина и по приговору Сибирского ревтрибунала расстрелян.

На одной из встреч надежный источник сообщил мне, что созданная Сипайло группа из шестнадцати добровольцев, включая двух японцев, на двух автомашинах с новейшей буровой установкой выехала из Хайлара, пересекла китайско-монгольскую границу и направилась к озеру Буир-Нур на розыски клада.

Не имея времени для организации отряда по перехвату нарушителей границы, я через монгольских пограничников договорился с

представителями монгольской армии, что захват группы Сипайло будет осуществлен кавалерийским эскадронам непосредственно у озера. Однако и монгольским конникам не удалось заранее прибыть в район Буир-Нура и организовать засаду. Группа Сипайло прибыла туда раньше и развернула поисковые работы.

Через пару дней монгольские конники достигли лагеря экспедиции. Однако когда ночью эскадрон стал разворачиваться, чтобы окружить лагерь, нарушители, услышав шум, выскочили из палаток, завели машины и, бросив буровое оборудование, уехали в сторону монголо-китайской границы. В ходе осмотра палаток были обнаружены два крепко спавших японца. Позже выяснилось, что японцы, представившиеся коммерсантами, являлись кадровыми японскими разведчиками, которые работали в Исследовательском бюро Южно-Маньчжурской железной дороги и занимались сбором военно-экономической информации.

А клад?

Прибыв в район лагеря, мы установили, что группе Сипайло удалось пробурить несколько скважин на месте предполагаемого складирования драгоценностей, однако клада они не обнаружили. По-видимому, унгерновцы, закапывая драгоценности, не смогли точно определить месторасположение клада и совместить план с местными ориентирами, а главное — учесть режим озера Буир-Нур, имеющего песчаное и илистое дно и отлогие берега, уровень воды в котором даже в течение одного года сильно меняется. За более чем десять лет берега озера, конечно, значительно изменили свои очертания.

Не нашли этот клад и мы...».

С апреля 1936 года В. В. Гриднев вновь служил в пограничных войсках НКВД, являясь начальником сначала 42-го Джебрайльского, а затем — 44-го Ленкораньского пограничных отрядов на советско-иранской границе. С августа 1939 года по июль 1941 года находился на руководящей оперативной работе в Главном управлении пограничных войск НКВД СССР. В этот же период направлялся в длительную командировку в Западную Белоруссию в качестве начальника Волковысского горотдела НКВД БССР.

Особый период деятельности сотрудников советской внешней разведки, в том числе и В. В. Гриднева, связан с Великой Отечественной войной. Уже в конце июня 1941 года только что созданный Государственный комитет обороны СССР рассмотрел вопрос о работе внешней разведки и уточнил ее задачи. Они были подчленены одной цели —

скорейшему разгрому врага.

В последовавшем затем постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года предписывалось партийным организациям и органам государственной безопасности «... создать невыносимые условия для германских интервентов... срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников... помогать созданию партизанских отрядов, диверсионных истребительных групп...»

С июля 1941 года В. В. Гриднев работал в Особой группе при наркоме НКГБ по организации и формированию отрядов особого назначения, которые действовали в тылу немецких войск на временно оккупированной противником территории.

А родилась идея создания отрядов особого назначения так.

Знаменитый чекист Дмитрий Николаевич Медведев, уволенный в 1939 году из органов госбезопасности — формально — по состоянию здоровья, а фактически — из-за того, что его брат Александр был репрессирован, в первый день Великой Отечественной войны написал докладную записку на имя наркома НКГБ, а затем личное письмо Сталину, в которых изложил концепцию партизанской войны в тылу врага и роли спецотрядов НКГБ в налаживании сбора разведывательной информации о противнике и нанесении по нему диверсионных ударов.

Идея чекиста Сталину понравилась, и он дал указание Л. Берии проработать ее. Для руководства разведывательно-диверсионными группами НКГБ в тылу врага 5 июля 1941 года была образована Особая группа при наркоме НКГБ во главе с заместителем начальника внешней разведки генералом Судоплатовым. В нее входили, в основном, кадровые сотрудники внешней разведки.

3 октября того же года Особая группа была преобразована во 2-й отдел НКВД, а в январе 1942 года — в 4-е управление НКВД-НКГБ, которыми также руководил П. А. Судоплатов. Для проведения операций в тылу немецких оккупантов в октябре 1941 года приказом наркома НКВД сформированные Особой группой отряды особого назначения были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) в составе двух полков. Командиром 1-го полка ОМСБОН был назначен полковник Гриднев. Он проводил большую работу по подготовке и заброске в тыл врага разведывательно-диверсионных отрядов и групп. В 1942–1943 годах В. В. Гриднев являлся командиром бригады.

Местом формирования бригады стал Центральный стадион «Динамо», расположенный в старинном Петровском парке. Помимо чекистов, в бригаду влились свыше 800 спортсменов, среди которых было немало

заслуженных мастеров спорта, известных тренеров, чемпионов и рекордсменов СССР, Европы и мира. Среди них — знаменитые легкоатлеты братья Знаменские, чемпион СССР по боксу Николай Королев, группа футболистов минского «Динамо» и многие другие известные спортсмены. Общая численность бригады составляла в тот период 10. 500 человек. В первые годы войны не каждая стрелковая дивизия могла сравниться с ней по численности и по обученности.

На подмосковном стрельбище «Динамо» в Мытищах вновь созданные оперативные группы особого назначения изучали минное дело, подрывную технику противника, овладевали тактикой действий небольшими группами, приемами ведения ночной разведки, топографией, радиodelом, совершали марш-броски, прыжки с парашютом. Короче, учились всему, что необходимо на войне.

Верховное командование поставило перед бригадой следующие задачи:

- оказание помощи Красной Армии средствами разведывательно-диверсионных и боевых действий;
- содействие развитию партизанского движения;
- дезорганизация тыла противника;
- осуществление агентурной разведки на временно оккупированных территориях;
- проведение контрразведывательных операций.

Сразу же после создания Особой группы началась активная работа по формированию первого партизанского отряда, которому предстояло действовать в тылу врага на захваченной им территории. Возглавляла эту работу известная разведчица Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина.

Первоначально в отряд входили всего четыре человека, которых подбирала и инструктировала сама Зоя Ивановна.

Командиром отряда был назначен Никифор Захарович Каляда — кадровый военный, воевавший с немцами еще в Первую мировую войну. Бывший партизан на Украине, он в 1920-е годы являлся заместителем командующего армией на Дальнем Востоке.

Начальником штаба еще не существовавшего отряда назначили Леонида Васильевича Громова — бывшего начальника геологической экспедиции на острове Врангеля.

В группу были также включены: в качестве специалиста-механика — Самуил Абрамович Вильман, который до войны был резидентом нелегальной резидентуры в Монголии под «крышей» владельца частной авторемонтной мастерской, и лейтенант запаса Константин Павлович

Молчанов, как специалист-оружейник.

В задачу группы Н. З. Каляды входило создание партизанского отряда из местных жителей Бельского, Пречистенского и Батурицкого районов Смоленской области.

8 июля 1941 года группа, официально именовавшаяся отрядом N 1, на грузовой автомашине выехала в северный лесной массив по направлению Москва-Смоленск-Витебск.

Вскоре в отряде было уже более ста человек из десяти районов Смоленской области. В лесу Н. З. Каляда отпустил бороду, за что партизаны прозвали его Батей. Из истории Великой Отечественной войны хорошо известно легендарное партизанское соединение Бати, которое уже в 1941–1942 годах практически восстановило советскую власть в районе треугольника Смоленск — Витебск — Орша.

Уже в сентябре 1941 года в тыл врага ушли опергруппы Д. Медведева, А. Флегонтова, В. Зуенко и Я. Кумаченко. Костяк разведывательно-диверсионных групп составляли кадровые сотрудники внешней разведки.

Опергруппа «Митя» под командованием Д. Н. Медведева стала первым подразделением из состава ОМСБОН, которое было заброшено в тыл врага в начале сентября 1941 года. 34 сотрудника НКВД во главе с капитаном госбезопасности Медведевым приступили к боевым действиям в районе Орловской и Смоленской областей.

21 сентября в одном из боев Дмитрий Николаевич был ранен в колено. Легендарный боксер-тяжеловес Николай Королев, который являлся его адъютантом, вынес командира с поля боя и затем нес его несколько километров по лесу. Усталые, они наткнулись на немецкую засаду. Николай положил раненого командира на землю, поднял руки и двинулся навстречу гитлеровцам без оружия. Приблизившись вплотную к ним, он сокрушительными ударами кулаков послал нескольких фашистов в глубокий нокаут, швырнул гранату в пулеметный расчет и... с засадой было покончено.

Рейд опергруппы «Митя» был успешным: за счет выходящих с оружием из окружения бойцов Красной Армии она увеличилась до 230 человек и провела около 50 боевых операций. Вернувшись на Большую землю партизаны как о чем-то обычном рассказывали своим друзьям о разведке, ночных нападениях на врага, пущенных под откос поездах, а о своем командире говорили с восторгом, граничащим с обожанием: «Отважен и фантастически находчив!» Это проявилось уже при переходе линии фронта. Несколько попыток проникнуть в тыл врага закончились неудачно: выбирали самое глухое время ночи, продвигались, можно

сказать, не дыша, но едва углублялись на 20–30 шагов во вражеское расположение, как немцы поднимали осветительные ракеты и открывали заградительный огонь. Тогда Медведев решил провести группу в 12 часов дня. И провел без единого выстрела! Расчет командира был построен на том, что педантичные немцы обедают точно в полдень и снимают на это время часть постов, уверенные, что в ясный день никто на пушечный выстрел не приблизится к их позициям.

Но самое главное, что извлек Д. Н. Медведев из операции, был опыт и сделанный на его основании вывод: в условиях жесточайшего, продуманного до мелочей оккупационного режима гитлеровцев действия небольших разведывательных групп и тем более отдельных разведчиков предельно затруднены и успешная, систематическая, глубокая и надежная деятельность разведки возможна только при наличии прочной базы, каковой должны быть сильные, достаточно крупные партизанские отряды.

Именно такой базой явился оперативно-разведывательный отряд специального назначения «Победители», которым он командовал с июня 1942 по сентябрь 1944 года. Отряд дислоцировался в окрестностях г. Ровно, избранного гитлеровцами в качестве столицы оккупированной Украины — «рейхскомиссариата Украины». В Ровно размещались почти две с половиной сотни немецких учреждений и штабов центрального подчинения, одновременно этот небольшой город был важным центром коммуникаций.

Бойцы отряда провели более 120 операций, уничтожив в боях до 12 тысяч вражеских солдат и офицеров, а также 11 генералов и высших государственных чиновников фашистской Германии. Подрывники отряда взорвали 81 эшелон противника с живой силой и техникой.

Оперативный состав отряда, используя связи в учреждениях и организациях оккупантов, получал обширную разведывательную и контрразведывательную информацию, которая своевременно передавалась в Центр. В Москву были переданы сотни радиogramм, содержащих ценнейшие сведения. Достаточно назвать переданные Медведевым сообщения о подготовке гитлеровцами покушения на участников исторического совещания в Тегеране — Сталина, Рузвельта и Черчилля, о размещении под Винницей ставки Гитлера, о подготовке немецкого наступления на Курской дуге, детальные данные о военных гарнизонах, регулярные сведения о военных перевозках по железным и шоссейным дорогам.

За время нахождения во вражеском тылу Дмитрий Николаевич был дважды ранен, получил контузию.

За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника и проявленные при этом мужество и героизм Д. Н. Медведеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени и многими медалями.

В отряде «Победители» сражался прославленный разведчик — Герой Советского Союза Н. И. Кузнецов, действия которого направлял и обеспечивал Д. Н. Медведев.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны Николай Кузнецов начал готовиться к работе за границей с нелегальных позиций. Однако разразившаяся война внесла коррективы в эту подготовку. В первые дни нападения гитлеровской Германии на нашу страну Николай Кузнецов подал рапорт с просьбой использовать его в «активной борьбе против германского фашизма на фронте или в тылу вторгшихся на нашу землю немецких войск». Летом 1942 года, пройдя специальную подготовку, он был зачислен в отряд особого назначения «Победители», которым командовал Д. Н. Медведев.

В соответствии с планом вывода Кузнецов был выброшен с парашютом в глубоком тылу противника — в Сарненских лесах Ровенской области. В связи с особо важными задачами, поставленными руководством Центра перед Кузнецовым, в отряде Д. Н. Медведева он значился как Николай Васильевич Грачев.

В городе Ровно, превращенном немцами в «столицу» временно оккупированной Украины, Николай Кузнецов появился под именем оберлейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта, кавалера двух Железных крестов. Хорошая профессиональная подготовка разведчика, блестящее знание немецкого языка, удивительные воля и смелость явились основой для выполнения им сложнейших разведывательно-диверсионных заданий.

Действуя под видом немецкого офицера, Николай Кузнецов в центре города Ровно привел в исполнение народный приговор — уничтожил имперского советника рейхскомиссариата Украины Гелля и его секретаря Винтера. Через месяц на том же месте смертельно ранил заместителя рейхскомиссара генерала Даргеля. Вместе со своими боевыми товарищами похитил и вывез из Ровно командующего карательными войсками на Украине генерала фон Ильгена и личного шофера Э. Коха Грану. Вскоре после этого в здании суда уничтожил жестокого палача, президента верховного суда на оккупированной Украине А. Функа.

Проведенные отважным разведчиком акты возмездия содействовали решению одной из важных задач советского командования — созданию

невыносимых условий фашистским захватчикам, вероломно напавшим на нашу страну.

Заслуга Николая Кузнецова состояла и в том, что, он одновременно целенаправленно собирал важную для Центра разведывательную информацию. Так весной 1943 года ему удалось получить чрезвычайно ценные разведывательные сведения о подготовке противником крупной наступательной операции в районе Курска с использованием новых танков «Тигр» и «Пантера». Ему также стало известно точное местонахождение полевой ставки Гитлера под Винницей, получившее кодовое название «Вервольф». Кузнецов первым сообщил о подготовке покушения на глав правительств «большой тройки», собиравшихся на историческую встречу в Тегеране. В его задачу входил также сбор информации о передвижении воинских частей, о планах и намерениях служб гестапо и СД, о поездках высоких чинов рейха, что с успехом использовалось в борьбе с врагом.

В конце декабря 1943 года Н. И. Кузнецов получил новое задание — развернуть разведывательную работу в городе Львове. Совершая акты возмездия, он привел в исполнение приговор народа и уничтожил вице-губернатора Галиции Отто Бауэра и подполковника Петерса. Обстановка в Галиции после этого крайне осложнилась. Кузнецову и двум его боевым товарищам — Яну Каминскому и Ивану Белову — удалось вырваться из Львова. Было принято решение пробираться к линии фронта. Однако в ночь с 8 на 9 марта 1944 года они попали в засаду в селе Боратин Львовской области и погибли в неравной схватке с украинскими националистами.

Помимо Медведева и Кузнецова еще семь кадровых сотрудников внешней разведки были удостоены высокого звания Героя Советского Союза за образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника. Это Ваупшасов, Кудря, Лягин, Молодцов, Орловский, Прокопюк и Рабцевич. Остановимся вкратце на их деятельности по руководству разведывательно-диверсионными отрядами и группами.

Накануне Великой Отечественной войны Станислав Алексеевич Ваупшасов находился на разведработе за границей. Знание испанского, английского и шведского языков, большой жизненный и боевой опыт способствовали успешному выполнению заданий Центра.

Возвратившись из командировки, Ваупшасов уже в сентябре 1941 года принимает участие в битве под Москвой в качестве командира батальона Отдельной мотострелковой бригады особого назначения.

В конце 1941 года Ваупшасову было поручено сформировать отряд особого назначения, которому надлежало скрытно перейти линию фронта и действовать в тылу врага в окрестностях Минска. Помимо боевых

операций — уничтожение вражеских гарнизонов, эшелонов с войсками и техникой, разрушение железных дорог, мостов — в задачу входило поддержание связи с действовавшими на территории Белоруссии партизанскими отрядами и подпольными группами, координация их взаимодействия. Немаловажную роль при подборе командира отряда, видимо, сыграли и личные качества Ваупшасова, отраженные в его характеристиках: «способен переносить любые трудности», «дисциплинирован, энергичен, инициативен», «храбр, решителен, скромн». Отряд преодолел почти тысячу километров и в конце апреля 1942 года прибыл к месту назначения — в леса Логайского района, неподалеку от Минска.

Взрыв в столовой СД, в результате которого нашли свою смерть десятки фашистских офицеров и генералов, стал первым в ряду дерзких диверсий, осуществленных партизанами Ваупшасова в Минске. Вслед за тем на вагоноремонтном заводе были взорваны механический цех и котельная. Сожжены общежитие и столовая летного состава. Взорвались в воздухе два транспортных самолета с высокими армейскими чинами на борту. Взлетели на воздух 2 склада боеприпасов. С помощью магнитных мин уничтожено 6 бензоцистерн, 5 паровозов в депо, 20 автомашин в гаражах... Так отряд Ваупшасова начал отсчет ратных побед над ненавистным врагом. Одновременно устанавливались связи с подпольными центрами, собирались и спланировались в партизанские отряды оставшиеся в тылу врага советские люди. За короткое время удалось организовать и поднять на борьбу с фашистскими захватчиками 16 партизанских отрядов.

Более двух лет Ваупшасов непосредственно возглавлял одно из самых крупных партизанских соединений. Велик был вклад его бойцов в общее дело победы. За 28 месяцев войны в тылу врага они подорвали 187 эшелонов с живой силой, техникой и боеприпасами. В боях и в результате диверсий было уничтожено свыше 14 тысяч немецких солдат и офицеров. Совершено 57 крупных диверсий, из них 42 — в Минске. В наиболее ответственных операциях Ваупшасов участвовал лично.

Из оперативной справки на опергруппу Ваупшасова «Местные»:

«Для проведения разведывательной и специальной работы опергруппа имела на связи около 500 агентов-боевиков, было создано также 40 подпольных диверсионных групп. Опергруппой ежедневно передавались в Центр важные разведывательные сведения о военных объектах противника, его аэродромах, гарнизонах, переброске войск, подготовке гитлеровским

командованием операции на Курской дуге».

15 июля 1944 года отряд Ваупшасова соединился с частями Красной Армии.

За умелое руководство боевыми операциями по разгрому врага, героизм, проявленный при выполнении специальных заданий в тылу противника Станиславу Алексеевичу Ваупшасову 5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Он был также награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I-й и 2-й степени, многими медалями.

xxx

Иван Данилович Кудря родился 24 июня 1912 года в селе Сальково Киевской области. Рос без отца, батрачил, учился в школе, работал слесарем в МТС.

После окончания педагогических курсов некоторое время был директором в сельской школе. Затем — призыв в армию. Службу проходил на пограничной заставе на западной границе, где зарекомендовал себя храбрым и мужественным пограничником. По рекомендации командования пограничного отряда был послан на учебу в Военно-политическое училище НКВД. После окончания училища в 1938 году Кудря направляется на работу в центральный аппарат внешней разведки. В марте 1941 года со специальным заданием был командирован в Киев, где его застала война с фашистской Германией.

Когда стало очевидным, что наши войска будут вынуждены под натиском гитлеровских полчищ временно уйти из Киева, для руководства подпольной разведывательно-диверсионной группой, созданной во вражеском тылу из числа патриотов, решено было оставить Кудрю. Позже один из руководителей НКВД Украины на вопрос, почему выбор пал именно на него, ответил так:

«Кудря был прирожденный разведчик: хладнокровный, не терявший головы даже в самой сложной ситуации, отважный, терпеливый, великолепно знавший украинский язык. Кроме того, Иван отлично умел уживаться с людьми, быстро завоевывал симпатии. Не знаю человека, который не был бы дружественно

настроен к этому обаятельному, жизнерадостному, всегда улыбающемуся парню».

... Наши войска готовились покидать Киев. В это время в доме 16 по Институтской улице поселился Иван Данилович Кондратюк. В соответствии с разработанной в Центре легендой резидент советской внешней разведки находился на временно оккупированной территории с документами на имя сына священника из Мерефы, расстрелянного Советской властью. По легенде он являлся преподавателем украинского языка и литературы средней школы.

Уже в конце сентября 1941 года резидентура Максима (таким был оперативный псевдоним разведчика и под этим именем он был известен подпольщикам) провела первые акции возмездия. Взрывом была уничтожена немецкая военная комендатура. Вслед за ней взлетел на воздух кинотеатр, в котором демонстрировался фильм для немецких солдат.

Однако оккупанты предприняли ответные меры. Борясь с подпольщиками, они начали уничтожать здания в городе. Был взорван и дом, в котором проживал Максим. При этом оказались уничтожены оружие, шифры, паспорта, деньги, адреса и пароли, продукты — все, что он тщательно накапливал для разведывательно-диверсионной работы.

Несмотря на возникшие трудности, людям Максима удалось быстро наладить связь с товарищами из подполья. Это дало возможность создать в Киеве и в его пригороде еще несколько диверсионных групп.

Руководимые Максимом боевые группы провели ряд крупных диверсионных актов, в частности, на железнодорожной станции Дарница, на трамвайной линии города. Они взрывали мосты, устраивали пожары на заводах, пускали под откос эшелоны с гитлеровскими войсками, уничтожали фашистские машины и катера. Кроме того, подпольщики изготовляли и распространяли листовки, информировавшие киевлян о действиях Красной Армии, о партизанском движении, призывавшие к борьбе против оккупантов.

Одновременно резидентура Максима добывала и передавала в Центр исключительно ценную разведывательную информацию о военных укреплениях врага в районе Киева, о дислокации немецких штабов и учреждений. Резиденту, в частности, удалось выявить действовавший в пригороде Киева разведывательный пункт абвера и внедрить в него свою сотрудницу. В результате в Центр были направлены подробные данные на более чем 80 гитлеровских шпионов и диверсантов, заброшенных абвером на нашу территорию.

Действуя в очень трудных условиях, Максим проявил себя как опытный конспиратор, инициативный и находчивый разведчик. В сложном психологическом поединке он вынудил одного из местных жителей, занимавшего высокий пост у немцев, оказывать помощь резидентуре. От этого источника в дальнейшем были получены ценные разведывательные сведения.

5 июля 1942 года по предательскому доносу Максим и несколько его товарищей были арестованы. В течение трех месяцев день за днем их жестоко истязали на допросах. Однако непрерывные пытки не сломили воли этих людей.

До сих пор нет точных данных о дне гибели разведчика. Известно лишь, что он умер молча, так ничего и не сказав гестаповцам, не раскрыв ни одного имени, ни одного эпизода из деятельности подпольщиков. Резидентура Максима сохранилась и под руководством его заместителя продолжала вести активную борьбу против оккупантов.

8 мая 1965 года, в канун 20-й годовщины победы советского народа в Великой Отечественной войне, Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Ивану Даниловичу Кудре было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

xxx

Виктор Александрович Лягин с июля 1939 года находился на разведывательной работе в США, являясь сотрудником нью-йоркской резидентуры по линии научно-технической разведки.

С первых дней войны он крайне болезненно переживал наши неудачи на фронте и в конце июля 1941 года подал рапорт с просьбой отозвать его в Москву и направить на фронт. Настойчивая просьба разведчика была удовлетворена.

Возвратившись в Москву, Лягин некоторое время возглавлял в Центре отделение научно-технической разведки, а затем с группой сотрудников разведки, главным образом — добровольцев, был направлен в город Николаев для организации разведывательно-диверсионной работы против фашистских захватчиков, руководил там деятельностью подпольного антифашистского центра.

Группа Лягина осуществила ряд крупных диверсий, причинивших немецким оккупантам большой ущерб в живой силе и технике, добывала и

передавала в Центр ценную разведывательную информацию о противнике. В документах 4-го управления НКВД того периода, в частности, указывалось:

«Группа В. А. Лягина (оперативный псевдоним Форт) провела в г. Николаеве крупные диверсионные операции по уничтожению аэродрома, нефтебазы, складов, оборудования заводов и морских судов врага».

В марте 1943 года фашистам удалось схватить разведчика при выполнении задания. На допросах он вел себя мужественно, перенес все ужасы фашистских пыток, но не выдал врагам участников группы. 17 июля 1943 года Лягин был расстрелян.

Сразу же после освобождения Николаева от фашистов в конце марта 1944 года, штаб партизанского движения 3-го Украинского фронта сообщил в Москву, что организаторами подпольного движения в городе являлись члены разведывательно-диверсионной группы во главе с прибывшим из Москвы Виктором Александровичем Корневым. В сообщении отмечалось, что «настоящая фамилия руководителя николаевского подполья не установлена.» И лишь в ноябре 1944 года стало известно, что Корнев на самом деле был кадровым сотрудником советской внешней разведки В. А. Лягиным.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и мужество Виктору Александровичу Лягину 5 ноября 1944 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

xxx

В июле 1941 года начальник одного из подразделений политической разведки **Владимир Александрович Молодцов** был направлен во главе оперативной разведывательно-диверсионной группы в Одессу для проведения специальных операций. Затем, когда наши войска покинули город, он был оставлен там для руководства диверсионной и разведывательной работой в тылу врага.

В трудных условиях подполья, находясь в блокированных врагом одесских катакомбах, Молодцов, известный среди подпольщиков как Павел Бадаев, создал два партизанских отряда.

Многоопытные спецслужбы противника — гестапо и румынскую сигуранцу — поражали размах и масштабность диверсий, совершаемых патриотами. В порту, на железной дороге, на аэродроме, в рыбацьем

поселке, на Большой Фонтанке, даже в рядах самих оккупантов — всюду имелись у Молодцова добровольные помощники. Они снабжали его ценнейшей военной и политической информацией.

Бойцы Молодцова не давали покоя оккупировавшим Одессу немецким и румынским войскам. Каждый день, утром и вечером, они выходили на задания. 17 ноября 1941 года партизаны пустили под откос эшелон «люкс», под обломками которого погибли более двухсот высокопоставленных немецких чиновников. С помощью партизан Молодцова была взорвана военная комендатура оккупантов в то время, когда там шло совещание офицеров. Под обрушившейся крышей погибли 140 фашистов, среди них два генерала. В документах румынской королевской разведки того периода, в частности, говорилось: «Ущерб, нанесенный нам организацией Бадаева, не поддается учету.»

Своими активными действиями партизаны отряда в течение нескольких месяцев отвлекали на себя крупные силы врага. Но чем активнее они действовали, тем свирепее становились оккупанты. Они травили патриотов газом, замуrowали входы в катакомбы, устраивали обстрелы каменоломен тяжелой артиллерией, но партизаны оставались неуловимыми и неуязвимыми.

9 февраля 1942 года румынской охранке удалось захватить отважного разведчика. В тюрьме на Молодцова надели кандалы, пытали на электрическом стуле, однако он выдержал все испытания. После оглашения смертного приговора 29 мая 1942 года Молодцову предложили написать прошение о помиловании. Он заявил: «Мы на своей земле, и у врагов пощады просить не будем».

За мужество и стойкость при выполнении специальных заданий командования и проявленные при этом отвагу и героизм 5 ноября 1944 года Владимиру Александровичу Молодцову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

xxx

В 1936–1937 годах **Кирилл Прокофьевич Орловский** выполнял специальные задания по линии советской внешней разведки во время войны с фашистами в Испании. За боевые заслуги был награжден орденом Ленина.

В период Великой Отечественной войны полковник Орловский командовал крупным партизанским отрядом особого назначения «Соколы»,

действовавшим на территории Белоруссии. Отряд участвовал во многих сражениях с немецко-фашистскими захватчиками, провел в тылу у немцев ряд успешных диверсий по уничтожению военно-промышленных объектов и крупных воинских эшелонов противника. В городе Барановичи партизаны отряда «Соколы» под руководством Орловского ликвидировали несколько видных гитлеровских военных чиновников и захватили важные военные документы.

В одном из боев в августе 1943 года Орловский был тяжело ранен. Ему оторвало правую руку и сильно контузило. Однако Кирилл Прокофьевич не прекратил руководить операцией, пока не вывел партизан в безопасное место.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу немецко-фашистских войск и проявленные при этом отвагу и мужество К. П. Орловский был удостоен звания Героя Советского Союза. Его боевые заслуги в Великой Отечественной войне были также отмечены четырьмя орденами Ленина, другими наградами.

Следует отметить, что выйдя в 1944 году по болезни в отставку К. П. Орловский был избран председателем колхоза «Рассвет» в своем родном селе Мышковичи Могилевской области Белоруссии. За короткое время колхоз превратился в передовое хозяйство республики и стал одним из лучших в стране. В 1965 году за выдающиеся трудовые достижения К. П. Орловскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

xxx

Николай Архипович Прокопюк родился 7 июня 1902 года на Волыни, в селе Самчики Каменец-Подольской области.

Семья, состоявшая из десяти человек и жившая на заработок отца, столярничавшего на местном сахарном заводе, испытывала большие материальные трудности. Поэтому юному Николаю сразу же после окончания церковно-приходской школы пришлось наниматься на сельскохозяйственные работы к помещику. В 1916 году, самостоятельно подготовившись, он экстерном сдает экзамен за шесть классов мужской гимназии.

После революции Николай становится пролетарием — работает на заводе в слесарном и токарном цехах. В шестнадцать лет добровольно вступает в вооруженную дружину завода. Сначала он оборонял завод, а в

1919 году участвовал в восстании против белополяков. Затем воевал в Красной Армии, в 8-й червоно-казачьей дивизии.

В 1921 году Николая Прокопюка как опытного бойца направляют на работу в органы госбезопасности. Он становится сотрудником Шепетовского окружного отделения ГПУ, принимает непосредственное участие в уничтожении диверсионно-террористических банд, которые засылались польской разведкой на нашу территорию. В 1923 году Николая Прокопюка «за беспощадную борьбу с контрреволюцией» наградили почетным именованным оружием.

Через год молодого чекиста направили на работу в пограничные войска. В течение семи лет Николай Прокопюк находился на разведывательной работе в погранвойсках: сначала в Славутском, а затем в Могилевском погранотрядах. В пограничных разведывательных подразделениях и происходило его практическое формирование как разведчика и контрразведчика. В наградном листе о его деятельности в этот период, в частности, говорится:

«... тов. Прокопюк принадлежит к числу наиболее заслуженных оперативных работников Украинской границы. Его энергия, личные храбрость и боевые заслуги известны по многим успешным чекистским операциям».

С 1935 года Прокопюк — сотрудник советской внешней разведки. В 1937–1938 годах он принимал активное участие в борьбе против фашистского режима в Испании, за что был награжден орденом Красного Знамени.

В годы Великой Отечественной войны Николай Прокопюк находился в тылу немецко-фашистских оккупантов, был командиром разведывательно-диверсионного отряда НКВД «Охотники», действовавшего вначале в западных районах Киевской области, а затем в Цуманьских лесах. Его отряд провел более двадцати боев с фашистскими карателями. Бойцы отряда уничтожили 21 эшелон с живой силой и военной техникой противника. Было выведено из строя 38 фашистских танков, захвачено много оружия и автомашин. Кроме того, по разведывательным данным отряда авиация дальнего действия Красной Армии осуществила ряд воздушных налетов на военные объекты врага. Так, в частности, в ночь на 17 мая 1944 года по целенаводке разведчиков наша авиация нанесла бомбовый удар по скоплению эшелонов противника на станции Хелм.

В 1944 году отряд Прокопюка и действовавшие рядом с ним

партизанские отряды были окружены немецкими карателями. Прокопюк принял на себя командование партизанским соединением. В ходе тяжелых продолжительных боев партизаны и разведчики нанесли противнику большой урон. Вражеское кольцо было прорвано, и партизанское соединение вырвалось из окружения. Под командованием Прокопюка партизаны и его группа прошли с боями более 300 километров.

В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Н. А. Прокопюк проявил себя способным командиром, сочетавшим высокое воинское мастерство, личное бесстрашие, волю к победе. За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм 5 ноября 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Разведчик был награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и многими медалями, а также восемью иностранными орденами.

После войны Н. А. Прокопюк несколько лет возглавлял один из отделов Советской военной администрации в Германии. В 1950 году в звании полковника вышел в запас по болезни. До конца своих дней активно занимался общественной деятельностью.

Скончался Николай Архипович Прокопюк в 1975 году.

xxx

В период гражданской войны в Испании сотрудник советской внешней разведки **Александр Маркович Рабцевич** принимал непосредственное участие в боях с франкистскими мятежниками, командовал разведотрядом 18-й бригады республиканской армии. За успешное проведение разведывательных операций и руководство деятельностью боевой группы он был награжден орденом Красной Звезды.

После возвращения из Испании Рабцевич был командирован по линии внешней разведки в город Минск в распоряжение НКВД БССР.

С начала Великой Отечественной войны А. М. Рабцевич — командир роты, а затем — командир батальона ОМСБОН.

С июля 1942 года и до полного освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков А. М. Рабцевич руководил в тылу противника партизанским отрядом особого назначения «Храбрецы».

Отряд, действовавший в районах Могилевской, Полесской и Пинской областей, провел ряд крупных операций по дезорганизации коммуникаций

противника и уничтожению его живой силы и техники. Планы этих операций были разработаны и осуществлены под непосредственным руководством Рабцевича. Совершая дерзкие вылазки на коммуникации, партизаны взрывали и обстреливали вражеские эшелоны, следовавшие к линии фронта, уничтожали мосты, истребляли живую силу противника.

Кроме того, отряд вел постоянную разведку военных объектов фашистских захватчиков. Так, в середине 1942 года бойцы отряда получили детальные данные о строительстве оборонительных рубежей, расположении складов, аэродромов и функционировании железнодорожных коммуникаций по Витебской, Могилевской и Гомельской областям. В частности, им стало известно о наличии юго-западнее города Орши крупного склада боеприпасов, емкостью более одной тысячи вагонов. Все эти сведения обобщались и передавались в Центр и в Белорусский штаб партизанского движения.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Александру Марковичу Рабцевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Таковы вкратце боевые биографии лишь девяти сотрудников 4-го управления НКВД, руководивших в тылу врага разведывательно-диверсионными отрядами и группами, состоявшими, в основном, из бойцов ОМСБОН.

13 августа 1942 года приказом по НКВД СССР N 3233 В. В. Гриднев был назначен командиром ОМСБОН.

Помимо формирования отрядов и групп для работы на оккупированных противником территориях руководством бригады велась активная разработка крупномасштабных диверсионных операций в тылу немецких войск. Так, в сентябре-октябре 1942 года такие операции были успешно осуществлены на участке Западного фронта, в мае-июне 1943 года — на участке Центрального фронта.

После битвы под Курском в июле-августе 1943 года, когда нацистская армия потерпела сокрушительное поражение, стало очевидным, что в Великой Отечественной войне, как и во Второй мировой войне в целом обозначился коренной перелом. Стратегическая инициатива полностью перешла в руки советского командования. Окончательный разгром гитлеровской Германии являлся уже дело ближайшего времени.

Верховным Главнокомандующим принимается решение

расформировать ОМСБОН, которая успешно справилась со своими задачами. 27 октября 1943 года по НКВД СССР был издан приказ N 0404, в котором, в частности, говорилось:

«...»

1. Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения войск НКВД СССР с 26 октября 1943 года считать расформированной.

2. Командира Отдельной мотострелковой бригады особого назначения войск НКВД СССР полковника тов. Гриднева В.В. полагать в резерве пограничных войск НКВД СССР».

В годы Великой Отечественной войны более 14 тысяч оперативных работников и воинов-чекистов, в том числе — 500 иностранцев, сражались в разведывательно-диверсионных группах и партизанских отрядах, сформированных ОМСБОН. В тылу противника действовало 2200 оперативных отрядов и групп. Диверсионно-разведывательные подразделения НКВД уничтожили 230 000 гитлеровцев, подорвали 2 800 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, добывали важную военную, стратегическую и политическую информацию.

В ноябре 1943 года В. В. Гриднев назначается советником Министра внутренних дел Монгольской Народной Республики. 17 ноября 1944 года постановлением СНК СССР ему присваивается воинское звание генерал-майор. В Монголии находился до января 1949 года. Принимал участие в войне с Японией.

Из воспоминаний В. В. Гриднева:

«Гитлеровская Германия была повержена, но война еще бушевала в Китае, Юго-Восточной Азии и бассейне Тихого океана. Империалистическая Япония продолжала свою захватническую политику.

Естественно, что наша страна не могла оставаться в стороне от событий на Востоке, имеющих непосредственное отношение к безопасности ее дальневосточных границ.

Советский Союз, а также Монгольская Народная Республика объявили Японии войну. В начавшихся боевых действиях активно участвовали советские пограничники и монгольские чекисты. Было создано большое количество подвижных оперативных групп для выполнения специальных заданий.

... Темной ночью оперативные группы бесшумно подошли к заставам противника и захватили их. Вдоль всей границы на черном небе вспыхнули

сотни световых сигналов: воины-чекисты давали знать о том, что поставленные перед ними задачи выполнены.

Тишину ночи разорвал резкий шум моторов — вперед пошли танки, самоходные орудия, бронемашины, автомобили с пехотой. Следом за техникой двинулась конница. Началось стремительное наступление советских и монгольских войск».

Возвратившись в Москву в январе 1949 года, В. В. Гриднев становится начальником одного из отделов Комитета информации при СМ СССР (так тогда называлась внешняя разведка).

В феврале 1950 года его назначают начальником Высшей разведывательной школы органов госбезопасности. На этом посту Вячеслав Васильевич проработал десять лет, отдавая подготовке молодых разведчиков много сил и энергии.

В сентябре 1960 года вышел в отставку по состоянию здоровья.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности генерал-майор Гриднев был награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, многими медалями, а также тремя орденами МНР.

5 января 1991 года Вячеслав Васильевич Гриднев скончался.

Похоронен в Москве на Преображенском кладбище. Его деятельность чекиста-разведчика отражена в экспозиции Кабинета истории Службы внешней разведки Российской Федерации.

Преемственность поколений

Завершая наш рассказ о судьбах замечательных людей — сотрудников внешней разведки, самоотверженно трудившихся на благо Отечества, хотелось бы остановиться на важном, как нам представляется, вопросе преемственности поколений.

Знакомясь с жизнью и отдельными эпизодами оперативной деятельности «легальных» и нелегальных разведчиков, невольно обращаешь внимание на то, что их дети, каждый на своем поприще, достойно продолжали и продолжают главное дело своих отцов — служение Родине.

Сын активного советского разведчика довоенного периода Артура Баевского военный летчик Георгий Баевский во время Великой Отечественной войны лично сбил в воздушных боях 16 самолетов противника, за что удостоился звания Героя Советского Союза. После войны генерал-майор авиации Г. А. Баевский занимался научной деятельностью...

В конце 2001 года комиссия Мосгордумы единогласно присвоила Народному учителю СССР Леониду Мильграму звание Почетного Гражданина города Москвы. Этот замечательный человек, участник Великой Отечественной войны, более сорока лет директорствовал в московской школе-гимназии N 45. Его погибший в годы «ежовщины» отец — Исидор Вольфович Мильграм — являлся достойным представителем славной когорты первого поколения советских разведчиков. В 1920-е — 1930-е годы он находился на нелегальной работе, был резидентом внешней разведки...

В одном из микрорайонов Теплого Стана в Москве проживает Георгий Борисович Базаров — сын замечательного советского разведчика-нелегала Бориса Яковлевича Базарова, расстрелянного по ложному обвинению в 1939 году. Пройдя Великую Отечественную войну с первого и до последнего дня, отслужив в армии и выйдя в отставку в звании полковника, Георгий Борисович возглавил молодежные поисковые отряды следопытов, отправлявшиеся по местам сражений с фашистскими захватчиками. Благодаря усилиям ветерана и его добровольных помощников были восстановлены сотни имен безымянных героев минувшей войны...

В семье разведчиков-нелегалов Михаила Исааковича и Елизаветы Ивановны Мукасеев, более 20 лет находившихся на боевой работе в особых

условиях, четыре члена Союза кинематографистов России. Их сын Анатолий Мукасей — один из лучших российских кинооператоров, дочь работала администратором, директором кинокартин на Центральной студии документальных фильмов. Жена Анатолия — известная киноактриса и режиссер Светлана Дружинина...

Подобных примеров бескорыстного, честного служения Отечеству можно привести много. Остановимся еще на одном.

28 апреля 2001 года в 11. 37 по московскому времени с космодрома Байконур стартовал космический корабль «Союз-ТМ-32», пилотируемый экипажем в составе Толгата Мусабаева (командир корабля), Юрия Батурина (бортинженер) и гражданина США Денниса Тито (пассажир-турист).

30 апреля космический корабль состыковался с находящейся на околоземной орбите Международной космической станцией (МКС). Космонавтам предстояло работать на МКС совместно с находившимся там постоянным экипажем.

18 апреля, накануне вылета на космодром Байконур и своего второго космического полета, Юрий Батурин побывал в штаб-квартире внешней разведки в «Ясенево». Он возложил цветы к памятнику чекистам-разведчикам, отдавшим жизнь за Родину, а затем посетил Кабинет истории СВР, в экспозиции которого, в частности, рассказывается и о работе за кордоном... его отца — замечательного советского разведчика Михаила Матвеевича Батурина.

Михаил Батурин родился в 1904 году в городе Таганроге. Трудовую деятельность начал в 12 лет сначала уборщиком, а затем — посыльным в частной конторе машинописи в городе Баку, где в то время жила его семья. В 1919 году был принят на работу учеником кондитера.

В тяжелые для молодой России 1920–1921 годы Михаил Батурин — красноармеец-доброволец 283-го стрелкового полка 32-й дивизии 11-й Армии.

С середины 1921 года — в пограничных войсках. Окончил Высшую пограничную школу ОГПУ в Москве. До 1937 года служил на различных должностях, пройдя путь от уполномоченного погранотделения Особого отдела 1-го Кавказского корпуса (город Ленкорань, Азербайджан) до начальника Отдельного морского пограничного пункта в городе Баку.

В конце 1930-х годов Советскому Союзу было непросто осуществлять политику мирного сосуществования. В этих целях важным и законным методом являлось использование особых интересов враждебных СССР государств, их взаимных противоречий. Страна нуждалась в преданных Родине и хорошо подготовленных кадрах для работы за рубежом. И

Михаил Батури́н в 1937 году, хотя ему было уже 33 года, становится студентом Московского института востоковедения, где изучает турецкий и французский языки, которыми впоследствии овладел в совершенстве.

В 1939 году М. М. Батури́н был принят на работу в 5-й отдел Главного управления государственной безопасности НКВД СССР (внешняя разведка). Уже в начале 1940 года его направили в долгосрочную командировку в Турцию, где он очень плодотворно проработал в течение семи лет: сначала резидентом в Анкаре, затем заместителем резидента в Стамбуле, а с мая 1942 года — главным резидентом в Турции. По линии учреждения прикрытия являлся заместителем торгпреда, а с 1944 года — торгпредом СССР в Турции.

В «Очерках истории российской внешней разведки» приводится следующая оценка ситуации, сложившейся в Турции, в тот период:

«В годы войны, несмотря на официально провозглашенный нейтралитет, Турция занимала откровенно прогерманскую позицию. 18 июня 1941 года, то есть за четыре дня до нападения фашистской Германии на Советский Союз, турецкое правительство заключило с Берлином пакт о дружбе и ненападении, явно направленный против СССР. В 1941–1942 годах правящие круги Турции вели с Германией переговоры о возможности участия турецких войск в войне против СССР и готовились к ней...

В годы войны в Турции действовали резидентуры советской разведки в Стамбуле и Анкаре, а также разведпункт в Карсе у советско-турецкой границы. Главной считалась стамбульская резидентура...

Центр требовал направить силы и средства резидентур на добывание информации о военных планах и приготовлениях Турции на нашей границе. Турецкие власти делали все, чтобы заблокировать деятельность советской разведки. Условия работы были тяжелыми».

Вслед за назначением Михаила Матвеевича руководителем резидентуры в Анкаре стамбульскую «легальную» резидентуру возглавил Георгий Иванович Мордвинов — разведчик с большим опытом заграничной работы. Он активно включился в оперативную деятельность, лично участвовал в проведении ряда важных разведывательных мероприятий. Исходя из ответственных задач, стоявших перед стамбульской резидентурой, Центр в конце 1941 года перевел М. М. Батурина из Анкары в Стамбул и назначил его заместителем Мордвинова.

... 24 февраля 1942 года в 10 часов утра на бульваре Ататюрка в Анкаре взорвалась бомба. Человек, несший взрывное устройство, и оказавшийся, как выяснилось позднее, болгаринот турецкого происхождения, при этом погиб.

В то же самое время в немногим более полутора десятках метрах от места взрыва оказались посол Германии в Турции Франц фон Папен и его жена, которые направлялись пешком в германское посольство. Немецкий дипломат с супругой не пострадали и продолжили свой путь.

Турецкие власти незамедлительно заявили, что на германского посла было предпринято покушение, за которым якобы стояли советские спецслужбы, и начали расследование.

Уже через сутки полиция задержала студента Абдурахмана и парикмахера Сулеймана, которые были объявлены коммунистами, причастными к террористическому акту. Вслед за ними были арестованы работники советского торгпредства Мордвинов и советского генерального консульства Корнилов (также сотрудник резидентуры), которых полиция обвинила в том, что они якобы «замешаны в организации покушения на фон Папена».

1 апреля 1942 года в анкарском уголовном суде было начато слушание дела «О покушении на германского посла фон Папена». Советские представители были приговорены к 20 годам тюремного заключения каждый, турецкие подданные Абдурахман и Сулейман — к 10 годам тюремного заключения.

Более двух лет провели советские разведчики в заключении. Лишь в августе 1944 года, когда положение на фронтах Второй мировой войны окончательно сложилось в пользу антигитлеровской коалиции и Турция разорвала дипломатические отношения с Германией, узники анкарской тюрьмы были освобождены и возвратились в Москву.

Небольшое отступление по поводу:

Следует отметить, что в последние годы в ряде публикаций у нас в стране и за рубежом получила распространение версия, повторяющая утверждения турецких властей того времени о причастности советской разведки к организации покушения на фон Папена.

В отношении этого события в «Очерках истории российской внешней разведки» подчеркивается:

«В архиве СВР России документов, свидетельствующих в пользу этой версии, нет.

По имеющимся данным, немецкие спецслужбы во взаимодействии с турецкими в феврале 1942 года организовали инсценировку покушения на германского посла фон Папена. Преследовались две цели: подрвать официальный нейтралитет Турции и подтолкнуть турецкое правительство к вступлению в войну против СССР, а также скомпрометировать советских представителей, выставив их в качестве террористов».

Сразу же после ареста Г. И. Мордвинова стамбульскую резидентуру возглавил М. М. Батулин. Через два года он стал главным резидентом НКГБ в Турции и координировал работу всех загранточек советской внешней разведки в этой стране.

Только за период с мая 1940 по март 1944 года Леонид (таким был оперативный псевдоним резидента Батурина) лично завербовал 9 ценных агентов. С пятью из них активная работа продолжалась длительное время и после отъезда разведчика из Турции. Можно представить, как важна была для нашей страны накануне и во время войны с гитлеровской Германией секретная информация относительно германо-турецких отношений и о деятельности немецкой разведки в Турции.

Одним из важных направлений деятельности советской разведки в заключительный период войны было отслеживание секретных переговоров представителей союзников и сателлитов гитлеровской Германии с Англией и США с целью заключения сепаратного мира и всестороннее освещение их содержания. Стамбульская резидентура внесла свой вклад в реализацию этого задания Центра.

После наметившегося в 1943 году коренного перелома в ходе Второй мировой войны союзники гитлеровской Германии начали искать возможности выхода из нее, зачастую — путем закулисных переговоров с представителями США и Англии. Первой эту задачу решила Италия, которая вышла из войны в сентябре 1943 года. 9 сентября 1944 года прекратила войну Болгария. 12 сентября Румыния подписала с государствами — союзниками по антигитлеровской коалиции соглашение о перемирии и выступила против Германии. 19 сентября Финляндия разорвала отношения с Берлином и вышла из войны.

Практически последним союзником гитлеровской Германии в центре Европы в середине 1944 года оставалась Венгрия, солдаты которой продолжали сражаться против Советской Армии. Однако в ближайшем окружении регента Венгрии Хорти хорошо понимали, что Германия уже не в состоянии победить.

Советская разведка получила данные, что венгры избрали Стамбул местом проведения конфиденциальных переговоров с англичанами и американцами. Стамбульская резидентура сумела получить надежную информацию о ходе и содержании этих переговоров. В Москву были направлены документы, касавшиеся контактов с представителями союзников секретаря министерства иностранных дел Венгрии Ласло Вереша, венгерского военного атташе в Турции Отто Хатца и венгерского консула в Стамбуле Ужвари, которые действовали по поручению своего

правительства, в частности, премьер-министра Каллаи. Добытые стамбульской резидентурой сведения о тайных переговорах 13 октября 1944 года были доложены Сталину, Молотову и Берии.

В сентябре 1947 года М. М. Батурин возвратился в Москву. В служебной характеристике, составленной в Центре по итогам его командировки, отмечалось:

«С поставленными перед ним задачами успешно справился. За время работы в весьма трудных закордонных условиях провел ряд удачных вербовок, обеспечивших своевременное представление ценных агентурных материалов».

За заслуги в разведывательной работе и большой вклад в дело обеспечения безопасности страны Михаил Матвеевич Батурин был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

В 1951 году после 30 лет службы в войсках и органах государственной безопасности полковник Батурин вышел на пенсию по выслуге лет с должности заместителя начальника одного из ведущих отделов внешней разведки.

х х х

... Вот и на этот раз Юрий Михайлович Батурин пришел в Кабинет истории разведки, чтобы побыть наедине с фотографиями и личными вещами своего отца и мысленно доложить ему, что готов к выполнению очередного космического задания. Это было не только данью памяти отцу, но и проявлением глубокого уважения к делу, которому тот посвятил свою жизнь.

Наша справка:

Юрий Михайлович Батурин родился 12 июня 1949 года в городе Москве. В 1973 году окончил Московский физико-технический институт (факультет аэрокосмических

исследований), работал в ЦКБЭМ (ныне — Ракетно-космическая корпорация «Энергия»).

Позже окончил Всесоюзный заочный юридический институт (ныне Государственная юридическая академия) и факультет журналистики Московского государственного университета. Доктор юридических наук, лауреат премии Союза журналистов за 1991 год.

В 1991 году стал консультантом помощника Президента СССР. В 1991 — 1993 годах работал в телевизионной программе «Итоги», в Институте государства и права, в «Горбачев-фонде». Являлся одним из авторов Закона СССР о печати и Закона РФ о средствах массовой информации.

С 1993 года — член Президентского Совета, помощник Президента РФ по юридическим вопросам. В 1994 году был назначен помощником Президента РФ по национальной безопасности, возглавлял Комиссию по высшим воинским должностям, высшим воинским званиям и высшим специальным званиям Совета по кадровой политике при Президенте РФ. С 1996 года — секретарь Совета обороны Российской Федерации. В августе 1997 года был вновь назначен помощником Президента РФ.

Владеет английским и шведским языками.

В августе 1998 года Юрий Батурин в качестве космонавта-исследователя совершил свой первый космический полет в составе экипажей космического корабля «Союз-ТМ-28» и орбитальной станции «Мир». На орбитальном комплексе он находился 11 суток 19 часов 39 минут и провел более 20 важнейших научных экспериментов, за что был награжден орденом Мужества.

После недельного пребывания на борту Международного космического комплекса и полного выполнения поставленных перед ними заданий Мусабаев, Батурин и Тито вернулись на Землю на корабле «Союз-ТМ-31», который за полгода до описываемых событий доставил на МКС первый постоянный экипаж станции — Билла Шеппарда, Сергея Крикалева и Юрия Гидзенко. 6 мая в 9. 41 по московскому времени спускаемый аппарат корабля «Союз-ТМ-31» совершил посадку в Казахстане. В тот же день экипаж был благополучно доставлен в Звездный городок.

Космический полет привлек широкое внимание средств массовой информации практически всех стран мира. В первую очередь это

объяснялось присутствием в экипаже «космического туриста» американца Тито. В истории пилотируемой космонавтики это была первая «экскурсия» на орбиту, принесшая, надо отметить, российской космической отрасли солидную сумму долларов. Для склонных к сенсациям журналистов это, безусловно, была новость «номер один».

Но даже досужие журналисты в то время не знали (а если бы узнали, то дали бы волю своим фантазиям!), что с момента старта на Байконуре и до возвращения в Звездный городок в компании трех космонавтов незримо присутствовал еще один «член экипажа».

Отправляясь в космический полет, Юрий Батурин в память об отце взял с собой портрет выдающегося советского разведчика-нелегала Вильяма Генриховича Фишера (Рудольфа Абеля) работы ветерана Службы внешней разведки П. Г. Громушкина. Всю космическую экспедицию на МКС он находился на рабочем месте российского бортиженера. После возвращения в Москву Юрий Михайлович передал портрет (с соответствующими свидетельствами о его космическом полете и бортовыми печатями) в Кабинет истории разведки.

За осуществление второго космического полета Указом Президента Российской Федерации Юрию Михайловичу Батурину было присвоено звание Героя России.

Приведенные выше примеры, как нам представляется, свидетельствуют в первую очередь о том, что до тех пор, пока существует преемственность поколений в служении Отчизне, Россия, как отмечал первый Директор СВР Е. М. Примаков, «никогда не будет стоять на коленях».